

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

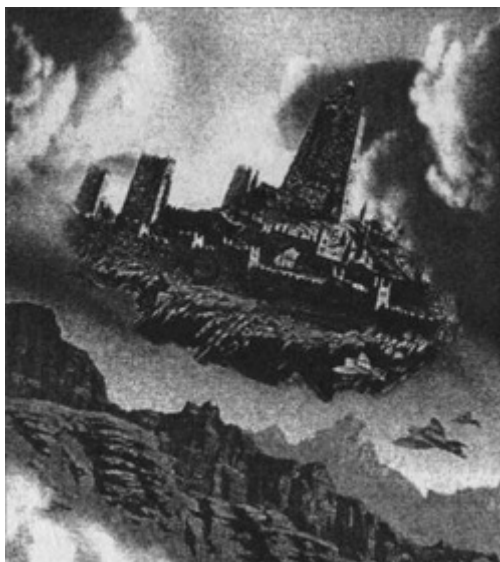
восставшие
миры

Annotation

Питер Ла Наг невольно оказывается во главе бунтарей, желающих разрушить прогнившую Империю внешних миров. Его поддерживают флинтеры, виртуозно владеющие всеми видами оружия, и миллиардер в летающем замке — он жаждет мести. Но планы революционеров висят на волоске. То из-за снайпера с лучевым ружьем, замурованного в колонне тронного зала, то из-за сумасшедшего сообщника, то из-за инопланетян тарков, курсирующих на границе Империи и шпионящих за людьми...

Пол Вилсон

Восставшие миры

Примечание издателя

Перед вами литературное произведение. Все имена, персонажи, места действия и события выдуманы автором. Любое сходство с реальной личностью — живой или мертвой, событиями, местом действия чисто случайно.

Посвящается моим родителям

Предисловие

Только в 1979 году, после выхода в свет романов «Целитель» и «Колесо в колесе», родившихся из рассказов, опубликованных издательством «Аналог», я собрался сочинить роман о начале. Решившись и дальше описывать будущую историю Федерации, хотелось показать ее корни, рассказать о ее основателе Питере Ла Наге — революционере поневоле.

Я представил себе человека, который не склонен к насилию и пытается свергнуть репрессивную власть без кровопролития — или хотя бы ценой совсем малой крови. Как это сделать?

В свое время я сам был радикалом, приверженцем «анархо-капиталистических» взглядов Людвиг фон Мизеса^[1], Марри Ротбарда и прочих. Все они единодушно считают душой свободного общества свободную экономику: если людям не позволено совершать друг с другом свободные сделки, люди не свободны. Меня сильно заинтересовала веймарская гиперинфляция в начале 1920-х годов^[2] (которой я снова пристально занялся через несколько десятилетий, работая над романом «Арийцы и абсент»), и мне пришло в голову: если правительство, преследуя свои цели, манипулирует экономикой, почему бы умному революционеру точно таким же образом не свалить правительство?

И как только я понял, что цель Питера Ла Нага и его орудие — одно и то же, сюжет сразу сложился.

Заодно он позволил мне выразить давнее отвращение к приевшемуся образу галактической империи в научной фантастике. Действительно, идея централизованной, сжатой в железный кулак власти, которая правит многочисленными мирами, разделенными десятками световых лет, абсурдна даже при перелетах со сверхсветовой скоростью. Мое представление чуть практичней: свободная конфедерация колонизированных миров, в основном предоставленных самим себе, над которыми висит «большая дубинка», предотвращая любые агрессивные и захватнические тенденции. Другими словами — руки прочь, делай что хочешь.

Вот такая концепция. Нынче она называется либертарианством. Сегодня существует либертарианское движение, Либертарианская партия, а в конце шестидесятых годов, когда я пришел — как бы лучше сказать — к своему Weltanschauung^[3], оно не имело названия. В 1964–1968 годах я учился в вашингтонском Джорджтаунском университете и участвовал в маршах протеста, присоединялся к толпам вокруг Мемориала Линкольна, шагал вместе с прочими вдоль Потомака к Пентагону. Это было грандиозное представление, колоссальная тусовка. Мне, конечно, хотелось, чтоб война во Вьетнаме закончилась, но я был в той толпе одиночкой, политическим и философским сироткой.

Проблема заключалась в том, что я никак не мог увидеть особенных функциональных различий между социалистическим, коммунистическим и фашистским государством. Риторика, разумеется, разная, а по сути центральная власть в любом случае устанавливает контроль над бизнесом, производством, средствами массовой информации, образованием — то есть над личностью. Кто надевает на меня наручники — государство или коллектив, — не имеет значения, я все равно в оковах.

Поэтому я поспешно шарахнулся в другую сторону, подальше от лево-правой оси, и, позвольте сказать, очутился в полном одиночестве. Порвал с левыми, предпочитая свободную экономику (одна женщина на антивоенной демонстрации крикнула: «Видно, тебя на сотню лет заморозили!»), и с «молодыми республиканцами», которые только крестились, слыша от меня предложение легализовать наркотики и проституцию.

Мне с самого начала хотелось представить в фантастическом романе подобный непривычный, но в принципе здравый взгляд на мир. Почему бы и нет? Многие научно-фантастические произведения

описывают инопланетян, а почти каждый, кого я знаю, наверняка признает эту безымянную философию инопланетной.

Взявшись в конце концов за «Восставшие миры», я решил превратить его в некий манифест. Но, не желая впасть в убийственную серьезность, немножко позабавился с эпиграфами, взятыми из самых разнообразных источников, начиная с Томаса Джефферсона и заканчивая Роджером Рамджетом. А когда ничего подходящего под руку не подворачивалось, сам выдумывал цитаты, приписывая их «Второй Книге Успр» (исправленному изданию Восточной секты).

Успр — мое слово (аббревиатура объясняется в тексте), которое, впрочем, кажется, зажило самостоятельной жизнью. Я секунду назад поискал его в Интернете и нашел 187 раз. Встречаются автомобильные номерные знаки с аббревиатурой «успр»; новички вставляют в свои файлы цитаты из «Второй Книги»; читатели обращаются ко мне с вопросом, где можно купить эту самую книгу (извините, нигде), предлагают ее написать и выпустить в продажу, а если мне некогда, то могут сочинить ее сами (извините, не сможете).

Многие сообщают, будто «Восставшие миры» изменили их жизнь. *Страшновато!* Изменив чью-то жизнь, не принимаешь ли на себя ответственность за дальнейшее?

Хуже того — после успеха «Восставших миров» меня начали называть «научным фантастом-либертарианцем». Протестуя против всяческих ярлыков, я решил отдохнуть от фантастики. Следующим моим романом стал «Замок», только это совсем другая история.

В 1980 году «Восставшие миры» в твердой обложке, если их удавалось найти, дороговато стоили. С учетом этого издательство «Стелс-пресс» исправило положение, выпустив новый тираж. В придачу к Ла Нагу здесь публикуется «Крысолов», которого я впервые издал самостоятельно, и рассказ о предке Питера Ла Нага, подпольном торговце жирами, упоминающемся в восьмой главе романа.

Ф. Пол Вилсон

Джерсийское побережье

1 ноября 2000 г.

Видимо, навсегда останутся без ответа многие вопросы о Великом Заговоре, тем более после того, как на них категорически отказался ответить главный его разработчик — Питер Ла Наг. На редкость глубоко проникнув в ткань имперского общества, заговор оставил за собой немало заметных следов, из которых перед нами складывается довольно ясная картина пятилетнего периода, предшествовавшего революции.

Но что предшествовало самому плану? Почему вообще он возник? Почему Питер Ла Наг решил, будто назрел революционный момент? Здесь мнения ученых расходятся, хотя в современных трудах предпочтение отдается одному случайному событию. Прибытие Ла Нага на Трон и прекращение попыток убить Метепа VII последовали вскоре после небольшого антимилицейского бунта на Нике. В этом выступлении и присутствовал роковой фактор — молодая женщина по имени Лайза Кирович. Впрочем, Кирович — ее фамилия по мужу. А девичья — Бедкер. Вот где собака

зарыта...

Эммерц Фент.

Из книги «Ла Наг: биография»

Пролог

— ...и я вам говорю — с нас хватит!

Лайза Кирович стояла вместе с мужем в первом ряду, приветственно кричала, притопывала ножкой, голосила вместе с остальными. В зал набилось около двух сотен сердитых людей, в накалившемся воздухе царил крепкий густой запах пота, на что никто не обращал особого внимания. Все жадно слушали хитроумно сплетенные речи оратора.

— ...два с лишним стандартных столетия тому назад мы хорошим пинком вышвырнули земную милицию обратно в Солнечную систему. Она досуха нас выдаивала, начисто забирая продукты производства и отправляя на Землю. Поэтому наши прапрапрадеды взбунтовались и создали Империю, надеясь, что мы получим свободу. Но посмотрим теперь на себя — разве нам стало лучше? С момента образования Империя обложила нас налогами, а потом, если этого мало, додумалась объявить, что ее не устраивает валюта Ники — платите имперскими марками. Теперь вместо земной милиции на всей нашей планете имперская охрана, которая должна якобы нас защищать от возможных контратак Земли! Всех нас считают полными идиотами! Имперская охрана находится здесь по одной-единственной причине: чтобы гарантировать уплату налогов и позаботиться, чтоб они прямоком отправлялись в сундуки Метепа на Троне! Вот *зачем* она здесь. С меня, например, вполне достаточно — хватит!

Слушатели опять разразились буйными приветственными криками. По кругу передавались бутылки, белые приличные одежды были скинуты, строгие запреты отброшены. У Лайзы уже кололо иголками губы и кончики пальцев, поэтому на сей раз она оставила стакан нетронутым, с насмешливым удивлением наблюдая за собственным мужем Фреем, который надолго к нему приложился. Оба родились и выросли на Земле, хотя по их внешнему виду об этом факте нельзя было бы догадаться. Даже родители с большим трудом узнали бы своих детей под многослойным гримом и накладками.

Как и многих прочих молодоженов своего и предшествующего поколения, их соблазнила жизнь первопроходцев во внешних мирах. Теперь они уже почти пять локальных лет работают на ферме. Скоро накопят деньги, вступят на собственный путь, который сулит еще более тяжкий труд. Впрочем, они сами хотели оказаться на этом месте и радовались каждой минуте.

Хотя складывалась далеко не идеальная экономическая ситуация. Уровень жизни на Нике оставался низким даже в самые лучшие годы; имперские налоги усугубили положение. Если б не эти самые налоги, Лайза с Фреем, наверно, имели бы в данный момент собственное поместье. Невыносимо — налоги взимаются с каждого платежного чека... уплата налогов олицетворяет время, а время — это жизнь... Каждый платеж уносит кусочки их жизни, которые уплывают на Трон... крошечные частички жизни летят в космическом пространстве...

А теперь с Трона требуют новой дани: управленческий налог повышается на два процента для покрытия расходов на содержание гарнизонов имперской охраны на Нике.

Это стало последней каплей. Пускай эти самые гарнизоны катятся куда подальше. Оратор на трибуне сказал, что они не нуждаются ни в каких гарнизонах, и — Ядро свидетель — он абсолютно прав!

Лайза прекрасно себя чувствовала. По всему телу разливалось волнующее тепло. Она посмотрела на Фрея, чувствуя любовь к нему. С такой же любовью взглянула вокруг на обветренные, загорелые возбужденные лица. Настоящие, сильные люди, которые борются с инопланетной экологией при минимальной помощи техники, колоссальными физическими усилиями. Тут нет господ-фермеров — хозяева и работники трудятся бок о бок.

Зал начинал пустеть, люди расходились не бесцельно, неспешно и празднo, а целенаправленно. Наверно, оратор с трибуны что-то сказал слушателям — Лайза пропустила мимо ушей, — потому что все одевались и следовали за ним к двойным задним дверям. Фрей потянул ее за собой, и она покорно потопала. Все направились к местному гарнизону.

Холодный ночной воздух освежил Лайзу, прояснил мысли, обострил восприятие. Прикрывая голубые глаза на ветру, трепавшем каштановые волосы, она глянула в небо цвета оникса и поняла, что уже не землянка. Звездное небо выглядит нынче правильно. В первые годы после приезда все было не так — солнце неправильного огненного оттенка и неправильного размера, дневное небо непривычного синего цвета, по ночам две луны... Сегодня вышли оба спутника Ники. Маленькая игривая Мейна кружится за дальней строгой сестричкой Пало. Обе на своем месте. Теперь Лайза никейка.

Местный гарнизон располагался в безликом белом блоке на углу взлетно-посадочной площадки, где стояли два челнока, готовые при первой необходимости доставить отряд на крейсер на орбите. После разрыва внешних миров с Землей вероятность подобной необходимости с каждым десятилетием сокращалась и уже больше века считалась имперской фантазией. Земля по-прежнему жаждала прибрать к рукам внешние миры с их ресурсами, но ее останавливал риск и расходы.

Поэтому гарнизонные солдаты вели легкую жизнь. Держались довольно прилично, считая своей главной задачей во время дежурства на Нике борьбу со скукой. До нынешнего дня. С приближением толпы охранники высыпали из единственной двери, выходящей в город, и выстроились неуверенным полукругом между местными жителями и имперской собственностью. Командир отправил на собрание своего информатора, чтобы тот вовремя предупредил, если собравшиеся, раскипятившись, решатся на конфронтацию.

Кто-то в толпе принялся нараспев декламировать: «Возвращайтесь на Трон, оставьте нас в покое!.. Возвращайтесь на Трон, оставьте нас в покое!..» Остальные быстро подхватили, затопали в такт, маршируя, скандируя.

Лайзу в давке оттеснили от Фрея, в поисках которого она в толкучке пробилась в передовые ряды. Но там сразу забыла о муже, шагая длинными решительными шагами, подхваченная братской целеустремленной волной. Они собирались отправить Метепу послание: да, Ника считает себя отколовшимся миром, освободившимся от Земли; да, Ника по-прежнему входит в Империю. Но больше не будет платить дань Метепу. Не станет отправлять на Трон частички жизней.

С крыши гарнизона загремел мужской голос, усиленный динамиком:

— Разойдитесь, пожалуйста, по домам, пока кто-нибудь не сказал и не сделал того, о чем все мы потом пожалеем. Вам нечего с нами бороться. Если у вас есть жалобы, свяжитесь со своими представителями на Троне.

Обращение повторилось:

— Разойдитесь, пожалуйста...

Толпа проигнорировала и с удвоенной силой запела:

— Возвращайтесь на Трон, оставьте нас в покое!..

Суетливо дергавшиеся охранники — почти сплошь юнцы, уроженцы Трона, добровольцы в связи с безработицей на родной планете — взяли оружие на изготовку. До сих пор их военная подготовка сводилась к коротким занятиям на голографических имитаторах. Практически все считали местных жителей придурками, копающимися в грязи, которые тратят жизнь, горбятся на бесплодной земле, потому что больше ничего не умеют; однако знали также, что это крутые ребята. У солдат имелось оружие,

у местных — огромное численное превосходство, поэтому первые неуверенно себя чувствовали.

— Не подходите! — крикнул в ночь голос с крыши. — Остановитесь, или охране придется стрелять, защищая имперскую собственность!

Толпа упорно шла вперед.

— Возвращайтесь на Трон, оставьте нас в покое!..

Лейтенант на земле заорал подчиненным:

— Поставить глушители на все оружие! Нам сегодня тут мучеников не надо, — и, быстро оглянувшись на почти придвинувшуюся к нему толпу, отдал приказ: — Огонь!

По передним рядам пробежали плотные сильные ультразвуковые лучи, оказав немедленное воздействие. Люди, попавшие под невидимую звуковую волну, завертелись, падая на землю. Микровибрации, специально настроенные на человеческую нервную систему, проникали в нейронную цитоплазму. Первые ряды уже лежали, корчась в судорогах, задние напирали, перешагивая через упавших товарищей. Шествие пришло в полный хаос.

Не имея возможности продвигаться вперед, толпа отступила на безопасное расстояние и перешла к словесным атакам. Охранники отключили глушители, приведя оружие в боевое состояние. Вскоре лежавшие на земле начали подниматься, возвращаться, пошатываясь, к поджидавшим товарищам.

Все, кроме одной.

Лайза Кирович не дышала. Как впоследствии выяснилось, она, сама того не зная, страдала бессимптомным до той самой минуты заболеванием центральной нервной системы, связанным с разрушением изолирующей миелиновой оболочки нервных волокон. В результате у нее возникла слишком сильная реакция на ультразвуковые лучи, которая привела к временному параличу мозгового дыхательного центра. Без кислорода временный паралич быстро перешел в постоянный. Лайза Кирович умерла.

Обе стороны искренне сожалели об инциденте, считая его непредвиденной трагической случайностью. Однако это не имело ни малейшего значения для отца Лайзы, когда через полный стандартный год новость наконец достигла Земли. Он немедленно принялся искать способ расквитаться с Империей. Узнав об этом, Питер Ла Наг понял — пришло его время.

Часть первая

НИГИЛИСТ

ГОД ЧЕРЕПАХИ

Глава 1

— А ты против чего выступаешь?

— Что можешь предложить?

Дикарь

Нынче ночью должен умереть человек.

Худой светловолосый мужчина сидел в темноте и думал об этом. Задолго до прибытия на Трон он знал, что кому-то суждено погибнуть, но обещал — клялся всеми святыми, — что никто не погибнет от его руки и по его приказу. А сегодня, в этот вечер, все переменялось.

Он приказал убить человека. Не важно, что это убийца, которого надо убить, пока он снова кого-нибудь не убил. Не важно, что уже слишком поздно искать другой способ остановить его и что в результате будет спасена другая жизнь.

Он приказал убить человека. Ужасно.

Пока Канья и Йозеф, тени среди теней, разминались у него за спиной, светловолосый мужчина сидел неподвижно, глядя перед собой в окно. Окно находится невысоко. Города во внешних мирах растут вширь, а не ввысь, и города на Троне, в старейшем из внешних миров, исключения не составляют. По вечерам круглые фонари заливают улицы бледно-оранжевым светом, накопленным за день от солнца. Люди нескончаемыми потоками движутся к Залу Свободы на торжественную церемонию в честь Дня Революции. Вскоре он с двумя своими компаньонами присоединится к ним.

Светловолосый мужчина глубоко вдохнул, задержал дыхание, медленно выдохнул, надеясь слегка разрядить внутреннее напряжение. Ничего не вышло. Его родной мисё на подоконнике, реагируя на тугую пружину этого напряжения, высунул из глиняного горшка прямой ствол, застыв в позе токкан. Оглянувшись на прыгавшие, изгибавшиеся, кувыркавшие позади него тени, мужчина открыл рот, но слова не шли с языка. Ему вдруг захотелось вообще все бросить. План ничего подобного не предусматривал. Хорошо бы его отменить, да только невозможно. Начался ход событий, завертелись колеса, люди поставлены в щекотливое и опасное положение. Через это надо пройти. План принесет плоды через годы, но нынешние действия одного-единственного человека могут все погубить. Его необходимо остановить.

Светловолосый мужчина сглотнул — оказалось, горло пересохло.

— Пора.

Тени остановились.

В доимперские времена зал именовался Земным; планета, где он находился, носила название Целум. После революции его переименовали в Зал Свободы, а планету — в Трон, центр новой Империи внешних

миров. Впрочем, на сводчатом потолке по-прежнему изображались созвездия так, как видятся из материнского мира, и сейчас к этим самым созвездиям кондиционеры гнали жаркий воздух, пропитанный зловонием спрессованной внизу толпы.

Дэн Брунин не обращал внимания ни на жару, ни на празднующих, толкавшихся вокруг. Мысли его были заняты совсем другим. Он старался держаться позади, что довольно легко удавалось, ибо каждый присутствующий стремился пробиться вперед, чтоб поближе увидеть Метеп VII. Отмечался День Революции — годовщина разрыва внешних миров с Землей.

Брунину не составляло труда смешаться с толпой. Ростом он был около метра восьмидесяти; черные волосы и бородку коротко стриг по современной тройской моде; обладал плотным сложением, близким к пухлости; носил повседневный засаленный и поношенный комбинезон. Единственная отличительная черта — треугольный, размерами с ноготь большого пальца, шрам на правой щеке, с виду то ли от ожога, то ли от пореза. Только ему самому известно, что шрам образовался на месте жестоко сорванного отцом куска кожи, пораженного нолеветолским лишаем, когда Дэну было пять лет от роду.

Толпившиеся вокруг него добропорядочные граждане не замечали, что его внимание, в отличие от них, обращено не на трибуну. Метеп VII, «правитель внешних миров», произносил ежегодную речь в честь Дня Революции — двести шестого, — и Брунин точно знал, что она ничем не отличается от всех прочих, которые он с большим трудом выслушивал за прошедшие годы. Вместо этого он внимательно разглядывал резные колонны, обрамляющие Зал Свободы. Между колоннадой и наружной стеной оставался узкий проход, и, хотя Брунин никого не видел, ему было точно известно, что наверху прячется один из его повстанцев, готовый положить конец карьере и жизни Метеп VII.

Выбить дыру в верхней части колонны было не так-то просто. Колонны сделаны из тройского камня вроде гранита, и нишу, куда поместился бы человек, пришлось три дня выжигать высокоэнергетическим лазером. Гигантский амфитеатр почти всегда пустовал, предназначаясь для редких государственных событий. Тем не менее ежедневная отправка туда четырех человек с необходимым оборудованием изрядно истрепала всем нервы.

Вчера утром убийцу запрятали в нишу, заделанную потом термостойким эпоксидным клеем. Обеспечили небольшой запас еды, воды, воздуха. Утром в День Революции, просвечивая зал инфракрасными лучами, имперские силы безопасности его не заметили.

Сейчас он уже вылез, размялся с радостным облегчением, собрал легкое лучевое ружье с дальнобойным прицелом. Сегодня великий день, говорил он себе. Метеп в последнее время старается не появляться на публике, а при редких явлениях его со всех сторон прикрывают. Нынче, в День Революции, позволил себе по традиции на несколько минут остаться без охраны. Убийца хорошо знает, как этим воспользоваться. Метеп должен умереть — это единственный способ покончить с Империей.

За себя киллер не боялся. Они с Брунином пришли к общему мнению, что убийце Метепу нечего опасаться официальной кары. Империя мгновенно развалится, в лучшем случае его объявят героем, в худшем — он затеряется в воцарившемся хаосе. Так или иначе, выйдет из переделки целым — *если* сумеет убить Метеп, прежде чем его обнаружит охрана.

Он поставил простой телескопический прицел. На такое оружие устанавливается и самый современный самонаводящийся прицел, но такой вариант был отвергнут из-за слабой возможности датчиков уловить ничтожное количество энергии, потребляемое подобным устройством, после чего охрана его засечет. Выбрав удобную позицию, он установил ружье на двуноге на краю узенькой перемычки. Метеп стоит перед ним метрах в шестидесяти. Простое дело — не надо делать поправок на расстояние, не надо целиться. Протонный луч ударит прямо в цель со скоростью света.

Убийца посмотрел вниз на толпу. Он чуть-чуть высунулся, но виден был только тем, кто стоял в дальнем конце зала, а все они глядели на сцену. Кроме одного. Возникло неприятное ощущение, будто при каждом взгляде на толпу кто-то внизу — не разберешь, мужчина или женщина, — поспешно отворачивается. Наверняка не Брунин, который стоит позади в ожидании смерти Метепе. Нет, его кто-то заметил. Почему ж нет сигнала тревоги? Возможно, сочувствующий или зевака, принявший его за охранника.

Лучше покончить с делом. Один выстрел... и все будет кончено, больше ничего не потребуется. Как только он выпустит лучевой заряд, взвоят сирены тревоги, сканеры за микросекунды засекут позицию, к нему мигом бросятся силы безопасности. Один выстрел — и он снова спрячется в нише в колонне. Но Метеп уже будет мертв с аккуратненькой дырочкой, выжженной в черепе.

Он почти против собственной воли глянул направо и *вновь* испытал нехорошее ощущение, будто кто-то на краю толпы поспешно отвернулся. Кто — не смог разглядеть. Вроде бы стоит у стены... мужчина или женщина — невозможно сказать.

Нервно передернувшись, он опять устремил взгляд вперед, принял правым глазом к прицелу, навел самую чуточку — так! В перекрестие прицела попало лицо Метепе с серьезнейшим выражением и застывшей улыбкой. Подняв голову, чтоб оглядеться вокруг, убийца вдруг почувствовал острый укол справа в шею. Вокруг все внезапно окрасилось красным — руки, ладони, оружие... ярко-красные. С затуманенным взглядом он попытался подняться с перемычки, которая стала скользкой и липкой, потом полыхнул ослепительный белый свет, а за ним последовала полная вечная тьма.

Женщина внизу, в толпе, ощутила на левой щеке что-то мокрое, дотронулась для проверки. Средний и указательный пальцы слиплись, приобрели алый цвет. На левое плечо упала другая крупная капля, потекла непрерывная красная струйка. Женщина закричала, окружавшие тоже, церемония прервалась, Метеп VII поспешно убрался со сцены.

Из подсобки доставили выдвижную платформу, подняли к перемычке. Под аккомпанемент испуганных вздохов присутствующих на пол спустили обескровленное тело потенциального убийцы вместе с неиспользованным оружием. Причина смерти была очевидна: диск в форме звезды размером с ладонь с пятью закругленными лезвиями вонзился в горло, перерезав правую сонную артерию.

Когда труп унесли, голос в динамике объявил об отмене дальнейшей вечерней программы и попросил очистить зал. Имперская охрана, обученная обращаться с толпой, начала подгонять стадо к выходу.

Брунин быстро влился в людской поток, пристально взглянул на павшего соратника, когда толпа двигалась мимо.

— Кто это сделал? — тихонько пробормотал он сквозь зубы. И громче повторил: — *Кто это сделал?*

Прозвучавший справа голос заставил его испуганно вздрогнуть:

— Мы не знаем, кто стоит за покушениями на убийство, сэр. Но не бойтесь, найдем злоумышленников. А теперь проходите, пожалуйста, не задерживайтесь.

Это был один из имперских охранников, молодой парень, случайно услышавший и ошибочно истолковавший вопрос. Брунин кивнул и отвернулся, пряча лицо. Его подпольная организация не имеет названия, и о ней никому не известно. Империя даже не думает о существовании какой-нибудь единой революционной силы. Редкие отдельные случаи с заложенными бомбами и покушениями на Метепе привели специалистов к выводу, что это выходки не связанных между собой злоумышленников. Внезапное учащение инцидентов объясняется подражательством — один террористический акт нередко влечет за

собой другие.

Тем не менее Брунин отвернулся. Осторожность никогда не мешает. Выйдя на холодную темную улицу, он сразу выбрался из толпы и быстрым шагом направился к Имперскому парку. Дойдя, плюнул в табличку с названием заповедника.

Имперский парк! Кругом все имперское. Неужели всех и каждого на планете от этого не тошнит, в отличие от него?

Он отыскал любимое дерево, под которым часто размышлял, и уселся под ним, прислонившись спиной к стволу, вытянув ноги. Надо посидеть, успокоиться. Оставаясь на ногах, обязательно сделал бы глупость, скажем, бросился в озеро под холмом. Прижавшись к твердому дереву кирни, Дэн Брунин закрыл глаза, борясь с отчаянием, которое практически всегда поджидало поблизости. Вся его жизнь была яростной долгой борьбой с этим самым отчаянием, и он предчувствовал, что сегодня проиграет битву. Тьма подступала, сгущалась в душе, пока он сидел и старался найти хоть какие-нибудь основания дожидаться завтрашнего дня.

Хотелось разрыдаться. В груди застрял огромный комок, который никак не удавалось вытолкнуть.

Революция кончена. Прервана. Мертва. Организация обанкротилась. Последние финансовые средства ушли на приобретение инструментов для сверления колонны и оружия по подпольным каналам. Хотя, будь Метеп VII сегодня убит, окупилась бы каждая марка.

Услышав шаги на дорожке, бегущей вверх от озера, Брунин разогнал тьму усилием воли и слегка разлепил веки. По тропинке бесцельно брела фигура, явно убивая время. Он на секунду закрыл глаза, потом снова открыл, слыша, что шаги остановились. Праздный гуляка стоял перед ним, ожидая, пока его заметят.

— Дэн Брунин, если не ошибаюсь? — спросил незнакомец, удостоверившись, что добился внимания.

Тон спокойный, уверенный, произношение какое-то гнусавое, непонятно знакомое, но не поддающееся идентификации. Мужчина высокий — на пять-шесть сантиметров выше самого Брунина, худощавый, с вьющимися, почти курчавыми светлыми волосами. Встал он так, что ближайший круглый фонарь светил у него за правым плечом, и черты лица полностью оставались в тени. Фигуру тоже не особенно разглядишь под плащом до колен.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросил Брунин, стараясь найти в мужчине что-нибудь знакомое, хоть как-нибудь его опознать.

Он подобрал под себя ноги, готовый в любую минуту вскочить, как пружина. Ничего нет хорошего в незнакомце, который пытается заговорить с тобой в такой час в Имперском парке. Тут что-то не то.

— Я много чего знаю, кроме вашего имени.

Снова этот дразнящий акцент...

— Мне известно, что вы с Нолеветола. Известно, что появились на Троне двенадцать стандартных лет назад и за два последних года организовали несколько покушений на жизнь нынешнего Метепа. Я знаю, сколько человек в вашем маленьком партизанском отряде, знаю их имена, адреса. Знаю даже, как звали убитого нынче вечером человека.

— Может быть, и убийцу его тоже знаете?

Пока незнакомец говорил, Брунин протянул правую руку к щиколотке, крепко схватившись за рукоятку виброножа.

Силуэт головы незнакомца кивнул.

— Его убил один из моих помощников. А я сейчас ненадолго встретился с вами, чтобы уведомить — покушений на Метепа VII больше не будет.

Быстро извернувшись, Брунин выхватил из чехла оружие, привел в действие, вскочил на ноги. Линейное лезвие шириной в два сантиметра и толщиной в шесть ангстремов вибрирует с частотой в шесть тысяч герц. Режет не все, но никакой органический материал определенно не устоит.

— Интересно, что подумают твои «помощники», — выдавил он сквозь стиснутые зубы, бросившись в полусогнутом положении к незнакомцу и взмахнув у него перед лицом ножом, — когда найдут голову в одном конце Имперского парка, а тело в другом?

Незнакомец пожал плечами:

— Пусть сами скажут.

Брунина внезапно схватили сзади за обе руки, ловко вывернули вибронож, крепко приперли спиной к тому самому дереву и придержали на месте, ошеломленного, трясущегося, абсолютно беспомощного. Взглянув вправо-влево, он разглядел две фигуры — мужскую и женскую — в каких-то черных хламидах. У обоих волосы собраны на затылке в узел, а на лбу нарисован красный кружок. Грудь и талия сплошь перепоясаны и перекрещены ремнями, на которых висит *всякая* всячина... Брунина вдруг отчаянно заташнило. Он понял, кто это такие... Видел голограммы несчетное множество раз.

Флинтеры!

Глава 2

Прежде первосвященники разъясняли массам деяния царя — который и был государством. Религия ушла, цари тоже. Но государство осталось вместе с первосвященниками в обличье советников, секретарей, специалистов по связям с общественностью, разнообразных апологетов. Ничего не меняется.

Из "Второй Книги Успр"

Метеп VII развалился в кресле с высокой спинкой во главе стола заседаний. Четверо молчавших мужчин сидели вдоль длинной стороны в похожих креслах меньшего размера, поджидая последнего члена Совета. Официальная жесткая властная маска спала с лица «правителя внешних миров». Расшитое белое одеяние застегнуто только наполовину, умеренно тронутые сединой темно-каштановые волосы небрежно падали на лоб, рельефные черты лица обмякли от усталости, белки голубых глаз, которые он без конца протирал, покраснели от раздражения. Правитель был жутко напуган.

Стены, пол, потолок помещения отделаны панелями из кирпичи, стол тоже изготовлен из этого зернистого твердого местного дерева. Так пожелал Метеп И, при котором оформлялся зал заседаний. Сменить оформление — все равно что изменить историю. Поэтому зал остается в прежнем виде.

Заставив себя расслабиться, Метеп откинулся на спинку кресла, поднял глаза к потолку, где в воздухе парили голографические изображения шести его предшественников. Взгляд остановился на Метепе I.

«Кто-нибудь когда-нибудь пробовал тебя убить?» — мысленно спросил он у помятого, почти живого лица.

Настоящее имя Метепа I — Фриц Рендерс. Родившись фермером и сознательно став революционером, он собрал вокруг себя оборванцев и бросил их в безнадежную, казалось бы, атаку на представительство земных властей на Троне, тогда называвшемся Целумом. Его ждал успех. Фриц Рендерс провозгласил независимость внешних миров от Земли, а себя — их правителем. Было это двести шесть лет назад, в первый День Революции. Потом на других планетах восстали другие колонии, свергая своих надзирателей. Кончились времена господства Земли над далекими звездными колониями. Родилась Империя внешних миров.

Впрочем, в точном смысле слова совсем не «империя». Колонисты не потерпели бы ничего подобного. Однако считалось, что монархическая личина психологически важна, когда имеешь дело с Землей с ее колоссальной экономической мощью. Само название — Империя внешних миров — внушает ощущение вечности и монолитного единства. С ней нельзя шутить шулки, по крайней мере номинально.

В действительности же Империя представляет собой просто демократическую республику, пожизненно избирающую главу — разумеется, при возможности отзыва. Каждый руководитель получает титул Метепа с соответствующим порядковым номером, что подкрепляет впечатление власти и неприкосновенности.

Но как изменилось положение дел! Первое заседание Совета вроде нынешнего состоялось сразу после революции с участием компании крепко битых, сильно пьющих революционеров и примкнувших к ним радикальных мыслителей. Из них целиком состояло правительство.

А теперь посмотрите: за два кратких столетия Империя внешних миров превратилась из горстки рассерженных победоносных звездных колоний в... деловое предприятие. Вот именно, в

производственное предприятие. Которое ровно ничего не производит. Правда, на нем занято больше народу, чем на любом другом предприятии внешних миров, и валовой доход гораздо выше, хотя обеспечивается не за счет свободной торговли и оказания услуг, а главным образом благодаря налогам. Это производственное предприятие никогда никому не докладывает о прибыли и вечно остается в долгах, постоянно делая займы для покрытия дефицита.

Миловидное лицо Метепы VII, мужчины среднего возраста, на миг озарила скорбная улыбка, когда он довел мысль до конца: предприятию повезло, что оно распоряжается печатными станками, с которых текут деньги, иначе давно бы уже обанкротилось!

Он не сводил глаз с портрета Метепы I, который в свое время знал каждого члена правительства в лицо, по имени и фамилии. А нынешнему Метепу хотелось бы знать хотя бы представителей исполнительной власти. Быть Метепом — нелегкое дело. Тяжкий и утомительный труд, наделяющий, тем не менее, властью и славой, достойной любого мужчины. Говорят, будто этот высокий пост дает больше власти, чем добрый человек пожелает и чем дурному нужно. Впрочем, это твердят занудные пророки судного дня, пристально наблюдающие за каждым шагом великого мужа. Да, он обладает властью, но не один принимает решения. Каждый цивилизованный отколовшийся мир, кроме нескольких совсем свихнувшихся, присылает своих представителей в законодательное собрание. У них есть номинальная власть... пустячная, если честно сказать. Реальная власть над внешними мирами принадлежит Метепу и Совету Пяти. Когда явится Хейуорт, все истинные вершители судеб Империи соберутся в этом зале.

В общем, быть Метепом очень даже неплохо. По крайней мере, было до недавнего времени... до покушений. До сих пор было только одно покушение на Метепу IV, который издал закон об официальных платежных средствах. Дурацкая история: чиновник из Министерства сельского хозяйства, не получив повышения, полностью возложил вину на царствовавшего Метепу.

Здесь и сейчас происходит совсем другое. Нынче вечером предпринята третья за год попытка. В двух первых случаях были заложены бомбы — одна в его личный флитер, другая в главный выход с посадочной площадки на крыше дворца, где жил каждый Метеп, начиная с Третьего. Слава Ядру, обе вовремя обнаружили. А вот третья, сегодняшняя попытка... действует на нервы. Неприятна уже сама мысль, что кто-то сумел протащить в Зал Свободы лучевое ружье и приготовился выстрелить. А обезвредивший его способ — перерезанное каким-то смешным примитивным орудием горло — привел в ужас главу государства.

Не только некая неизвестная, ничем не проявившая себя группа старается лишить его жизни, но еще и другая, столь же неизвестная, ничем себя не проявившая, старается сохранить ему жизнь. Не знаешь, какой больше бояться.

Тут вошел Дейро Хейуорт, глава Совета Пяти, разом прервав тихое бормотание за столом и раздумья Метепы VII. По слухам, ходившим в некоторых кулуарах, этот уроженец Дерби, получивший образование на Земле, обладает на Троне и во всей Империи не меньшей властью, чем сам Метеп. Подобная болтовня раздражала Метепу VII, в последнее время отчасти утратившего уверенность в себе. Впрочем, приходится признать дьявольски блистательный ум Хейурорта. В любом своде законов и правил он всегда умудряется найти лазейку такого размера, чтобы пропихнуть любой проект, задуманный Метепом с советниками. Не обращая внимания ни на дух, ни на букву конституционных сдержек и противовесов, изобретает способы сделать законным практически все — по крайней мере, придать окраску законности. При редких неудачах заставляет законодателей переписать неудобный закон, что они делают с большой охотой. Замечательный человек.

И внешность примечательная: дотемна загорелая кожа контрастирует с чисто-белыми волосами — декадентская черточка, которую он подхватил на Земле, сохранив навсегда. По ней его узнают с первого взгляда.

— К сожалению, не могу сказать ничего нового об убитом убийце, Джек, — сказал Хейуорт, садясь в кресло справа от Метепы.

Как все члены Совета Пяти, он называл Метепу VII по имени, данному ему родителями сорок семь стандартных лет назад, — Джек Милиан. Близкие друзья, давным-давно его знавшие и помогавшие занять нынешнее положение, тоже так к нему обращались, хотя исключительно наедине. На публике он для всех оставался Метепом VII.

— Не надо его так называть. Ему не удалось стать убийцей. — Метеп выпрямился в кресле. — Говоришь, ничего нового?

Хейуорт отрицательно покачал головой:

— Мы знаем его имя, фамилию, адрес, знаем, что он был безработным. Относительно всего прочего складывается впечатление, будто он существовал в полном вакууме. Никаких сведений ни о знакомствах, ни об образе жизни...

— Проклятые безработные! — проворчал кто-то на дальнем конце стола.

— Не проклиняйте их, — молвил Хейуорт в привычной воспитанной хладнокровной манере. — Они составляют значительный слой избирателей. Оставьте у них в карманах чуточку денег, дайте им продуктовые карточки, чтоб набить брюхо, и никаких перевыборов никогда не случится... Но вернемся к несостоявшемуся убийце. Мы непременно *найдем* к нему ниточку, после чего покончим с компанией, которая стоит за всеми этими покушениями.

— А что за штуковина его убила? — поинтересовался Метеп. — Никто не догадывается, откуда она взялась? Я никогда не видел ничего подобного.

— Я тоже, — ответил Хейуорт. — Хотя мы выяснили, что это такое. Далеко не новинка. Фактически этому оружию пара тысяч лет. — Он в нерешительности помедлил.

— Ну?

Сидевшие за столом с нетерпением слушали.

— Нечто вроде бумеранга. Им пользовались на старушке Земле, когда люди еще не летали в воздухе.

Четверо других советников что-то забормотали.

— Древняя вещь? — уточнил Метеп.

— Нет. Новая. Изготовлена несколько лет назад. — Хейуорт вновь запнулся. — На Флинте.

За столом воцарилось полное глубокое молчание, как в открытом космосе. Его нарушил Кратер, раздражительный маленький тучный старый политик.

— Флинтеры? Здесь?

— Видимо, да, — подтвердил Хейуорт, барабанил перед собой по столу тонкими пальцами. — Или кто-то хочет навести нас на мысль о присутствии на нашей планете флинтеров. Так или иначе, судя по аккуратности, с какой было сделано дело, я бы сказал, мы столкнулись с реальной угрозой.

Лицо Метепы VII приобрело пепельный цвет, почти в тон костюму.

— Почему они на меня ополчились? Что флинтеры против меня имеют?

— Ничего, Джек, — успокоил его Хейуорт. — Ты не понимаешь. Бросивший бумеранг спас тебе жизнь. Разве не видишь?

Метеп видел только одно — роли полностью переменились. Тот, кто считал себя гроссмейстером,

вдруг оказался пешкой на доске между двумя противостоящими друг другу силами — неизвестными и совершенно ему неподвластными. Самое страшное, что он утратил контроль над развитием недавних событий. В конце концов, затем он и Метеп, чтобы управлять событиями.

Он хлопнул по столу ладонью:

— Не имеет значения, что я вижу! Предпринимаются целенаправленные попытки меня уничтожить! До сих пор мне везло, но я не стану доверять удаче. Мне хотелось бы полагаться на опытную охрану. Уже были заложены две бомбы...

— ...которые обнаружили, — тихо напомнил Хейуорт.

— Действительно, обнаружили. — Метеп VII понизил тон до уровня главного советника. — Хотя, в первую очередь, это следовало предотвратить! А нынешнее происшествие вовсе недопустимо! — Он снова перешел на крик. — Как мог кто-нибудь нынче внести лучевое ружье в Зал Свободы? Тем не менее кто-то внес. Как мог кто-нибудь взять меня на прицел? Тем не менее кто-то взял. И кто же не дал ему выстрелить? — Метеп оглядел сидевших за столом. — Не охранник, а некая неизвестная личность, как я теперь слышу, с Флинта! С *Флинта*! Тогда как без моего ведома на Троне *вообще* не должно быть ни единого флинтера! Вся моя охрана — чистый фарс, и хотелось бы знать почему!

К концу своей речи он буквально вопил. Совет Пяти уважительно внимал гневным крикам, замкнувшись в почтительном молчании.

Первым заговорил Хейуорт, озабоченно, по-деловому:

— Слушай, Джек. Нас это точно так же тревожит. Мы обеспокоены несколько не меньше тебя. Сделаем все возможное для усиления и переобучения охраны, только для этого нужно время. Признаем: подобная угроза просто нам незнакома. Раньше таких проблем не было.

— Почему ж они возникли в данный момент? Почему *на меня* покушаются? Вот что мне хотелось бы знать!

— Пока не могу ответить на этот вопрос. Раньше нам всегда удавалось переадресовать любое недовольство к Земле, ткнуть пальцем в Солнечную систему и объявить: «Вот враг». Этот прием прекрасно срабатывал. Теперь я в нем не слишком уверен.

— Будь уверен, сработает.

Метеп VII уже взял себя в руки и снова развалился в кресле.

— Отчасти, конечно, сработает. Только кто-то здесь этого явно не слышит. — Хейуорт окинул взглядом остальных членов Совета. — Кто-то здесь думает, будто враг — это *ты*.

Глава 3

Никогда не пускайте в ход силу против силы. Это правило должно стать основным принципом вашей жизни. Но если кто-нибудь совершит насилие над вами, отвечайте тем же без колебаний, без всяких оговорок и без пощады, пока насильнику наверняка никогда уже не захочется обращаться к насилию — или он никогда больше не сможет применить его ни к вам, ни к вашим знакомым и близким.

Из "Второй книги Успр" (исправленное издание Восточной секты)

Проворные пальцы пробежали по волосам, ощупали одежду, обувь. Не найдя оружия, выпустили.

— Справа от вас Йозеф, — мужская фигура отвесила едва заметный поклон, — слева Канья. — Очередной поклон. — Канья собственноручно прикончила убийцу в Зале Свободы. Как я уже говорил, она бесподобно орудует бумерангом.

В данный момент Брунин думал только одно — все кончено. Если Метеп сумел заручиться подобной охраной, об убийстве нечего даже думать.

— Как же это ему удалось? — спросил он, обретая наконец дар речи. — Сколько он отвалил флинтерам, чтоб они сюда прилетели для грязной работы?

Светловолосый мужчина — лица так и не разглядишь — рассмеялся от чистого сердца:

— Бедненький Дэн Брунин! Никак не примирится с тем фактом, что и кроме него есть люди, не продающиеся ни за какие деньги! — После короткой паузы голос зазвучал сурово: — Нет, дорогой мой революционерчик, мы сюда прибыли не по просьбе Метепа. Мы сюда прибыли, чтоб его уничтожить. Причем не столько конкретного человека, сколько то, что он олицетворяет.

— Неправда! — воскликнул Брунин со всей громкостью, на какую осмелился. — Иначе не помешали бы нынче вечером!

— Даже не верится, что человек, сумевший создать столь эффективную террористическую группу прямо под носом имперской охраны, имеет столь наивное представление об Империи. Друг мой, вы столкнулись совсем не с монархией, несмотря на все внешние театральные признаки. Империя внешних миров — республика. Тут нет никаких кровных наследников. Метеп VII носит титул пожизненно, но, когда его не станет, преемника изберут, как когда-то его самого. А если Метепа VII убьют, его место до выборов займет временный заместитель.

— Нет! Империя рухнет! Народ...

— Народ придет в ужас! — резко, отрывисто перебил собеседник. — Ваша плохо законспирированная террористическая организация так его запугает, что он потребует ужесточить законы и принять более строгие меры против недовольных. В конечном счете вы только укрепите строй, против которого боретесь. *Это надо немедленно прекратить!*

Незнакомец умолк, давая собеседнику уяснить его мысль, а потом продолжал:

— В данный момент вы живы только потому, что мне нужна кое-какая помощь определенных членов вашей организации. Поэтому предлагаю выбор: либо вы действуете по моему плану, либо возвращаетесь на Нолеветол. Если предпочтете первое — встретимся сегодня вечером в самой последней кабинке

таверны «Белый олень» на бульваре Роклинн. Если последнее, то должны сидеть к тому времени на борту орбитального челнока. Если попытаете выступить против меня, не проживете одного стандартного дня.

Незнакомец коротко быстро кивнул и направился туда, откуда пришел. Флинтеры с легким шорохом исчезли в темноте, и Брунин вдруг снова остался один под своим деревом. Как будто ничего не было. Как будто состоявшаяся беседа почудилась...

Ему внезапно захотелось вскочить, выбраться на яркий свет, замешаться в толпу. Покидая парк, он с шага перешел на бег в такт суматошно несущимся в голове мыслям. Флинтеры на Троне... хотят свергнуть Империю... Надо бы радоваться, но никакой радости это не вызывает. Прибыло подкрепление, хотя лучше бы вместо флинтеров его составили какие-нибудь инопланетяне из другой галактики.

О флинтерах никто ничего точно не знает, кроме того факта, что каждый представитель этой цивилизации вооружен до зубов и мастерски владеет практически любым оружием, которое изобрело человечество на протяжении своей письменной истории. Они тихо сидят в своем маленьком мире, иногда поступая, по слухам, в наемники. Когда и где — не засвидетельствовано ни в одном документе. Торговцам запрещено приземляться на Флинте, все сделки заключаются на орбите. Флинтеры не имеют сношений с Землей и вообще не признают законной имперскую власть. По всем общепринятым стандартам нездоровое общество, которое, однако, оказалось жизнеспособным и на удивление неагрессивным.

Дойдя до хорошо освещенного торгового квартала, Брунин замедлил шаг. По улицам слонялось немного народу. Даже здесь, в Примусе, центре Империи, столице самого космополитического из внешних миров, люди рано ложатся спать. Известия о попытке убийства Метепы прогнали их с улиц еще раньше. Разумеется, за исключением безработных. Любые волнения их оживляют, а поскольку завтра им нечего делать, можно шляться по городу сколько угодно. Иногда из-за этого возникают проблемы. Довольно серьезные, связанные с насилием. Невезучего чужака, а то и своего могут побить, пырнуть виброножом, подстрелить из бластера ради нескольких марок или просто развеивая тоску серого повседневного существования.

В любой другой вечер Брунин чувствовал бы себя неуверенно без оружия, проходя мимо кучек скучающих безработных. Однако подозрение, что из темных углов за ним следит флинттер, пересиливало все прочие страхи. Впрочем, юнцы на него внимания не обращали. Он сам безработный, живет и греется за счет ссуд на оплату жилья и покупку одежды, питается по бесплатным талонам. Вид потрепанный — вполне можно сойти за одного из них. Добравшись в конце концов до переулка, где находилась его однокомнатная квартирка, он крепко запер за собой дверь, рухнул на плоский надувной матрас в углу и затрясся.

Он больше не невидимка. Игра в партизана, неуловимого террориста, который наносит удар в темноте, бежит, снова бьет и стреляет, радостно возбуждала. Можно было оставаться тенью, безымянным символом бунта. Можно было пойти в публичное заведение, где есть видео, и, смешавшись со зрителями, посмотреть репортаж о собственных последних террористических актах в полном голографическом великолепии.

Теперь со всем этим покончено. Кому-то известно, как его зовут, откуда он и что делает. То, что знает один человек, вполне могут узнать и другие.

Флинтеры! Ничего не понятно. Для чего флинтерам рушить Империю? Они никогда не вмешивались в межпланетные дела. Им глубоко плевать, даже если б Земля вместе со всем освоенным космосом провалилась в галактическое ядро. Зачем теперь сюда явились?

А тот самый светловолосый мужчина... не с Флинта. Акцент почти узнаваемый, вот-вот вспомнится. Ну ладно. Не это сейчас волновало Брунина. Самая нехорошая деталь недавней сцены в Имперском парке

заключается в том, что, похоже, светловолосый мужчина командует флинтерами. А флинтерам никто не указ. Они категорически не признают никакого намека на власть, едва помня о существовании прочего человечества... пожалуй, за исключением обитателей планеты Толива...

Толива! Брунин сел. Вот какой акцент у светловолосого мужчины — толивианский! Вот что связывает его с флинтерами. На память пришли школьные уроки истории внешних миров, умножая ассоциации.

Все началось с успр — непоколебимо индивидуалистической анархо-капиталистической философии, которая родилась на Земле еще до образования союза Востока и Запада. Ее приверженцы начали уходить из перенаселенного коллективистского мира, образуя крошечные замкнутые анклав, стараясь отгородиться от окружающего глухой стеной. Невыполнимая задача. Вездесущее мировое правительство просачивалось в каждую щелку в их обороне, почти уничтожив движение.

Его спасла программа межзвездной колонизации. Любая достаточно крупная группа перспективных колонистов, отвечавшая установленным требованиям относительно среднего возраста и рудиментарных трудовых навыков, получала разрешение на свободное безвозвратное переселение на любую планету земного класса. Ей давали понять, что дальнейших контактов с Землей не будет и колония, попав в трудное положение, помощи не получит. Выплывай или тони — вот такое предложение. Земля без того по уши занята управлением собственным жутко умножившимся населением, колониями Солнечной системы и своими официальными звездными колониями. Она не имеет ни средств, ни возможностей взять на себя роль охранника только что образованных поселений.

Отклик оказался ошеломляющим. Приверженцы каждой утопической философии на Земле принялись отправлять на звезды делегации для строительства идеального общества. Отколовшиеся колонии, как их начали называть, множились во всех направлениях. Где бы разведывательная экспедиция ни обнаружила планету земного класса, там вскоре высаживалась отколовшаяся команда. Трагично, но вполне предсказуемо, что многим не удалось пережить полного оборота планеты. Впрочем, немалый процент удержался и выжил, превращая человечество в межпланетную расу в самом истинном смысле этого слова.

Программа служила двум целям. Во-первых, разнообразным философским теориям предоставлялась возможность проверить себя на деле. Если их создатели считают, будто они спасут человечество, пусть попробуют создать колонию в отколовшемся мире и посмотрят, что выйдет. Вторая цель непосредственно обеспечивала интересы нового единого земного государства — отправляя диссидентов на звезды, Земля выигрывала какое-то время на глобальную консолидацию. План работал прекрасно. Смутьяны получали непреодолимо заманчивое предложение, Земля вновь превращалась в теплое гнездышко для бесчисленной бюрократии. Решение необычайно легкое, на редкость эффективное... хотя Земле в будущем предстояло очень дорого за него заплатить.

К началу осуществления программы отколовшихся колоний успристы разделились на две отдельные, но абсолютно дружелюбные фракции. Каждая самостоятельно подала заявку на статус колонии, и обе были удовлетворены. Первая группа из рационалистов и чистых интеллектуалов вела себя тихо, замкнувшись на планете, которую они называли Толивой. Вторая высадилась на суровую каменистую планету под названием Флинт. Ее составляли главным образом выходцы из Восточного Союза, которым как-то удалось привнести в успр пережитки древних азиатских культур. Каждый приверженец этой веры сам по себе представлял настоящую армию.

Обе эти отколовшиеся колонии, как и многие прочие, в первое столетие существования сталкивались с тяжелыми проблемами и одерживали победы; обе выжили, сохраняя в неприкосновенности свои версии философии успр. Именно эта самая философия позволила обеим планетам стоять в стороне, когда остальные отколовшиеся колонии принялись устанавливать связи с Землей, которая налаживала сеть торговых контактов с внешними мирами, а потом не участвовать в революции против экономической

удавки, брошенной на них той же самой Землей. Ни Толива, ни Флинт не присоединились к Империи внешних миров, игнорируя ее на протяжении двухсот лет.

А теперь, как прекрасно известно Дэну Брунину, обратили на нее внимание. Теперь Флинт и Толива изо всех сил стараются свергнуть Империю. Почему? Две планеты всегда поддерживали между собой культурные связи, чего не понимали и не разделяли другие отколовшиеся миры. Может быть, их сближает какая-то суть философии? Об этом Брунин не имел никакого понятия, не знал даже значения этого слова.

Или что-то еще? Похоже, у светловолосого незнакомца повсюду имеются соглядатаи. Может, ему известны какие-то тайные планы Метепы и Совета Пяти, чем и объясняется неожиданное появление на Троне толивианцев и флинтеров? Может быть, зреет что-то очень серьезное, раз они изменили многовековой политике невмешательства?

Брунин притушил свет, опрокинулся на спину на матрас. С Трона он улетать определенно не собирается. Ни за что — после таких трудов, потраченных на уничтожение Метепы. Впрочем, не собирается и случайно пасть жертвой какого-то дикарского флинтерского оружия.

Нет, завтра вечером он будет сидеть в «Белом олене», внимательно слушать, соглашаться на любые условия светловолосого мужчины, всячески ему подыгрывать, пока это соответствует его собственным целям. Так или иначе Дэн Брунин остается в живых.

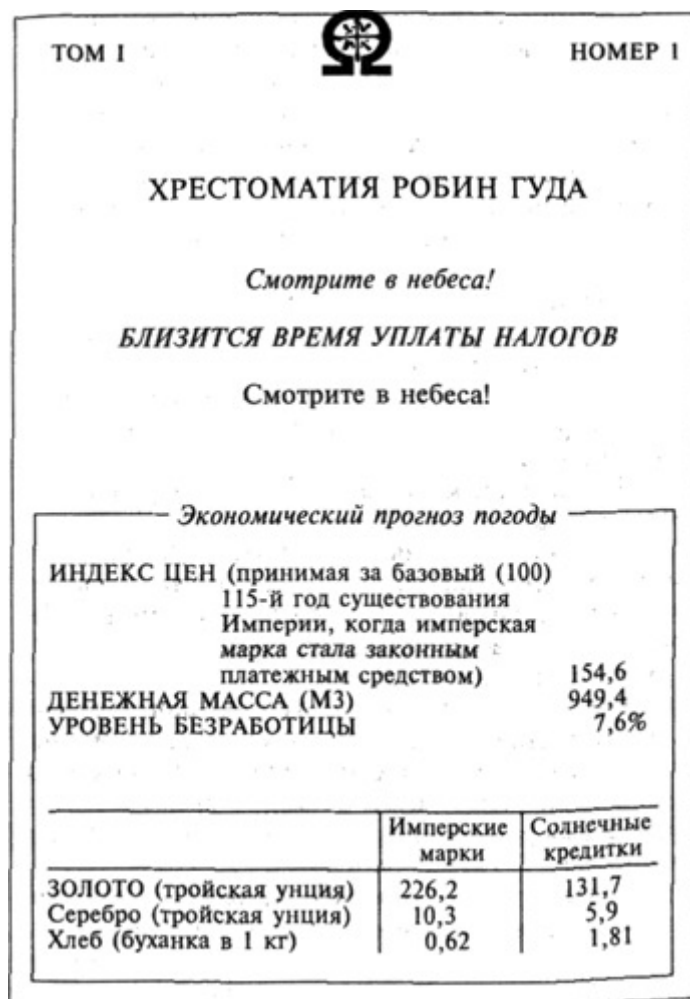
Глава 4

Каждое государство... должно покрывать свои долговые обязательства исключительно золотой и серебряной монетой...

Конституция Соединенных Штатов

— Это еще что такое?

— Листовки. Кажется, никто не знает, откуда они взялись, только ими обклеен весь город. По-моему, они тебя должны позабавить.

По рангу Метеп удостоился просмотреть листок первым, после чего Хейуорт раздал по столу экземпляры остальным членам Совета Пяти. После прошлой раздраженной вспышки Метеп за столом заседаний царила гораздо более спокойная атмосфера. Правитель смягчился, видя искреннюю заботу о его безопасности. В конце концов решено было свести к минимуму его и без того редкие появления на публике.

— Робин Гуд? — сардонически ухмыльнулся Кратер, просмотрев листовку, а потом взглянув на Хейуорта. — Неужели это...

— Верно. Старая земная легенда, — кивнул в ответ Хейуорт. — Робин Гуд грабил богачей и отдавал добро беднякам.

— Интересно, каких богачей он теперь собирается грабить.

— Надеюсь, не меня, — рассмеялся Беде, тощий министр путей сообщения. — А что это за эмблема внизу? Похожа на омегу со звездой внутри. Какой-нибудь красноречивый символ?

Хейуорт пожал плечами:

— Омега — последняя буква греческого алфавита. Если листовки выпустила некая революционная группа, возможно, она означает «последнюю революцию» или что-нибудь не менее драматическое. «Последняя революция звездных колоний»! Неплохо звучит?

— Очень плохо, — заявил Метеп. — Особенно если они совершают по вечерам покушения.

— Ох, сомневаюсь, что одно с другим связано, — медленно протянул Хейуорт. — В противном случае заранее отпечатанные листовки оповещали бы о твоей смерти. Тут же речь не идет ни о твоей гибели, ни о катастрофе. Может, кучка наркоманов, севших на земмелар... В любом случае я велел службе безопасности разобраться.

Беде вздернул брови.

— Но ведь омега к тому же обозначает ом — единицу электрического сопротивления. *Сопротивления...*

— По-моему, да, — подтвердил Крагер. — Даже если группировка Робина Гуда, которая, по всему судя, вообще может состоять из одного-единственного человека, считает себя революционной, листовка имеет чисто экономический смысл. И вполне компетентно составлена. Посмотрите на индекс цен. Прискорбно, но правда. Для покупки того, что в сто пятнадцатом году стоило сотню марок, нынче уходит сто пятьдесят. Марка сильно обесценилась за восемьдесят лет.

— Я бы, собственно, не сказал, будто сильно, — вставил Хейуорт, оторвав взгляд от записок, разложенных перед ним на столе.

— Конечно, — буркнул Крагер почти с явственным раздражением. — *Земляне* успели привыкнуть к инфляции.

— Земля недавно взяла под контроль экономику...

— ...а мы, жители внешних миров, с прежней опаской относимся к этому.

Советник, старше Хейуорта по возрасту, перебил его, повысив тон и, пожалуй, чрезмерно подчеркивая местоимение «мы». Земное образование последнего до сих пор вызывало определенное раздражение в определенных имперских кругах.

— Ну и вам лучше бы привыкать, — посоветовал Хейуорт, не обращая внимания ни на какие подначки, — ибо нам еще долго придется мириться с инфляцией.

В поднявшемся за столом гуле прозвучал голос Метепа VII:

— Значит, как я понимаю, перед нами новые неприятные экономические перспективы.

— Далеко не приятные, — подтвердил Хейуорт. — Нынешний экономический спад — не циклический эпизод в экономике внешних миров, которые происходят время от времени на протяжении последнего десятилетия. У нас медленно, но неуклонно сокращается экспорт товаров на Землю при неснижающемся объеме импорта. Не стоит вам растолковывать, как это опасно.

Все слишком хорошо это знали.

— Есть у кого-нибудь светлые мысли насчет изменения положения дел, кроме наращивания инфляции? — спросил Крагер, вновь вернувшись к нейтральному тону.

— Есть. Только к этому я перейду позже. Тем из вас, кто следит за событиями, известно, что мы оказались меж двух развивающихся в данный момент тенденций. Жесткий контроль Земли над численностью населения наконец окупился. Она перестает нуждаться в зерне, в драгоценных металлах, причем гораздо быстрее, чем кто-нибудь думал. С другой стороны, население внешних миров умножается такими темпами, что имеющаяся ныне техника нас уже не спасает. Поэтому мы все больше нуждаемся в ее поставках из Солнечной системы.

— По-моему, ответ вполне ясен, — с полной уверенностью заявил Метеп VII. — Надо вкладывать в наши технические предприятия больше денег, чтобы они успешно конкурировали с земными.

— Может, форвардные субсидии? — предложил кто-то.

— Или налог на импортируемые с Земли товары? — добавил другой.

Хейуорт замахал руками:

— Надо действовать с предельной осторожностью, джентльмены. Если выделить кому-то субсидию, ее будут ждать и другие предприятия. А налог на импорт взбудоражит всю экономику — цены на технику взлетят на недостижимую орбиту. Впрочем, Джек прав. Надо вкладывать деньги в полезное производство, но тайно. В полной тайне.

— Где же взять эти самые деньги? — снова встрял Крагер.

— Найдутся.

— Надеюсь, не с помощью очередного налога. Нынче мы забираем в среднем одну марку из каждых трех — семь из десяти по большому счету. Все видели, что случилось на Нике после объявления о повышении налога. Бунт. Девушка погибла. Здесь, на Троне, мне не хотелось бы этого видеть, большое спасибо!

Хейуорт снисходительно улыбнулся:

— Налоги — полезная, но жестокая вещь. Как всем вам известно, я предпочитаю регулировать денежную массу. Чистый итог тот же самый — у нас больше дохода, у денег меньше покупательной способности, — однако сам процесс почти незаметен.

— И очень опасен.

— Нет, если действовать правильно. Особенно сейчас, когда имперская марка еще сильна на межзвездном валютном рынке. Пока никто ничего не заметил, можно вкачивать в экономику гораздо больше денег, получая прибыль. Добрые граждане будут счастливы, видя лишние деньги в кармане. Цены, естественно, быстро будут расти, однако вину за это всегда можно свалить на безрассудные требования гильдий по повышению заработной платы или на стремление корпораций к прибыли. А можно и на Землю — обитатели внешних миров готовы винить ее в любой неприятности. Конечно, надо соблюдать осторожность. В первую очередь держать инфляцию на приемлемом уровне.

— Она уже около шести процентов, — буркнул Крагер, раздраженный назидательным тоном Хейурта.

— Можно поднять до десяти.

— Слишком рискованно...

— Бросьте свои бессмысленные возражения, старина! — рявкнул Хейуорт. — Столько лет прожили при шестипроцентной инфляции — собственно, сами ее и устроили! А теперь протестуете против десяти. На кого вы работаете?

— Как вы смеете... — брызнул слюной побагровевший Крагер.

— Десять процентов безусловно необходимы. Чуть меньше — и экономику вообще оживить не удастся.

Метеп VII и остальные члены Совета Пяти переваривали данное заявление. Под руководством Хейурорта все они стали мастерами экономических манипуляций, хотя десять процентов... отмечают некую невидимую границу. Двухзначная цифра инфляции как-то сильно пугает.

— Есть такая возможность, — заверил Хейурорт. — За нее, разумеется, надо благодарить Метепа IV. Если бы восемьдесят лет назад он не пробил закон об официальных платежных средствах, каждый внешний мир до сих пор пользовался бы своей валютой вместо имперской марки, и мы были бы бессильны. Теперь переходим к следующему вопросу...

Он открыл лежавшую перед ним папку, вытащил пачку банкнотов по одной марке и бросил на стол.

Метеп VII взял бумажку, внимательно присмотрелся. Чистая, ярко-оранжевая, только что с печатного станка, лоск атласный, благодаря специально обработанной пульпе дерева кирни, чтоб не салилась и не пачкалась отпечатками пальцев. По периметру с обеих сторон затейливая гравировка, на лицевой стороне красуется бюст Метепа I, на обратной — гордая крупная единица. После принятия в последние дни царствования Метепа IV закона о платежных средствах пробовали разные полимеры и от всех отказались. Только бумага из древесины кирни годилась почти идеально и обходилась гораздо дешевле. Он поднес бумажку к носу — хорошо пахнет.

— Надеюсь, ты не собираешься полностью перейти на электронные платежи по примеру Земли, — обратился он к Хейурорту.

— Как раз собираюсь. Это единственный способ поистине тонкого управления экономикой. Подумайте: центральный компьютер учитывает буквально каждый платеж! Мы говорим о субсидировании некоторых предприятий? С полной электронной системой расчетов можно дать, сколько нужно, тому, немножечко отнять у другого... Единственный способ действий на таких межзвездных расстояниях, с какими мы имеем дело. И с Землей тоже.

Метеп VII с продуманной рассчитанной медлительностью покачал головой. Насколько ему известно, именно в этом экономическом вопросе он разбирается лучше Хейурорта.

— Ты долго жил на Земле, Дейро, до тонкостей освоив управление экономикой. Но забываешь, с каким народом имеешь здесь дело. Во внешних мирах живут главным образом простые люди. Прежде они лишь обменивались товарами, пока кто-то не начал чеканить монеты из золота, серебра и прочих материалов, имеющих ценность для данной конкретной колонии. Метеп IV чуть не накликал на свою голову полномасштабный бунт, когда начал проталкивать законы о платежных средствах, превращая имперскую марку в единственную валюту, имеющую хождение во внешних мирах.

Он поднял бумажку достоинством в одну марку:

— Теперь ты даже ее хочешь у них отнять, обменяв на короткий гудочек в компьютерной банковской памяти? Хочешь объявить, что людям уже не позволено иметь деньги, которые можно держать в кулаке, пересчитывать, передавать из рук в руки, может быть, даже где-нибудь схоронить? — Метеп VII скупно, мрачно усмехнулся и вновь покачал головой. — Нет. И без того возникла кучка безумных маньяков, которые пытаются со мной покончить. Благодарю, с меня вполне достаточно. При одном намеке на твое предложение на меня ополчится каждый обитатель внешних миров, у которого имеется бластер. — Другой рукой он взмахнул «Хрестоматией Робина Гуда». — Лучше бы автор этой листовки предсказал мою смерть, чем повышение налогов. Нет, друг мой. Я не намерен стать единственным Метепом, свергнутым

революцией. — Он поднялся, глядя прямо в глаза Хейуорту. — Считаю свою идею запрещенной.

Хейуорт отвел глаза, осмотрел стол в поисках поддержки. Ничего не нашел. На заседаниях Совета Метеп обладал правом вето. Вдобавок досконально понимал психологию обитателей внешних миров — поэтому и стал Метепом. Так или иначе, вопрос закрыт. Хейуорт снова взглянул на Метепа VII, готовясь красиво пойти на попятный, но заметил на лице правителя изумленное озадаченное выражение. Метеп держал в руках два листка бумаги — в левой марку, в правой листовку Робин Гуда, — пристально их рассматривая и ощупывая.

— В чем дело, Джек? — спросил советник.

Метеп поднес к носу одну бумажку, другую, понюхал.

— Не было никаких краж гербовой бумаги? — обратился он к Крагеру.

— Нет, конечно. Мы храним бумагу столь же строго, как отпечатанные купюры.

— Листовка напечатана на гербовой бумаге, — объявил Метеп.

— Быть не может! — Министр финансов, схватил со стола листовку, помял, понюхал, рассмотрел на свет.

— Ну?

Старик кивнул ошеломленно и озабоченно, откинулся в кресле, которое принимало форму тела.

— Точно, гербовая бумага.

Надолго воцарилось полное молчание. Присутствующие вдруг поняли, что автор листовки, к которой они только что так легкомысленно относились, не обезумевший радикал, потеющий в каком-то грязном подвале где-то в Примус-Сити, а, скорей, человек или группа людей, которым удалось незаметно для всех украсть гербовую бумагу. И в высшей степени презирующих имперскую марку.

Глава 5

*Я иногда думаю, что о нас скажут будущие историки.
Современного мужчину описывает единственная фраза: он
прелюбодействовал и читал газеты.*

Дж. Б. Кламменс

«Белый олень» стал совсем другим, понял худой светловолосый мужчина по имени Питер Ла Наг, переступив порог. Оформление прежнее: роскошные стенные панели, стойка бара из цельного дерева кирпичи, дощатый пол... В этом смысле все в целости и сохранности, наряду с запрещением допуска женщин. За пять стандартных лет, прошедших после его последнего приезда на Трон, когда он выпивал и закусывал в «Белом олене», с виду ничего не изменилось и не обновилось.

Изменилась атмосфера и уровень шума. Завсегдатаи не замечали, что за стойкой бара стихли разговоры. Никто не обращал на это внимания, кроме Ла Нага после пятилетнего отсутствия. С годами болтовня стала тише, паузы дольше. Дело не в увеличении среднего возраста посетителей и не в том, что старым знакомым практически уже нечего рассказать. Видны новые лица, кое-какие прежние исчезли. Тем не менее молчание неотвратимо расползлось.

В открытых барах это не так бросалось в глаза. Присутствие женщин как бы поднимало настроение, вносило в залы определенный оптимизм. Общась с противоположным полом, мужчины надевали другие маски, изображая крутых настоящих ребят, благополучных, уверенных, у которых все под контролем.

Но в заведениях вроде «Белого оленя», где не бывало женщин, маски оставались дома. Какой смысл пускать пыль друг другу в глаза? Поэтому атмосфера мрачнела, сперва незаметно, к концу вечера ощутимо. Отчаяния, безусловно, не чувствовалось. Времена не так плохи. Вряд ли назовешь хорошими, но и наверняка не плохие.

Плохим было будущее. Никто уже не ждет завтрашнего дня с решимостью и отвагой, не собирается выжать его до капли, чего-то добиться, бросившись в бой. Завтра придется бороться за то, что имеешь, или стараться отдать поменьше, с неохотой, с максимальным сопротивлением.

У каждого мужчины есть мечты: первостепенные, второстепенные и так далее. Мужчины, собравшиеся в баре «Белый олень», от них отказались. Не среди ночи с мучительным воплем, а понемногу теряя надежды, понемногу утрачивая перспективы. Первостепенные мечты отброшены полностью, настал черед второстепенных... Может, еще чуть-чуть подержимся за третьестепенные.

Возникало невысказанное, но уверенное впечатление, будто некая гигантская машина неустанно пожирает, перемалывает, преобразует в никому не нужную энергию все стремления, волю, отвагу и никто не знает, как ее выключить. Иногда в тишине люди действительно слышат, как крутятся шестеренки.

Ла Наг выбрал кабинку в дальнем конце зала, уселся один в ожидании. Пять лет назад он недолгое время был завсегдатаем этого бара, главным образом слушая окружающих. Сведения, собранные разведчиками, которых Тол ива издавна засылала на Трон, не шли ни в какое сравнение с тем, что можно было услышать за один вечер от собиравшихся здесь людей, изнутри досконально знающих местную общественную систему, общественные настроения, государственную политику. Сегодня некоторые постоянные посетители с долгим стажем бросали на него внимательный вопросительный взгляд, чуя что-то знакомое, но угадывая, что в компании он не нуждается.

Если Ла Наг все правильно понял, на что он надеялся, Дэн Брунин с минуты на минуту должен шагнуть в парадную дверь. С ним надо вести себя осторожно. Разумные доводы бесполезны. Страх — вот что на

него подействует. Правильно отмеренная доза поставит на место; чуть переборщи — и он либо сбежит, либо ринется в атаку, как загнанный в угол зверь. Опасный, взрывоопасный человек, но, чтобы план осуществлялся по расписанию, помощь Брунина жизненно необходима. Удастся ли удержать его от отчаянного безумства? Наверняка не скажешь, и это очень плохо.

Ла Наг начал припоминать все, что знал о Брунине. Родился на обширных сельскохозяйственных землях Нолеветола, почти не получил образования, целыми днями собирал урожай на инопланетной родительской ферме. С отцом возникли трения, усилились и достигли пика, после чего юный Дэн Брунин бежал — предварительно избив отца до потери сознания. Он как-то умудрился добраться до Трона, где прожитые на улицах Примуса годы закалили и приучили его к городскому образу жизни.

По пути Брунин пришел к заключению, что Империю необходимо свергнуть, причем свергнуть ее должен именно он — любыми средствами, — и признал самым прямым путем к цели убийство правившего Метепа. Его обязательно надо остановить, ибо это грозит гибелью планам Ла Нага.

Когда Брунин вошел, и без того тихое бормотание у стойки бара совсем смолкло, как обычно бывает при вторжении чужака в обособленную компанию. Зная, что вид у него неуверенный и растерянный, он крепко стиснул под бородкой губы, обшаривая зал острым взглядом, и заметил в углу махнувшего рукой светловолосого незнакомца. Разговоры за стойкой постепенно вернулись к прежнему уровню громкости.

Напрягшись каждой мышцей, готовый в любую секунду отпрянуть при первом признаке опасности, Брунин осторожно прошагал к кабинке, уселся напротив Ла Нага.

Теперь он впервые по-настоящему его увидел. Вчера вечером разговаривал с неопределенной тенью — сейчас перед ним фигура из плоти и крови... по правде сказать, не слишком впечатляющая. Худое лицо с угловатыми чертами, с орлиным носом, торчащим между зелеными глазами с внимательным твердым взглядом, все это обрамлено непослушными, почти лохматыми светлыми волосами. Длинная шея, длинные ноги и руки с длинными тонкими, почти изящными пальцами. Без вчерашнего широкого плаща заметна чуть ли не болезненная худоба; на незнакомце только комбинезон и жилетка — то и другое темно-зеленого цвета.

— А дружки твои где? — поинтересовался Брунин, оглядывая помещение.

— На улице.

Незнакомец, уже заказавший себе темный эль, сделал знак бармену, который принес отставленный в сторону поднос, поставив перед Брунином рюмку с бесцветным крепким самогоном из тройского гибридного зерна и кувшин с водой.

Брунин вытер губы тыльной стороной ладони, стараясь скрыть потрясение: ему предложено выпить именно то, что он предпочитает! Один этот маленький фокус безнадежно лишил его всякой надежды держаться со светловолосым мужчиной на равных. Он был сокрушен полностью и хорошо это понял.

— Хочешь передо мной выпендриться?

— Безусловно надеюсь. Хочу, чтоб ты почувствовал полный и всеобъемлющий благоговейный страх перед моей организацией и мной самим... переменив... отказавшись от собственных планов и присоединившись ко мне.

— Не вижу особого выбора.

— Можешь вернуться на Нолеветол.

— Ничего себе выбор! Все равно что связаться с твоими прихвостнями флинтерами. — Брунин поднял рюмку. — За «новый порядок», или что ты там задумал.

Незнакомец приподнял за ручку свою кружку с элем, но пить не стал. Вместо того дождался, пока собеседник проглотит спиртное, и провозгласил свой собственный тост:

— За то, чтобы не было *никакого* «порядка».

— Выпью за это, — согласился Брунин, снова хлебнув из рюмки огненной жидкости, тогда как собеседник осушил пол кружки. Такой тост ему по душе. В конце концов, может, все будет не так уж и плохо.

— Меня зовут Ла Наг, — представился незнакомец. — Питер Ла Наг. — Он вытащил и положил на стол маленький кубик. — Мне его дали флинтеры. Устройство создает сфероидную оболочку, которая искажает любые звуковые волны, проходящие по периметру. В радиусе около метра. Вряд ли здесь кто-то сильно заинтересуется нашей беседой, но нам предстоит обсудить кое-какие деликатные вопросы, а после всех недавних покушений... — Тут он сделал паузу, неодобрительно скривив тонкие губы. — Нежелательно, чтобы какой-нибудь слишком бдительный гражданин обвинил нас в подстрекательстве к бунту.

Ла Наг нажал сверху на кубик, и разговоры у стойки внезапно смешались, заглохли. Нельзя разобрать ни единого слова.

— Очень хорошая вещь, — одобрительно кивнул Брунин, мигом вообразив десятки ситуаций, когда кубик весьма пригодился бы.

— Да, знаешь, флинтеры просто помешаны на обеспечении неприкосновенности личной жизни. Собственно, в технологическом смысле ничего нового. Кроме карманных размеров. Ну...

— Когда свалим Империю?

Вопрос Брунина, перебившего собеседника, звучал наполовину шутливо, наполовину смертельно серьезно. Он обязательно должен был это знать.

— Не через пару лет, — чистосердечно ответил Ла Наг.

— Слишком долго! Мои ребята ждать не могут!

— Лучше пусть обождут.

Фраза повисла в воздухе, как раскачивающаяся петля. Брунин ничего не сказал, глядя в рюмку, покачивая бесцветную жидкость. Напряженный момент миновал, и Ла Наг снова заговорил:

— Как я полагаю, почти все твои люди — тронцы.

— Все, кроме меня и еще одного.

— Для определенного очень важного пункта моего плана понадобится именно такая группа. Нужны местные жители. Согласятся помочь?

— Конечно... особенно если не будет другого выбора.

Голова Ла Нага быстро, энергично дернулась. Один раз.

— Мне не надо такого сотрудничества. Я тебя сюда позвал потому, что считал умным мужчиной, и потому, что у нас с тобой одна цель — покончить с Империей внешних миров. Ты создал своего рода подполье — инфраструктуру из верных людей. По-моему, им не стоит отказываться от возможности сыграть свою роль. Только ты и они должны играть ее по-моему. Я *рассчитывал* на ваше содействие. Мой план должны осуществить хорошо осведомленные энтузиасты. Если тебе с твоей когортой это не по силам, тогда вообще не участвуйте.

Брунин нутром чуял — тут что-то не так. Чересчур мало сказано. Где-то проскальзывает обман, а где — не угадаешь. И еще что-то видно в худом мужчине, сидевшем напротив него за столом, — нетерпение? В

других обстоятельствах Брунин уклонялся бы от ответов, хитро выпытывая, в чем, собственно, дело. А у этого типа флинтеры стоят настороже, ждут сигнала. Вовсе не хочется играть с ними в игры.

— Что у тебя за план? Зачем толивианец явился на Трон совершать революцию?

Ла Наг улыбнулся:

— Приятно, что я не ошибся, оценивая твою сообразительность. Наверно, акцент меня выдал?

— И акцент, и флинтеры. Прошу отвечать на вопрос.

— Боюсь, в данный момент ты доверия не заслуживаешь. Будь уверен — готовится сцена оглушительного крушения Империи, но без кровопролития.

— Значит, ты фантазер и дурак! Нельзя свалить Империю, не убрав со сцены Метепы и Совет Пяти. А единственный способ убрать это дерьмо — прожечь в тупых башках дырки. *Тогда* увидишь, как все мигом развалится! Любой другой способ — пустая трата времени. Напрасный труд! Бесполезно!..

Лицо Брунина гневно перекосилось, в уголках губ скопилась слюна, угрожая брызнуть во все стороны. Постепенно повышая тон, он к концу краткой пламенной речи кричал во все горло, стуча кулаком по столу. Потом с усилием взял себя в руки, вдруг обрадовавшись, что Ла Наг принес с собой глушитель.

Толивианец медленно многозначительно покачал головой:

— Иначе ничего не добьешься, кроме смены охраны. Ничто существенно не изменится, точно так же как ничто существенно не изменилось по сравнению с доимперскими временами, когда внешними мирами управляла Земля.

— Ты забыл про народ! — воскликнул Брунин, понимая, что как бы вызывает к древнему богу. — Народ знает, что дело плохо. Империи всего двести лет, а она уже загнивает! После убийства Метепы народ восстанет...

— Народ ничего не сделает! Империя надежно себя оградила от народного бунта на Троне, тогда как только здесь революция будет реально хоть что-нибудь значить. Бунты в прочих мирах вообще никому не нужны. На расстоянии в несколько световых лет они ничуть не опасны для власти.

— Никакое правительство не способно надежно обезопаситься от революции.

— Абсолютно согласен. Но подумай: больше половины — *половины!* — населения Трона полностью или большей частью получает деньги от Империи.

Брунин фыркнул и осушил рюмку.

— Не смейся!

— Как ни смешно, это правда. — Ла Наг принялся загибать пальцы левой руки. — Безработные, пенсионеры, учителя, полиция, чиновники, все, кто служит в вооруженных силах или как-нибудь с ними связан, — в ход пошли пальцы правой, — уборщики и техники, монтеры и ремонтники, налоговые инспекторы и сборщики, тюремное начальство с подчиненными, пройдохи, задействованные в бесчисленных бюрократических программах... — Пальцы на обеих руках кончились. — Тошнотворно длинный перечень. Водораздел был тихонько достигнут и тихонько пройден одиннадцать стандартных лет назад, когда пятьдесят процентов населения Трона попало в финансовую зависимость от Империи. Событие тайно отпраздновали. Публику не приглашали.

Брунин с обмякшим лицом неподвижно застыл под напряженно-внимательным взглядом Ла Нага, чуть коснувшись нижней губой ободка рюмки. Потом поставил ее на стол.

— Клянусь Ядром!..

Толивианец прав.

— Ах! Дошло? — удовлетворенно улыбнулся Ла Наг. — Понял теперь, что я имел в виду под безопасностью: государство предохранило себя от побоев, превратившись в кормящую руку. Оно внедрилось в жизнь максимального множества граждан в неизменной роли помощника и благодетеля, однако неизменно стараясь, чтоб от него зависел их уровень жизни. Пускай их не заставишь любить государство, можно заставить сильнее и сильнее на него полагаться. А разбить цепи экономических потребностей гораздо труднее, чем настоящие рабские.

— Невероятно! — хрипло пробормотал Брунин. — Я никогда и не думал...

— Впрочем, тут Империя внешних миров вовсе не оригинальна. В истории человечества разные государства с разным успехом проделывали то же самое. Просто Империи лучше других удалось это скрыть.

Ла Наг выключил глушитель, махнул официанту — разговоры за стойкой стали чуть разборчивей. Дождавшись спиртного и снова включив аппарат, он продолжил:

— Империя больше всего заботится о гражданах Трона, держа их в телячьей сонливости. Другие внешние миры, за примечательным исключением Флинта и Толивы, не получают ровно ничего, кроме оккупационных отрядов — виноват, кажется, их называют «охранными гарнизонами». Чем объяснить подобную несправедливость? Тем, что разъярившихся граждан других планет можно проигнорировать, тогда как разъяренные тронцы могут свергнуть Империю. Логичный вывод: чтоб свергнуть Империю, надо настроить против нее граждан Трона. Против *государства*! А не против безумца, убивающего избранных представителей, вызывая тем самым сочувствие к государству. В результате чего врагом становится *он*, а не государство.

Брунин обмяк на сиденье, не пригубив стоявшей перед ним второй рюмки с выпивкой. В душе его в пляске смерти кружились противоречивые чувства. Он понимал, что момент, безусловно, критический. Ла Наг внимательно наблюдал за ним, стараясь догадаться, согласится ли он обрушить Империю косвенным способом. Если по-прежнему будет настаивать на лобовой атаке, возникнут проблемы.

— Ясно я выражаюсь? — спросил Ла Наг, переждав несколько мрачных минут. — По-прежнему думаешь, будто Империя рухнет после убийства Метепы?

Брунин сделал долгий глоток спиртного, не сводя глаз с рюмки в своих руках, и уклончиво пробормотал:

— Даже не знаю, что мне сейчас думать.

— Прошу честно ответить. Вопрос слишком важный, чтоб хитрить, сохраняя лицо.

Брунин, резко подняв голову, взглянул прямо в глаза Ла Нагу:

— Ладно — не думаю. Убийство Метепы не свалит Империю. Только я все равно хочу его убить!

— Почему? По каким-нибудь личным причинам?

Ла Нага явно удивляло упорство Брунина.

— Нет... По принципиальным. Он главный!

— Поэтому ты хочешь свергнуть Империю? Потому что он главный?

— Да!

После этого воцарилось молчание.

— Признаю, — согласился Ла Наг. — И почти понимаю.

А ты сам почему за это взялся? — допытывался Брунин, напряженно подавшись вперед. — Только не надо рассказывать о каких-нибудь личных причинах — у тебя есть деньги, силы, флинтеры. Толивианские «гномы»^[4] сроду не возьмутся за то, из чего нельзя извлечь прибыль. На что они рассчитывают? И как, скажи, ради Ядра, мы со всем этим справимся?

Ла Наг слегка наклонил голову, слыша местоимение «мы», полез в карман жилетки и вытащил три бумажки по пять марок.

— Вот что хранит Империю. Мы покажем верхам и всем, кто на них полагается, насколько они ненадежны и дешевы. Отчасти эту задачу вместо меня уже выполнила сама Империя. — Он выбрал самую старую бумажку и протянул Брунину. — Прочти, что написано в правом нижнем углу.

Брунин, прищурясь, прочитал с запинкой: «Банковский билет по требованию обменивается имперским Министерством финансов на золото».

— Посмотри на дату. Давно это было написано?

Брунин опустил глаза и вновь поднял.

— Двадцать два года назад.

Он был озадачен и одновременно сердился на собственную озадаченность.

Ла Наг протянул другую бумажку:

— А вот этой всего десять лет. Читай.

— «Банковский билет служит официальным средством оплаты любого долга, государственного и частного, и обменивается имперским Министерством финансов на законные платежные средства».

По-прежнему абсолютно неясно, к чему идет дело.

Ла Наг сунул третью бумажку:

— А вот эта попалась мне в руки сегодня — последний образец.

Брунин без всякой просьбы прочел:

— «Банковский билет служит официальным средством оплаты любого долга, государственного и частного». — Пожав плечами, вернул все три банкнота. — Ну и что?

— Боюсь, сегодня больше ничего не смогу рассказать. — Ла Наг взмахнул самой старой бумажкой. — Просто подумай: чуть больше двух стандартных десятилетий назад это было, несмотря ни на что, *золотом*. А это, — он махнул новым банкнотом, — простая бумага.

— И *поэтому* ты стараешься свергнуть Империю? — Брунин недоверчиво помотал головой. — Да ты еще дурней меня.

— Все объясню на борту корабля.

— Какого корабля? Не собираюсь никуда лететь.

— Мы полетим на Землю. То есть если пожелаешь.

Брунин потрясенно вытаращил глаза:

— Шутишь?

— Ни в коем случае, — с раздражением бросил Ла Наг. — Полет на Землю — не тема для шуток.

— Зачем же... — Брунин на полуслове умолк, глубоко вздохнул и прищурился. — Землян сюда лучше не впутывай! Иначе я тебе мигом шею сверну на этом самом месте, и никакая шайка флинтеров не

поможет!

На лице Ла Нага выразилось недовольство возникшей проблемой с Землей.

— Не хаами. Есть на Земле один человек, с которым я лично должен увидеться. Возможно, от его ответа на некое предложение всецело зависит успех или провал моих планов.

— Кто такой? Главный Администратор или какой-то другой крупный кусок дерьма?

— Нет. Он широко известен, но абсолютно не связан с правительством. И уже знает о моем приезде.

— Кто же это?

— Узнаешь, когда прилетим. Едешь?

Брунин передернул плечами:

— Не знаю... Просто не знаю. Встречусь сегодня вечером с товарищами, обмозгуем. — Он подался вперед. — Только ты растолкуй, к чему клонишь. Мне мало пары туманных намеков.

Брунин обратил внимание, что с той минуты, как он вошел в таверну, Ла Наг старательно следил за выражением собственного лица, на котором отражался небогатый небрежный и легкий мимический репертуар, рассчитанный на желаемый эффект. А теперь прорвались подлинные эмоции. Глаза вспыхнули, губы напряженно-яростно сжались.

— К революции, дорогой мой Брунин. Я предлагаю тихую революцию без крови и грома, которая, тем не менее, потрясет этот мир и мировоззрение всех внешних миров так, что с ней не сравнится никакая буря насилия. В истории полным-полно косметических революций, когда на старую физиономию накладывается немного грима или, если взять более разрушительные и насильственные примеры, на старое туловище насаживается новая голова. Моя революция совсем другая. По-настоящему радикальная... то есть ударившая в самый корень. Я хочу преподать внешним мирам урок, которого они никогда не забудут. Когда я покончу с Империей и со всем, что с ней связано, народы внешних миров поклянутся во веки веков не допускать такого положения, в каком они находятся в данный момент. Никогда!

— Как же это сделать, черт побери?

— Уничтожить вот это, — Ла Наг бросил на стол бумажные марки, — и заменить вот этим.

Он полез в другой карман жилетки и вытащил металлический круглый диск, желтый, достаточного размера, чтобы уместиться в глазнице покойника, и тяжелый — очень тяжелый. С обеих сторон на нем была отчеканена звезда, вписанная в греческую букву омега — символ ома, единицы электрического сопротивления.

Кружок должен был собраться нынче вечером в обычном месте. Вслух Брунин всегда называл представителей своих крошечных революционных кадров «товарищами», а в мыслях и в душе — «группой Брунина». Состав смешанный — профессор Закария Брофи из Университета внешних миров; Рэдмон Сейерс, многообещающий видеореporter; Сеф Вулвертон, служащий центра связи; Грэм Хутр из Министерства финансов; Эрв Сингх, работающий в одном из региональных центров доходов. Еще несколько временных членов присоединялись и покидали группу в зависимости от настроения. Двое первых, Зак с Сейерсом, недавно ушли, не признавая убийство приемлемым способом, остальные остались, явно не без колебаний. А с другой стороны, кто у них еще есть?

На крыше сидел лишь один человек — Сеф Вулвертон.

— Где остальные?

— Никто не придет, — сказал Сеф, крупный костистый мужчина, первоклассный наладчик компьютерной техники. — Ни один.

— Почему? Я всех предупредил, оставил сообщения. Сказал, разговор очень важный.

— Они тебя покинули, Дэн. После вчерашнего все считают тебя сумасшедшим. Я с тобой уже давно знаком и с уверенностью не скажу, что они ошибаются. Ты без нашего ведома, без нашего согласия потратил общие деньги на наемного убийцу... Все кончено, Дэн.

— Ничего не кончено! Я создал группу! Вы не можете меня просто выкинуть...

— Да никто тебя не выкидывает. Мы сами уходим.

В тоне Сефа сквозило сожаление, но и непреклонная решимость.

— Слушай... Может быть, я начну новое дело. Совсем другое... — Язык Брунина не поспевал за лихорадочной мыслью. — Только что познакомился с одним типом, который может придать нашему делу другой поворот. Предлагает новый способ развалить Империю. От такого шанса даже Зак с Сейерсом не отказались бы.

Сеф покачал головой:

— Сомневаюсь...

— Уговори их поймать этот шанс!

— Чтобы они тебе снова поверили, шанс должен быть *абсолютно* надежным.

— Будет. Я гарантирую.

— Объясни, о чем речь.

— Не сейчас. Сперва кое-куда надо съездить.

— Ладно, — пожал Сеф плечами. — У нас вагон времени. По-моему, Империя никуда не денется.

Он повернулся, не попрощавшись, шагнул в спусковой пневматический желоб, оставив Брунина одного на крыше. Поведение Сефа ему не понравилось. Пусть бы лучше сердито кричал и махал кулаками. Сеф смотрел на него так, будто он совершил недостойный поступок. Нехороший взгляд.

Брунин посмотрел на звезды. Хочешь не хочешь, видно, придется лететь на Землю. Другого выхода не остается, нет иного способа сберечь разрозненные остатки «группы Брунина». С помощью Ла Нага он снова всех соберет и продолжит с того, на чем остановился. Стоит только раскусить новичка, обязательно найдется способ направить его в нужную сторону.

Почему бы не слетать на Землю? Кому еще выпадает возможность совершить подобное путешествие даром? Мало кто из жителей внешних миров вообще там бывал. А его в данный момент так интересуют замыслы толивианца, что ради разгадки он готов отправиться куда угодно.

ХРЕСТОМАТИЯ РОБИН ГУДА

Внутривенное вливание

Печатные станки на имперском Монетном дворе сегодня работают сверхурочно, выпуская новые марки с устрашающей скоростью. Задумано сделать дряхлеющей экономике «внутривенное вливание», что на бюрократическом языке означает сознательную инфляцию. Согласно теории, выпущенные в обращение лишние марки повышают покупательную способность потребителей, что, в свою очередь, стимулирует производство, от чего, в свою очередь, растет занятость, что, в свою очередь, вновь повышает покупательную способность, и так далее.

Красиво звучит, однако ничего не выходит. Как только у вас неожиданно появляются марки на покупку имеющихся в продаже товаров, цены на эти товары растут. И уже не снижаются. Значит, марок требуется больше и больше.

Продолжим медицинскую аналогию, сравнив этот процесс с лечением больного, ослабшего от внутреннего кровотечения, одними уколами земмелара, и ничем больше. Правда, ему на время становится лучше, но кровотечение не прекращается. Когда действие наркотика кончается, он слабеет больше прежнего. Поэтому ему делают очередное вливание, он вновь чувствует улучшение, но период ремиссии на этот раз короче. Пациент продолжает слабеть. И вскоре умирает. Даже если внутреннее кровотечение само по себе остановится, он уже слишком плох, чтоб пойти на поправку. И в любом случае безнадежно сидит на игле.

Экономический прогноз погоды

ИНДЕКС ЦЕН (принимая за базовый (100)		
115-й год существования		
Империи, когда имперская		
марка стала законным		
платежным средством)		
		155,2
ДЕНЕЖНАЯ МАССА (МЗ)		942,6
УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ		7,6%
	Имперские марки	Солнечные кредитки
ЗОЛОТО (тройская унция)	227,0	131,6
Серебро (тройская унция)	10,4	5,9
Хлеб (буханка в 1 кг)	0,62	1,83

Глава 6

Я вышел в бой не по закону
и не по наважденью,
Не по велению властей и буйных толп,
А только ради наслажденья...

Йетс

Венсан Стаффорд празднично висел у борта «Веселой Тилы», не улета в бесконечное пространство только благодаря тонкому тросу. Восхитительная, хоть и непредусмотренная задача контроля над всем наружным навигационным оборудованием модуля была возложена на него, как на второго помощника штурмана. Для этого требуется определенное практическое знакомство с техникой, превышающее способности регулярной команды наладчиков. На это способен только член гильдии навигаторов. Поскольку Стаффорд имел самый низший чин, какой только можно представить, впервые получив от гильдии назначение, для этой задачи выбрали его.

Заполнив первый контрольный бланк, он не испытывал никакого желания вернуться в шлюз, где можно было бы снять снаряжение, вновь ощутить вес тела. Вместо того свободно парил без движения, не сводя глаз с кольца грузовых гондол вокруг модуля управления — изящно закругленного ожерелья из редких камней удивительной формы, связанных невидимой нитью, отражающих далекий свет.

Груз зерна готов отправляться на Землю. Многие сельскохозяйственные миры используют это место в критической точке гравитационного поля звезды Трона в качестве отправного пункта для транспортировки на Землю экспортных товаров. Грузовые гондолы сбрасываются и соединяются друг с другом пересекающимися по полукругу силовыми лучами. Когда ромашка становится достаточно крупной, чтобы гарантировать прибыльный прогон, подключается контрольный модуль с командой, и можно пускаться в путь.

Впрочем, нынешний полет не совсем обычный. На Землю вместе с грузом летят два пассажира. Случай из ряда вон выходящий. С Землей не контактирует почти никто из внешних миров, за исключением дипломатов. Дипломаты летают на официальных крейсерах, а все прочие — на чем придется. Видно, эти два пассажира богатые: полет к Земле даже с грузом зерна недешев. Хотя с виду не скажешь. Один в темной одежде, с темной бородой, в мрачном расположении духа, другой — светловолосый, внимательный, крепко держит под мышкой деревце в горшке. Странная парочка. Интересно, задумался Стаффорд...

...и вдруг понял, что зря тратит время. Это его первый полет в качестве навигатора — надо быть в наилучшей форме. Гильдия долго не предлагала ему места. Потратив положенные шесть стандартных лет на ускоренное подсознательное усвоение всех аспектов межзвездных полетов от космологии до подпространственной физики, от тонкостей протон-протонной тяги до последствий отказа термостата командного модуля, он жаждал ринуться в межпланетную бездну. К сожалению, бездна его не ждала. Транспорты отправляются не так часто, как раньше, поэтому новоиспеченный навигатор немислимо долго числился первым в списке претендентов на должность.

Венсан Стаффорд не многого просил от жизни. Хотел лишь получить возможность летать от звезды к звезде, чтобы заработка хватило на самого себя и жену, а со временем, при экономии, может быть, на покупку собственного дома и на содержание полноценной семьи. Ему вовсе не нужно богатство, кубышки, набитые золотом.

Когда почти отчаялся получить назначение, пришло известие, что отныне он официальный космолетчик. Вот и начало карьеры. Стаффорд рассмеялся под шлемом, подтягиваясь на тросе к шлюзу «Тилы». Жизнь прекрасна. Он даже никогда не догадывался, как она порой бывает прекрасна.

— А куст для чего? Таскаешься с ним, как с младенцем.

— Это не куст, а дерево, — поправил Ла Наг. — Мой лучший друг.

Брунин не нашел в этой шутке — если поправка задумывалась как шутка — ничего смешного. Нервы были на пределе, он дергался, злился. На пути к Земле «Веселая Тила» трижды запрыгивала и выпрыгивала из подпространства, что каждый раз сопровождалось любопытной, тщательно изученной, но практически необъяснимой мучительной тошнотой.

Ла Наг не реагировал, по крайней мере внешне, но для Брунина, не ступавшего ногой на борт межзвездного корабля после бегства с Нолеветола, каждый прыжок превращался в нервнующее физическое испытание. Он обливался потом, внутренности старались вывалиться наружу одновременно из всех имеющихся отверстий. Фактически весь полет был для него тяжелой мукой. Вспоминался фермерский дом на Нолеветоле, где он вырос, крошечный островок, заросший деревьями, посреди моря хлебных полей; кругом никого, кроме матери, брата и того самого идиота, который называл себя его отцом. На ферме он часто чувствовал себя точно так же — пойманным в ловушку, запертым в стенах, за которыми нет ничего. Брунин ловил себя на том, что без конца расхаживает по проходам контрольного модуля с неизменно влажными от пота ладонями, нервно дергавшимися пальцами, которые словно жили собственной жизнью. Порой казалось, будто стены сдвигаются, грозя раздавить его в смородинный кисель.

Когда психическое состояние дошло до того, что при быстром незаметном взгляде вправо или влево он мог бы поклясться, будто действительно видит, как движутся стены — непременно сдвигаясь, никогда не раздвигаясь, — то сунул под язык пару таблеток торпортала, закрыл глаза и стал ждать. Таблетки быстро растворились, проникли в подъязычную слюзу и почти сразу же в кровеносную систему. Сердце несколько раз хорошенечко стукнуло, активный продукт обмена веществ поступил в мозг, подействовал на лимбическую систему, облегчил напряжение. Стены разошлись, можно было спокойно сидеть и практически вести связную беседу. Что он теперь и делал.

Непонятно, как Ла Наг умудряется сохранять полное душевное равновесие в узкой крошечной тесной каюте. При грузовых перевозках пространство ценится на вес золота: сиденья и стол, на котором стояло дерево Ла Нага, поднимаются из пола нажатием кнопки, койка при необходимости откидывается из стены. И в каюте Брунина напротив точно то же самое. Общий туалет и умывальник располагаются ниже по коридору. Все рассчитано на максимальное использование имеющейся площади, то есть до безумия сжато и сплюснуто. Ла Наг, тем не менее, выглядит невозмутимо, и, если бы Брунин не принял успокоительное, этот факт взбесил бы его и толкнул на насилие. Интересно, принимает ли толивианец когда-нибудь психотропные средства?

— Его зовут Пьеро, — объяснял Ла Наг, указывая на дерево, стоявшее на столе между ними, почти под рукой у Брунина. — Это мисё, карликовая разновидность толивианского эквивалента цветущей мимозы. Он сообщает, что чувствует себя хорошо и приятно, приняв позу банкан.

— Ты так говоришь, точно он тебе какой-нибудь родственник или что-нибудь вроде того.

— Ну... — Ла Наг помолчал, уголки его губ поднялись в намеке на озорную улыбку. — Можно сказать, что действительно родственник — мой прапрадед.

Не зная, как реагировать, Брунин перевел взгляд с Ла Нага на дерево. Оно стояло в роскошном коричневом глиняном горшке фукуро-сикибати с затейливой резьбой, высотой примерно от кончика

среднего пальца до локтя взрослого мужчины. От ствола отходили узкие пятипалые отростки, широко разветвлявшиеся и обрамленные крошечными листиками, образуя над горшком мягкий зеленый зонтик. Слегка изогнутый ствол придавал общей картине мирный и безмятежный вид.

Брунину пришла в голову столь безобразная мысль, что, застряв в мозгах, она все сильнее его привлекала. Он знал, что превосходит Ла Нага физической силой, а флинтеров нет на борту. Теперь толивианца нечего бояться.

— Что ты сделаешь, если я вырву с корнями твое драгоценное деревце и превращу в кучу щепок?

Побелевший Ла Наг привстал, но, видя, что Брунин не протянул пока руку к Пьеро, снова сел.

— Огорчусь, — сухо ответил он дрожащим голосом (от чего — от страха или от злости, Брунин не разобрался). — Может быть, даже заплачу. Похороню останки, а потом... не знаю. Пожелал бы убить тебя, только не знаю, решился бы или нет.

— Не дал мне убить Метепу, а меня убил бы из-за поганого кустика? — Брунин собрался расхохотаться в лицо собеседнику, но ледяной взгляд Ла Нага остановил его. — Можешь завести другое.

— Нет. Не могу. Пьеро только один.

Брунин взглянул на деревце и удивился, что оно выглядит иначе. Пальцевидные отростки поджались друг к другу, а ствол стал прямым, словно лазерный луч.

— Ты испугал Пьеро, и он принял позу токкан, — укоризненно заметил Ла Наг.

— Может, я разнесу тебя в щепки, — продолжал Брунин, отвернувшись от возмутительного дерева, менявшего позу в зависимости от настроения, и вновь глядя на Ла Нага. — Сейчас у тебя нету флинтеров для грязной работы... Легко хребет сломаю. С большим удовольствием.

Он не просто старался запугать Ла Нага. *Приятно* было бы причинить ему боль, искалечить, убить. В некоторые моменты Брунин чувствовал необходимость что-нибудь уничтожить — все, что угодно. В душе росла тяжесть, буйно требуя облегчения. На Троне, когда тяжесть становилась невыносимой, он отправлялся бродить по самым темным закоулкам, где ютились безработные, и горе какому-нибудь несчастному наркоману, сидевшему на земмеларе, который пытался напасть на него ради нескольких марок. Завязывалась короткая жестокая схватка, не учтенная и не зарегистрированная полицией. После этого ему становилось гораздо лучше. В данный момент исключительно торпортал в кровеносной системе удерживал его от прыжка на Ла Нага.

— Верю, — совершенно спокойно кивнул Ла Наг. — Только лучше бы обождать до обратного рейса. Не забывай — мы летим в Солнечную систему. Как только совершим посадку, тебя препроводят в тюрьму, передадут Криминальному управлению. А в земном Криминальном управлении сидят крупные специалисты по психореабилитации.

Кипевшая в душе Брунина ярость мигом растворилась в ледящем содрогании. Психореабилитация начинается с полного очищения памяти и заканчивается созданием новой личности.

— Ну тогда обожду, — буркнул он, надеясь, что ответ прозвучал не так слабо, как ему самому показалось.

Последовала продолжительная неловкая пауза — неловкая, видимо, лишь для Брунина.

— На Земле с чего начнем первым делом? — спросил он, силой принудив себя прервать молчание.

Ему не нравилась сама идея полета на Землю ради закладки фундамента революции. Очень даже не нравилась.

— Быстренько слетаем на Южный полюс, чтобы получить подтверждение нескольких сообщений, которые я получил от знакомых землян. Если они подтвердятся — а чтобы поверить, я должен своими глазами увидеть, — тогда встретимся с третьим по богатству человеком в Солнечной системе.

— Кто он такой?

— Увидишь, когда встретимся.

— Мне *сейчас* надо знать! — крикнул Брунин и сорвался с сиденья. Хотел пройтись, но в любую сторону можно было сделать всего два шага. — Ты любой мой вопрос отфутболиваешь! Я участвую в осуществлении плана или нет?

— В свое время будешь посвящен во все детали. Только надо двигаться постепенно. Ты должен получить определенное базовое образование, прежде чем до конца поймешь мой план и сможешь эффективно участвовать в его осуществлении.

— Мне своего образования вполне хватает!

— Да ну? И что тебе известно о торговле между внешними мирами и Солнечной системой?

— Достаточно. Известно, что для Солнечной системы внешние миры — хлебный мешок. Зерно идет потоками вроде того, с которым мы сейчас летим, и спасает Землю от голода.

— Эти потоки *раньше* Землю спасали от голода, — поправил Ла Наг. — Потребность во внеземном источнике белка быстро сокращается. Скоро Земля сама сможет себя прокормить. Не пройдет много времени, как подобные транспорты уйдут в прошлое. Внешние миры перестанут быть хлебным мешком.

— Ну и что? — пожал Брунин плечами. — Нам больше еды достанется.

Ла Наг рассмеялся с раздражающим снисхождением:

— Тебе многому надо учиться... *Очень* многому. — Он подался вперед на сиденье и продолжал, рубя перед собой воздух рукой с длинными пальцами: — Посмотри вот с какой стороны: представь себе страну, планету, планетную систему как фабрику. На ней трудятся люди, что-то производят на продажу другим людям, не связанным с фабрикой. На рынке выпускаемых ею товаров происходят постоянные изменения. Производители находят новых потребителей, теряют старых, в целом уравнивая объем производства со сбытом. Но время от времени фабрика совершает ошибку, продавая единственному заказчику слишком много собственной продукции. Правда, это удобно и безусловно прибыльно. Однако со временем фабрика попадает в слишком большую зависимость от этого потребителя. Если он где-то заключит более выгодную сделку, что, по-твоему, случится с фабрикой?

— У нее возникнут проблемы.

— Вот именно, — кивнул Ла Наг. — Серьезные проблемы. Может быть, даже банкротство. Вот что происходит с внешними мирами. Исключая Толиву и Флинт, которые никогда не входили в торговую сеть, пока Земля командовала внешними мирами, предпочитая справляться собственными силами, что обеспечило нам независимость от торговли с Солнечной системой, все вы, жители Империи внешних миров, составляете колоссальную фабрику, которая выпускает один продукт для одного потребителя. А этот потребитель учится обходиться без вас. Вскоре вы по уши будете утопать в зерне, которое каждый выращивает и которого никто не станет покупать. Даже сами съесть не успеете!

— И когда это «вскоре» настанет?

— Через восемнадцать-двадцать стандартных лет.

— По-моему, ты ошибаешься, — возразил Брунин. Хотя в мысли о хаотичном экономическом коллапсе было что-то непонятно привлекательное, он не верил. — В смысле еды Солнечная система всегда

будет зависеть от внешних миров. Сама не может производить столько продуктов, чтобы всем хватило, а где их еще брать?

— Земляне нашли новый источник белка... да и голодных ртов у них становится меньше, — объяснил Ла Наг, откинувшись на спинку сиденья.

Загрязнение давно исключило земные моря из перечня источников пищи. Человечеству пришлось есть то, что можно растить на земле и на многоэтажных искусственных фермах. Но поскольку кривая численности населения по-прежнему круто шла вверх, ненадолго время от времени замедляясь и все-таки неуклонно ползя еще выше, земледельческие угодья сокращались. Пока число голодных ртов росло, занимая все больше и больше жизненного пространства, земное Сельскохозяйственное управление изо всех сил старалось выжать максимальные урожаи из меньшего количества акров. Несколько помогали спиральные орбитальные плантации, но потребности голодных людей превосходили все ожидания. Синтетические продукты, которые можно было бы производить в изобилии, с негодованием отвергались; приемлемых продуктов питания жестоко не хватало.

Тогда и была создана сеть торговли с внешними мирами. Колонии были поставлены на службу Земле, превратившись в гигантские фермы. Когда выяснилось, что переброска в подпространстве целого кольца груженых зерном гондол обходится не намного дороже, чем прыжок одной, начались поточные поставки зерна из внешних миров в Солнечную систему. Казалось, наконец найдено приемлемое решение.

Какое-то время система работала. После восстания внешних миров положение переменялось. Солнечная система по-прежнему получала зерно, только по справедливым рыночным ценам. Земля, потерпевшая слишком тяжкий удар, перестала устраивать новые поселения, создавать новые фермерские колонии, замкнулась в себе и принялась наводить порядок в собственном доме.

Первым делом была введена генетическая регистрация. Каждый, у кого обнаруживался дефектный и даже потенциально дефектный генотип, включающий в себя мириады рецессивных характеристик, подвергался стерилизации. Поднялись вопли, грозя домашней революцией, однако на сей раз земное правительство не уступило. Новое Управление по контролю над численностью населения было наделено полицейскими полномочиями и получило приказ их использовать в полном объеме.

Примером послужила Арна Миффлер: женщина, в генотипе которой не выявилось никаких отклонений. Молодая бездетная одинокая идеалистка организовала кампанию протеста против политики Управления, на первых порах успешную, быстро набравшую силу. Тогда Управление снова исследовало генотип Арны Миффлер и отыскало определенный признак одного из редких дефицитов мукополисахаридов^[5]. В один прекрасный вечер ее взяли в собственном доме и доставили в клинику Управления. На следующее утро она вышла оттуда стерилизованной.

Адвокаты, генетики, активисты, поднявшиеся на ее защиту, вскоре узнали, что их собственные генотипы наряду с генотипами родственников проходят тщательную перепроверку. Когда некоторые сторонники Арны начали попадать в клинику Управления и подвергаться стерилизации, движение протеста споткнулось, остановилось и умерло. Всем стало ясно, что у Управления по контролю над численностью населения есть сила и оно не боится ее применять. Сопротивление стихло до шепота.

И опять завопило после объявления о следующей мере: ограничении воспроизводства до уровня статус-кво. Двоим людям разрешается произвести на свет лишь двоих новых людей. Мужчине позволено стать отцом двоих детей, и не больше; женщине разрешено родить или отдать яйцеклетку для производства двоих детей, и не больше. После рождения второго живого ребенка они оба обязаны добровольно стерилизоваться.

Стерилизация отца и матери, родивших второго ребенка, была почти столь же добровольной, как

земная система добровольной уплаты налогов: соглашайся или пожалеешь. Генотип каждого новорожденного вводился в компьютер для перекрестного анализа родительских генов. Как только анализ указывал на существование второго ребенка с данным генотипом, запрашивался индивидуальный номер того и другого родителя, которых немедленно обнаруживали и препровождали в ближайшую клинику Управления, где единственная инъекция навсегда лишала их возможности выработать хоть одну жизнеспособную половую клетку.

Управление считало подобный подход мастерским компромиссом. Каждому гражданину по-прежнему предоставлялась возможность произвести на свет ребенка, который со временем его заменит, что многие — слишком многие — объявляли своим неотъемлемым правом. Однако допускалась лишь единоличная замена. Рождение ребенка было тяжким проступком; мать или отец по жребью обрекались на смерть, «освобождая место» для новорожденного.

Население начало сокращаться. Редкая смерть от болезней все-таки кое-кого выкашивала, несчастные случаи уменьшали численность более быстрыми темпами. Умерших новорожденных, даже нескольких секунд от роду, заменять не позволялось. Правило «один человек — один ребенок» догматически соблюдалось. Добровольно стерилизованным, которые не произвели на свет новой жизни, предоставлялись налоговые льготы; те, кто настаивал на рождении ребенка, облагались повышенными налогами.

Закон принес свои плоды. Благодаря строжайшему контролю на протяжении двухсот лет, население материнского мира все быстрее таяло. В мегаполисе еще время от времени вспыхивали голодные бунты, но далеко не так часто, как прежде. Вновь возникла возможность дышать — не особенно, но после пережитого планетой кошмара казалось, будто кругом открылось широкое пространство.

— Солнечная система быстро движется к самообеспечению, — продолжал Ла Наг, — когда имеющихся сельскохозяйственных земель, орбитальных плантаций и нового источника протеина будет достаточно, чтоб прокормить сократившееся население. Тогда прекратится импорт зерна из внешних миров. Тогда начнет разваливаться Империя. От наших действий в ближайшие дни, недели и годы будет зависеть, останется ли от нее хоть что-то, заслуживающее спасения.

Брунин ничего не сказал, стоя у своего сиденья, обдумывая услышанное. Как ни противно признать, Ла Наг говорит разумные вещи. Империя так или иначе развалится. Теперь точно видно. Тут, по крайней мере, можно с ним согласиться.

А вот насчет чего-то, заслуживающего спасения, он с толивианцем поспорит. Ничего не намерен спасать от полнейшего краха.

Глава 7

Кое-что ясно просматривается в глазах сидящих, которые нажимают на рычаги, приводящие в движение Государственную машину. Смотрят на тебя и знают, что кормят бесплатным обедом. А когда дотягиваются, вырывая кусок твоей плоти, разве ты укусишь кормящую руку? Скорей, подобно многим прочим согражданам, спросишь, что предпочитает привередливый людоед: сырое мясо, с кровью, или хорошо прожаренное.

Из «Второй Книги Успр»

Иглу выдернули из пальца Ла Нага, и на месте укола выступила капелька крови. Лаборантка ее промокнула, смазала палец стат-гелем, останавливающим кровотечение.

— Все в порядке, сэр. Впрочем, проведем небольшую проверку, чтобы наверняка убедиться. — Она набрала несколько цифр на консоли слева от себя, потом указала на небольшое отверстие вроде трубы. — Вставьте сюда палец.

Ла Наг повиновался, и на мониторе вспыхнул зеленый огонек.

— Получилось?

Лаборантка кивнула:

— Прекрасно. Теперь вы официально зарегистрированы в кредитной сети Солнечной системы.

— С виду, может быть, не похоже, — пробормотал Ла Наг, скривив губы, — но душа моя ликует в беспредельном экстазе.

Брунин наблюдал за улыбнувшейся лаборанткой. Очень милая улыбка, хорошенькая девушка. Правильно истолковала бормотание Ла Нага. Он повернулся к гигантской прозрачной плоскости, которая представляла собой основную часть наружной стены промежуточной станции. За ней висела Земля.

«Веселая Типа» завершила последний прыжок в подпространстве с опережением расписания, выскочив к северу от вращающегося диска планет, газовых гигантов и всяческих обломков, составляющих Солнечную систему. Гондолы с зерном вывели на околоземную орбиту, а двух пассажиров доставили на Бернардо де ла Пас — орбитальную станцию для людей и грузов, отправляющихся с Луны. В данный момент людей там было мало: кроме группы отдыхающих, направлявшихся в Вулавиль на зимней границе северной ледяной шапки Марса, Брунин с Ла Нагом почти все время оставались на станции в одиночестве.

Прежде чем спускаться вниз на планету, Ла Наг первым делом оформил на себя кредит. Отдал чиновнику в бюро обмена стопку толивианских агов, чтобы открыть балансовый счет в земной электронной денежной системе. Серебряные монеты были охотно приняты, пересчитаны в солнечные кредитки, введены в компьютерную сеть. С помощью иглы с восемнадцатью шипами Ла Нагу имплантировали закодированный именной чип под кожу толстой подушечки большого пальца правой руки. Пока счет открыт, можно купить все, чем на Земле легально торгуют. Когда будет исчерпан, на такой же панели, что стоит рядом с миленькой лаборанткой, вспыхнет красный огонек.

— Скажешь, не гениальное изобретение? — спросил Ла Наг, любясь своим большим пальцем и подходя к Брунину, стоявшему у обзорной стены. — Я даже ничего там не чувствую.

Брунин оторвался от созерцания планеты внизу.

— Чего такого гениального? Отхвачу тебе палец, сразу стану таким же богатым.

— Тут тебя, к сожалению, предупредили. Маленький чип реагирует на изменение кровотока в пальце. Наверно, поэтому спрашивали, не страдаю ли я болезнью Рейно^[6]. Его деактивирует даже слишком надолго наложенный жгут.

Брунин вновь всмотрелся сквозь стену. По обыкновению невозмутимый Ла Наг успел учесть и отбросить вероятность отрезанного пальца. Брунин поклялся, что когда-нибудь найдет способ его достать. Единственный раз удалось пробить броню, пригрозив уничтожить проклятое деревце. В данный момент даже это невыполнимо, ибо оно находится в карантинном отделе промежуточной станции. В один прекрасный день он своего добьется...

А пока просто стоит, замороженный вертевшимся за окном материнским миром.

— Подумай, — произнес Ла Наг у него за плечом. — Вот здесь человечество впервые выбралось из тины и стало прокладывать дорогу к звездам.

Брунин, посмотрев, увидел нечто вроде синей ягоды нолеветолского крыжовника в коричневых пятнах гнили, со струпами белой плесени. И чуть не шарахнулся от окна.

После прибытия в челноке в космопорт на мысе Горн большой палец Ла Нага быстро пошел в ход. Багаж сдали на хранение, взяли напрокат двухместный флитер. Только когда поднялись в воздух и направились дальше на юг, Брунин осознал щекотливость собственного положения.

— Думаешь, ты сильно умный, да? — буркнул он.

— Что имеется в виду?

— Твой большой палец. Получается, ты богач, а я нищий. Летишь куда хочешь, по своей свободной воле, а я должен следом тащиться. Вот что задумал...

В душе его крепла злоба.

— По правде сказать, никогда и не думал, — с абсолютно невинной миной признался Ла Наг. — Мы тут пробудем всего пару дней, поэтому нет никакого смысла открывать два счета. Кроме того, — он вздернул большой палец, — это никакой свободы воли не обеспечивает. Ровно наоборот. С помощью имплантатов и электронной кредитной системы земное правительство порабощает население гораздо эффективней любого режима в истории человечества.

— Не старайся сменить тему...

— Я и не стараюсь. Просто пойми, что делает встроенный чип. При каждом его использовании — беря напрокат флитер, расплачиваясь за обед, снимая жилье — в сети регистрируется мое имя, фамилия, потраченная сумма денег, отмечается, где, на что, когда она потрачена! — Он сунул большой палец под нос Брунину. — Причем на всей планете это единственное законное платежное средство! Монеты и бумажные деньги объявлены вне закона — запрещено расплачиваться оставшимися настоящими деньгами. Видишь, что это значит?

Изумленный столь страстной тирадой, Брунин запнулся.

— По-моему...

— Это значит, что вся твоя жизнь записана голографической видеокамерой, причем, располагая определенными связями, запись может просмотреть любой, кого она интересует. Это значит, что где-то фиксируется каждый обыденный повседневный шаг. Сведения о том, где и как ты проводишь свободное время и что покупаешь, позволяют сделать заключение о твоих вкусах, сексуальной ориентации, любимой

одежде, любимых напитков, привязанностях и изменах!

Ла Наг опустил руку, откинул голову на мягкий подголовник кресла, закрыл глаза и заметно расслабился. Через какое-то время глубоко вздохнул, не раздвигая веки, купаясь в тускневших лучах заходившего солнца, игравших на острых чертах лица.

Наконец он молвил:

— Если действительно хочешь, открою небольшой балансовый счет на твое имя, как только прибудем на полуостров.

— Не надо, — ответил Брунин, ненавидя себя за покорный бараний ответ. — Куда летим?

Ла Наг открыл глаза.

— Я взял курс на Южный полюс, хотя нам до него не добраться. Нас остановят задолго до Южного полюса.

Флитер нес их через пролив Дрейка, над краешком Антарктического полуострова, вдоль западного побережья моря Уэдделла. Понятия «восток» и «запад» постепенно теряли смысл с приближением к точке, где смысла не имело даже понятие «юг» — со всех сторон был один север. Тьма поглотила их в холодном воздухе над однообразной белой пустыней шельфового ледника Роне. Когда все кругом объяла безликая чернота, Брунин наконец признался в душе, что боится. Сомнительно, что они проживут даже час в этой тьме, на ветру, если флитер вдруг рухнет.

— До чего же дурацкая мысль, — пробормотал он.

— Какая? — по обыкновению невозмутимо переспросил Ла Наг.

— Взять напрокат флитер. Надо было лететь обычным пассажирским рейсом. Вдруг мотор заглохнет?

— Пассажирский рейс не доставит нас в нужное место. Я уже говорил, что должен увидеть новый источник белка собственными глазами, прежде чем поверю.

— Какой белок ты ищешь во льдах? Тут же все вымерзает!

С каждой минутой полет представлялся все более идиотским.

— Не все, уверяю тебя, — возразил Ла Наг, вытянув шею и вглядываясь в небо сквозь пузырчатый смотровой колпак. Потом ткнул пальцем вверх, на пятнадцать градусов влево по борту. — Смотри. Как по-твоему, что это?

Брунин почти сразу увидел. В черном небе неподвижно висели три эллипса, длинных, узких, необычайно ярко светившихся, призрачных.

— На какой высоте, как ты думаешь? — допытывался Ла Наг.

Брунин прищурился. Казалось, очень высоко, почти на самом небе.

— Я бы сказал, на орбитальной.

— Верно. На строго полярной орбите.

— А свет откуда?

— От Солнца.

— Ядро мое! — охнул Брунин.

Теперь ясно, что это такое — зеркала. Солнечные рефлекторы действовали на орбите почти с момента рождения самой идеи орбитальных зеркал. До начала межзвездных полетов их использовал пояс богатых

заснеженных городов для смягчения зимних жестоких метелей. С разработкой климатических технологий способ устарел, большинство зеркал разбилось или было забыто.

— Понятно! Они топят лед, чтобы можно было выращивать хлеб на Южном полюсе?

Ла Наг отрицательно покачал головой:

— Близко, но не точно. Вряд ли подо льдом найдется достаточно плодородной почвы. А если найдется, мне ее не удастся увидеть собственными глазами. Как же...

Контрольный монитор вспыхнул красным, из динамика регулировки движения раздался голос:

— Запретная зона! Запретная зона! Если вы не имеете специального допуска, поворачивайте! Запретная зона! Запретная...

— Повернем? — спросил Брунин.

— Нет.

Ла Наг покрутил какие-то ручки на панели управления.

— Тогда, может, выключим?

Моноotonно повторяющееся в записи предупреждение действовало Брунину на нервы. Уяснив, что регулятор громкости звука не приглушает гнусавый голос, он замахнулся кулаком на динамик. Ла Наг остановил его:

— Динамик нам еще понадобится. Не надо ничего ломать.

Брунин раскинулся в кресле, накапливая нараставшую злость. Заткнув пальцами уши, смотрел, как солнечные зеркала выпячиваются посередине, принимают вместо эллипсоидной круглую форму, с приближением флитера к югу приобретают почти нестерпимую яркость.

Кабину неожиданно залил ослепительный свет, однако не зеркальный. Прямо над ними завис милицейский перехватчик, двигавшийся с такой же скоростью. Голос в динамике наконец умолк, чей-то новый сказал:

— Вы незаконно проникли в запретную зону. Следуйте на юг на одиннадцать километров двести метров, приземлитесь на освещенной площадке рядом с постом охраны. При отклонении от указанного курса я буду вынужден остановить ваш корабль.

Ла Наг выключил запрограммированный автопилот, перейдя на ручное управление.

— Сделаем как приказано.

— Видно, тебя это не удивляет.

— Нисколько. Это единственный способ добраться до плато на Южном полюсе, не будучи сбитым из бластеров в воздухе.

Перехватчик летел над ними всю дорогу до поста охраны, висая над смотровым пузырем даже после посадки.

— Высаживайтесь и идите на пост, — велел голос в динамике.

Ла Наг с Брунином без всяких возражений открыли герметичный пузырь, неловко спрыгнули на землю и помчались как сумасшедшие на ледяном ветру к дверям. Через минуту их догнал охранник, молодой, представительный и одинокий. По мнению Брунина, шансы были на их стороне, однако у Ла Нага явно имелись другие идеи.

В кабине сторожевого катера было гораздо просторней. Брунин вытянул ноги и задремал.

— Не спи! — встряхнул его Ла Наг. — Мне надо, чтоб ты тоже все видел.

Брунин с трудом выпрямился в кресле, испепелив взглядом толивианца. Он устал, раздражался сильнее обычного, вообще не любил, чтобы кто-то к нему приставал по какому бы ни было поводу. Впрочем, раздражение быстро утихло при воспоминании, с какой ловкостью Ла Наг разобрался с патрульным.

— Всех землян так легко подкупить? — спросил он.

Ла Наг улыбнулся — невесело.

— Ничего удивительного. Я ему сунул две упаковки монет, толивианских агов, в каждом из которых содержится одна тройская унция чистого серебра девятьсот девяносто девятой пробы. Этими серебряными монетами он сможет расплачиваться, минуя электронную денежную систему. Официальный обменный курс составляет примерно шесть солнечных кредиток за аг, а на черном рынке монета в десять раз дороже. Причем, уверяю тебя, по масштабам и разнообразию с земным черным рынком ничто не сравнится.

Брунин помнил, как патрульный тарашил глаза на серебряные монеты, чуть не облизываясь от предвкушения. Похоже, даже не слышал Ла Нага, который растолковывал, чего просит взамен.

— На черном рынке товары дороже, — заметил он. — Зачем туда ходить?

— Конечно, дороже. Потому что там есть что продать. Смотри: на Земле все цены и зарплаты фиксированы, все товары нормированы. То, что выбрасывается на рынок по официальным ценам, мигом уходит, как правило, в руки родных и друзей тех, у кого имеются политические связи. Родные и друзья сбывают добычу барышникам с черного рынка, а те уже — простым людям. Цена вырастает на каждом этапе.

— И я говорю то же самое...

— Нет. Ты сути не понял. В государственном магазине трехмерный монитор для домашнего компьютера стоит «икс» солнечных кредиток. Это фиксированная продажная цена, но в государственном магазине подобного монитора днем с огнем не найдешь. А у барышника с черного рынка их полным-полно, только он просит за каждый «икс, помноженный на два». В успристской экономике есть аксиома: чем жестче контролируется экономика, тем черный рынок крупней и богаче. Земная экономика полностью управляется сверху, поэтому нет такой вещи, которую нельзя купить на земном черном рынке. Он самый большой и богатый! Кроме того, на здешнем черном рынке никто за тобой не следит. Можешь приобрести все, что хочешь, причем ни одна душа не узнает что, где и когда. Естественно, патрульного было легко подкупить! Ему ничего не стоило нас пропустить, а смотри, что он получил взамен...

Патрульный с ними не полетел. Не счел нужным. Обыскал на предмет оружия, видеокамер, не нашел ни того ни другого, посадил их в катер, запрограммировал бортовой компьютер на низкий маршрутный полет. Гости из внешних миров медленно без остановок облетят интересующий их район. Любой, кто проследит за флитером, ничего необычного не заподозрит — рутинный дозорный полет. Возможность, что катер с чужаками на борту остановят, практически нулевая. Ничуть не рискуя, патрульный набил себе полный карман серебром.

Солнечные зеркала теперь выглядели почти идеально круглыми и невыносимо яркими на ночном небе. Ла Наг ткнул пальцем в легкое свечение на горизонте:

— Вон... Наверно, оно!

Свечение усиливалось, ширилось влево и вправо, пока весь горизонт перед ними не окрасился

мягкой желтой дымкой. Они вдруг оказались над ней, в ней, нырнув в пушистые облака светового тумана. А когда туман рассеялся, увидели далеко внизу огромное зеленое поле. За ним стояла стена чистого льда, образуя с обеих сторон гигантские ледяные арки.

— Клянусь Ядром! — тихо охнул Брунин. — Долина прямо во льду вырезана!

Ла Наг возбужденно кивнул:

— Да! Большой круг диаметром тридцать километров, если верны мои сведения — а информаторы никогда еще меня не подводили. Хотя настоящий сюрприз внизу.

Брунин внимательно присматривался, пока катер медленно снижался ко дну долины. Тонкая дымка, накрывавшая сверху гигантскую рукотворную выемку на плато Южного полюса, рассеивала свет солнечных зеркал, равномерно распространяя его в воздухе. Действуя как прозрачный экран, туман задерживал максимальную долю теплового излучения. Долина была колоссальной теплицей. Глядя вниз, Брунин увидел, что казавшийся сплошным зеленый ковер на дне в действительности представляет собой густую рощицу из каких-то гигантских однолистных растений. Потом заметил, что у растений есть ноги. И некоторые передвигаются.

— Правда! — изумленно шепнул Ла Наг. — Первые эксперименты начались несколько веков назад, и теперь наконец землянам удалось получить результат!

— Какой? Ходячие растения?

— Нет. Фотосинтетический скот!

Такого скота Брунин никогда в жизни не видел. Сплошь сине-зеленые слепые восьминогие животные постоянно наталкивались и терлись друг о друга. Носов не видно, маленькие рты, похоже, предназначены лишь для питья воды из бесчисленных ручейков, пересекавших на дне долины. Тела в виде длинного, сужающегося на концах цилиндра увенчаны огромной зеленой скошенной назад ромбической лопастью длиной около двух метров. Несметные тысячи лопастей расположены так, что широкая плоскость все время обращена к солнечным зеркалам, улавливая как можно больше света. Похоже на тихую бесконечную регату яхт с зелеными парусами...

— Добро пожаловать в Изумрудный город, — тихо пробормотал Ла Наг.

— Чего?

— Ничего.

Патрульный катер завершал низкий медленный облет долины, пролетев в конце над стадами зеленых телят поменьше, которые содержались в загонах отдельно от основного стада, пока не подрастут, чтоб держаться наравне со взрослыми. Катер легко поднялся, долина скрылась под туманным покрывалом.

— По-моему, вряд ли одна костлявая скотина много народу накормит, — сказал Брунин, когда улеглось изумление от увиденного.

— Ты не поверишь. В официальных докладах сказано, что даже кости съедобны. А таких потайных долин много.

— Где ж тут выгода?

— Скот не надо пасти и кормить! Понял, что отсюда следует? Он не занимает землю, на которой можно выращивать продукты, не съедает зерно, которое могут съесть люди. Ему требуется только вода, солнечный свет и температура воздуха от пятнадцати до двадцати градусов.

— Да ведь он же совсем худосочный!

— Таково обязательное условие фотосинтеза. Для питания хлорофиллом необходимо, чтобы площадь тела значительно превосходила массу. Не забывай, на них практически нет жира — ты ешь то, что видишь. Когда зеленое стадо достигает зрелости, его забивают, смешивают полученный белок с наполнителями и поставляют на рынок, как сорт мяса. Потом клонируется новое стадо, проходя тот же путь.

Брунин кивнул, подтверждая, что понял, однако с лица его не сходило озадаченное выражение.

— Все равно не пойму, почему это держится в строгом секрете. По-моему, Земле надо хвастаться достижением перед всем освоенным космосом.

— Она пока не хочет, чтобы об этом стало известно во внешних мирах. Земля хорошо понимает, что зеленые коровы, которых мы видим внизу, сулят внешним мирам экономическую катастрофу. А чем дольше держать их в неведении на сей счет, тем хуже им придется после полного прекращения импорта зерна.

— Зачем...

— Затем, что Земля никогда не теряет надежды снова прибрать внешние миры под свое крыло.

— Собираешься рассказать об увиденном?

— Нет.

Какое-то время они молча летели в полярной тьме, каждый про себя задумавшись.

— По-моему, — сказал в конце концов Ла Наг, — как только просочатся слухи — не позже чем через несколько стандартных лет, — земляне переведут стада в менее гостеприимные пустынные районы, где они, может быть, будут быстрее расти. Воды, разумеется, больше потребуются из-за высокого испарения. Но именно тогда Земля начнет реально сокращать поставки импортного зерна. Быстро сможет прокормить свои миллиарды.

Вперед показались огни дозорной станции.

— Кстати, — спросил Брунин, — где эти миллиарды? Космопорт забит не был, тут внизу ничего, кроме снега. Помнится, ты мне рассказывал, что на Земле использован каждый сантиметр жилого пространства. А здесь на целом континенте никого нет. Лапшу вешал на уши?

— Побережье континента на Южном полюсе сплошь заселено. Антарктический полуостров битком набит. Только, как я понимаю, в центре запрещено селиться. Жить можно. — Ла Наг бросил взгляд на безликую пустошь, проносившуюся под катером. — С помощью современной технологии можно сделать эти места пригодными для обитания, хотя пришлось бы активно плавить слои льда.

Брунин пожал плечами, умудрившись выразить в этом жесте враждебность:

— Ну и что?

— А то, что расплавленные массы льда приведут к затоплению низких земель, где живут миллионы и миллионы людей. Из-за нескольких тысяч квадратных километров жилого пространства мир лишится огромной площади. Невыгодный обмен. Кроме того, здесь хранится восемьдесят процентов запасов питьевой воды. Поэтому Антарктида остается нетронутой.

Катер замедлил ход, завис над станцией, спустился. Приготовившись выходить, Ла Наг повернулся к Брунину:

— Хочешь видеть миллиарды людей, друг мой? То, что я тебе покажу, превзойдет всякое воображение. Следующая остановка — Восточный мегаполис Северной Америки. Там ты сильно

пожалеешь об одиночестве в той самой каюте, в которой прилетел из внешних миров.

Глава 8

...Скапливаясь, люди перестают быть людьми; толпа — это чудовище. Если ее представить живым существом и вычислить коэффициент интеллекта, надо вывести средний показатель составляющих толпу людей и разделить на их число. Получится, что интеллект толпы из пятидесяти человек несколько ниже, чем у земляного червя.

Теодор Стерджен

— Точно знаешь, куда летишь?

— Абсолютно. А что?

— Я как-то не думал найти в таком месте «третьего по богатству человек а в Солнечной системе».

— Правильно. Мы просто делаем крюк.

Такой давки Брунин никогда даже не представлял. Под слабым оком полуденного солнца люди были везде и повсюду, шли по дорогам, проталкиваясь на запруженные тротуары, только когда по проезжей части осмеливался проползти самый мощный наземный автомобиль. Упитанных не видно, на самих улицах безукоризненно чисто в соответствии с этикой голодания, согласно которой все подлежит вторичной переработке. В воздухе стоял гул, густой запах — ощутимые признаки спрессованного в тугой комочек человечества. Даже за высокими, быстро и дешево возведенными квартирными стенами из пористого бетона, каньонами обрамлявшими улицу, явственно чувствовались невидимые миллионы.

— Мне чего-то не нравится, — сообщил он Ла Нагу.

— Я тебя предупреждал.

— Да я не про то. Чую что-то нехорошее.

— Просто толпа. Не обращай внимания.

— Что-то *не так!* — крикнул Брунин, схватив Ла Нага за рукав и дернув к себе.

Тот внимательно, пытливо взглянул на него:

— Что именно?

— Не могу объяснить. — Брунин в испуганном отчаянии вытер потные ладони. Подмышки вспотели, во рту пересохло, шея окостенела так, что натянулась кожа. — Скоро что-то случится. Толпа что-нибудь выкинет.

Ла Наг вновь окинул его долгим взглядом и резко кивнул:

— Хорошо. По опыту знаю — не следует игнорировать инстинкты бывшего уличного мальчишки. Сейчас быстро управимся и уберемся отсюда. — Он посмотрел на диск указателя координат у себя на ладони и махнул направо: — Сюда.

Вернувшийся на окончность южноамериканского континента флитер сел в кейптаунском космопорту. Оттуда стратосферный лайнер стрелой помчал их на север к космопорту Бозиоркингтона в дальнем конце Лонг-Айленда, носившего прежде название Хамптон. Дальше триста километров на другом флитере к северо-западу до жалкого ручейка, по-прежнему именовавшегося рекой Делавэр, над непрерывной бесконечной сетью забитых битком улиц с ущельями многоквартирных домов до самого

неба. С виду все так тщательно спланировано, так хорошо продумано и исполнено... Почему же Брунину казалось, будто они спускаются в первый круг Ада, когда флитер садился на крышу муниципального гаража?

В космопорту Ла Наг приобрел указатель координат, пользовавшийся огромным спросом у туристов и у желающих отыскать свои корни. Последним модным увлечением на Земле были поиски точного места, где когда-то жил чей-нибудь родственник, родилась или скончалась какая-нибудь знаменитость, произошло какое-нибудь историческое событие. С помощью голограммы или сенсорно-когнитивной кнопки можно отдать дань почтения, оживить исторический момент.

— Так куда мы теперь, если не к твоему богачу? — нетерпеливо допытывался Брунин.

Атмосфера стала такой напряженной, что дышать было трудно.

Ла Наг не отрывал глаз от указателя.

— В докосмические времена в этих местах жил мой предок по имени Гарни. В своем роде мятежник, первый в истории нашей семьи. Подпольный торговец жирами. Из чистого упрямства и задиристости не признавал родное правительство — а тогда было много правительств, не одно земное, как *нынче*. — Он улыбнулся каким-то своим мыслям. — Тот еще был типчик.

Немного прошли пешком дальше на север. Там вроде бы было меньше людей, но напряжение не ослабевало. Ла Наг, кажется, не замечал ничего.

— Вот и пришли! — объявил он, и вместо улыбки на его лице появилась негодующая гримаса при виде все тех же однообразных фасадов с битком набитыми людьми квартирками, которые так угнетали их после выхода из муниципального гаража.

— Ладно. Нашел, и отваливаем. — Брунин тревожно оглянулся вокруг.

— Некогда здесь была прекрасная сельская местность, — задумчиво сказал Ла Наг, — с деревьями, живой дикой природой, с дождями, туманами. А теперь посмотри-ка: сплошной синтестон. Согласно моему указателю, универмаг Гарни стоял прямо посреди этой улицы. Весь район был национальной зоной отдыха, заповедником под названием «Делавэрское ущелье». Как же...

Он прервался, услышав какой-то звук, издаваемый человеком, человеческими голосами, на которые накладывалось столько других голосов, что нельзя было разобрать ни единого слова. Источник определить невозможно... Голоса как бы шли отовсюду, невидимо их обволакивая. Однако эмоциональная окраска безошибочно злобная.

Люди кругом начали разбегаться, подхватывая детей на улицах. За ними плотно смыкались раздвижные двери многоквартирных домов. Ла Наг бросился к закрывавшемуся магазину по левую руку, но не успел — дверь заперлась и не пожелала открыться, несмотря на отчаянный стук. На глазах у Брунина фасадная стена магазина растаяла, быстро превратившись в ровную плоскость, слившуюся с синтестоновыми стенами соседних домов. Теперь Ла Наг словно бился в прочную стену.

— Что творится? — завопил Брунин, слыша неуклонно усиливающиеся голоса, быстро приближавшиеся неизвестно откуда, кажется с севера.

— Голодный бунт! — крикнул Ла Наг, возвращаясь к нему. — Видно, крупный. Надо уносить ноги. — Он вытащил из кармана жилетки справочник величиной с игральную карту, набрал код. — Гараж чересчур далеко, хотя рядом, по-моему, квартал успристов. — На плоском мониторе вспыхнула запрошенная информация. — Точно! Бегом успеем.

— Почему туда?

— Потому что никто больше нам не поможет.

И они побежали на юг, останавливаясь на каждом перекрестке, где Ла Наг сверялся с указателем. Переполненные минуту назад магазины исчезли, замаскированные голографическим изображением сплошных синтестоновых стен, прячась от приближавшейся толпы. Их обнаружил бы только мятежник, досконально знакомый с кварталом.

— Догоняют! — пропыхтел Брунин, когда они снова остановились для уточнения координат.

Он почти двадцать лет прожил на Троне, мышцы за это время привыкли к тяготению приблизительно на пять процентов ниже земного. Разница не играла роли, пока он сидел, дремал, прохаживался. А когда пришлось бежать, сильно чувствовалась.

Ла Наг, весивший на Земле примерно на семь килограммов меньше, чем на Толиве, бежал с легкостью.

— Уже близко... Осталось всего...

Тут из-за угла у них за спиной выкатилась толпа, с ревом устремляясь вперед. Несчастный пустой наземный автомобиль тормознул у тротуара, мятежная масса набросилась, разнесла его в клочья. Оторванные куски металла превратились в орудие, с помощью которого бунтовщики били витрины, обнаруженные под голографическим камуфляжем. Витрины были крепкие, эластичные, антиударные. Чтоб ворваться в магазины, надо было сначала расколотить их вдребезги.

Ла Наг с Брунином зачарованно застыли на месте, во все глаза глядя на горстку мятежников, атаковавших синтестоновую с виду стену — импровизированные тараны и колья проваливались в пустоту, будто перед ними вообще никакой стены не было. Что фактически соответствовало действительности. С внезапным воплем первые ряды прорвались сквозь воображаемую стену и исчезли из вида. Наверно, сразу нашли голограммный проектор, так как камуфляж испарился, и толпа радостно навалилась на стену, которая вновь превратилась в фасад. Изнутри вдоль по улице полетели товары, растоптанные под одобрителный рев.

— Там не еда! — заметил Брунин. — Кажется, ты говорил про голодный бунт.

— Просто общепринятое выражение. Ради еды уже никто не бунтует. Бунтуют просто так. Согласно теории, толпа иногда подвергается временному помешательству.

Мятежники вновь покатались вперед — слепо, жадно, быстро, убийственно.

Брунин вдруг понял, что больше ничего не боится, чувствуя вместо страха непривычное возбуждение.

— Пошли с ними!

Воющая кровожадная ярость подстегивала. Ему тоже хотелось сквозь что-то пробиться. Обычно после этого самочувствие улучшается.

— Они тебя в клочки разорвут! — воскликнул Ла Наг, оттаскивая его от толпы.

— Нет! Пойду с ними!

— Дурак, ты ж пришелец из внешних миров! Они сразу поймут. А когда тебя схватят, никто не поможет. Бежим!

И они побежали. Конкретно за ними толпа не гналась, просто двигалась следом. Бунт одной улицей не ограничился. На перекрестках Ла Наг с Брунином видели добавочные толпы слева и справа. Начинались поджоги, дым густел в воздухе.

— Скорей! — крикнул Ла Наг. — Если окружат, нам крышка!

Лишнее замечание. Брунин летел изо всех сил. Мышцы возмущенно вопили, из перенапряженных легких шел дым. Ла Наг замедлял бег, держась с ним наравне, подгонял его криками. Брунина злила легкость, с которой несся тощий толивианец. Дойди дело до последней крайности, бросил бы его толпе, которая находилась в каких-нибудь сотнях метров, и взял бы ноги в руки.

— Уже рядом! — предупредил Ла Наг. — Не спеши теперь. — Он глянул на указатель у себя в руке. — Давай прямо!..

Сначала Брунин не заметил ничего особенного, а потом разглядел, что улица за вторым перекрестком другого цвета... желтая... на ней люди... дети играют. На углах выстроились мужчины. И женщины. Те и другие вооружены до зубов.

Успристы стояли небольшими мирными кучками, со спокойным любопытством глядя на двух бегущих представителей внешних миров. Не считая дальнобойных бластеров на плечах и ручных на бедрах, они с виду ничем не отличались от остальных землян, встреченных после приземления. Ожились, когда точно поняли, что Ла Наг с Брунином рвутся к желтому тротуару.

На них сразу нацелился десяток бластеров. Брунин посмотрел на детей, бросивших игры. Некоторые постарше тоже вытащили маленькие ручные бластеры. Ла Наг махнул рукой, веля спутнику переходить на шаг, потом вышел вперед, вытянул перед собой руки и вне поля зрения Брунина, кажется, начал сигнальть стоявшим на правом углу успристам. Те переглянулись и опустили оружие. Один вышел навстречу, они быстро переговорили, коротко кивнули друг другу, и Ла Наг повернулся к Брунину:

— Скорей! Нам предоставляют убежище.

Брунин быстро шмыгнул за ним на желтый тротуар.

— Где спрячемся? — еле слышно спросил он, тяжело пыхтя.

— Нигде. Просто встанем вон там, у стены, и отдышимся.

— Останемся на улице?

Ла Наг кивнул:

— Иначе пришлось попросить бы, чтобы нас впустили к кому-нибудь в дом. Это слишком.

Толпа надвигалась неуклонно, неудержимо, выплескиваясь из узкой улочки на перекресток. Успристы сомкнулись, сдернули с плеч, вытащили из кобуры оружие, в спокойной готовности глядя на стремительную человеческую волну.

Хотя Ла Наг, стоя рядом, вроде бы не тревожился, Брунин никак не мог успокоиться. Прижался спиной к стенке, уперся ладонями, задыхаясь, готовясь при необходимости рвануть вперед. Точно знал: скоро придется. Толпа приближается, несколько взрослых и ребятишек с бластерами ее не остановят. Она намерена прорваться на желтый тротуар и уничтожить все на своем пути.

Выяснилось, что Брунин был прав только наполовину. Толпа не остановилась, но и не хлынула на улицу успристов. Она раскололась. Вылившись на перекресток, половина бунтующих повернула направо, половина налево. Ни одна нога не ступила на желтый тротуар.

Дэн Брунин только глаза таращил.

— Я же сказал, что мы в безопасности, — самодовольно напомнил Ла Наг.

— Но почему? Огневой силы на улице не хватило бы, чтоб даже припугнуть толпу, а тем более остановить!

Ла Наг оглянулся на окружающие дома:

— Ну, не думаю.

Брунин проследил за его взглядом. На крышах, в каждом окне на каждом этаже стояли успристы с оружием. Вновь посмотрев на толпу, которая по-прежнему выливалась и расплескивалась в конце улицы, он не видел ни малейшего признака сомнений или колебания бунтарей, огибавших желтый тротуар. Видимо, неприкосновенность квартала считалась сама собой разумеющейся. Почему?..

— Долгие годы гибло множество бунтовщиков, — ответил Ла Наг на невысказанный вопрос, — прежде чем люди вспомнили так называемое «чувство общности», давно позабытое на Земле и во внешних мирах. Мы, успристы, отличаемся от других своим образом жизни и принципами, составляя тесно связанную семью... У нас есть даже тайная система жестов, по которым мы узнаем друг друга. С помощью такого жеста я попросил убежища. — Он указал на толпу, которая наконец начинала редеть. — Нам не хочется общаться с людьми, которые наших принципов не разделяют, поэтому мы собираемся вместе в подобных кварталах или на таких планетах, как Толива и Флинт. Но это добровольная изоляция. Стены наших гетто возводятся изнутри.

— Разве Криминальное управление разрешает...

— Здесь никто не спрашивает разрешения Криминального управления. Девиз Восточной секты успристов гласит: «Оружие в обеих руках, свобода со всех сторон». Они охраняют и патрулируют улицы, не одно столетие предупреждая, что в обиду своих не дадут. Публичные беспорядки вроде тех, что нас нынче чуть не раздавили, в их кварталах не допускаются. Давно было сказано: в своем обществе делайте что хотите, но, вторгшись в наше, рискуете смертью.

Брунин наконец отдышался, оторвался от стены.

— Иными словами, они защищаются, совершая убийство.

— Это называется самообороной. Их оставляют в покое и по другим причинам. Тебя, к примеру, не удивляет, что ни один патруль Криминального управления не прилетел для подавления бунта? На Земле пока еще слишком много народу. Пара-тройка бунтовщиков убита — меньше голодных ртов надо кормить. Что в полной мере относится к глупым бунтовщикам, осмелившимся вторгнуться в подобный квартал. Преступников среди самих успристов карает свое правосудие, быстрее и часто гораздо жестче, чем тюрьмы Криминального управления. И наконец, с чисто прагматической точки зрения, помни — наши люди растут, обучаясь сражаться любым способом, любым известным оружием. — Ла Наг мрачно усмехнулся. — Не хочешь пойти и попробовать кого-нибудь арестовать?

— Прямо какая-то банда флинтеров, — проворчал Брунин, оглядываясь вокруг и вновь чувствуя ту же тревогу, которая на него накатила в Имперском парке на Троне.

— Действительно! — рассмеялся Ла Наг. — Просто они не сбежали на Флинт. В конце концов, флинтеры на самом деле пуристы Восточной секты в церемониальных одеждах, прибравшие к рукам целиком всю планету. А толивианцы — успристы Западной секты на собственной планете.

— Где живут на Земле эти типы из Западной секты?

Улыбка погасла.

— Почти все погибли. Мы... они... сторонились насилия... и поэтому были проглочены... уничтожены. Толива остается чуть ли не единственным местом, где жива Западная секта успристов. — Ла Наг повернулся. — Пошли.

Кратко переговорив на углу с небольшой кучкой взрослых — видимо, поблагодарив за помощь, — он направился к опустевшей улице, жестом поманив за собой Брунина.

— Вперед. Пора встретиться с богачом.

Поднявшись на три километра в затянутое тучами небо, они на полной скорости мчались к юго-востоку. Мегаполис Бозиоркингтон остался позади вместе с тесными поселениями на побережье и несметными флотами плавучих домов. Теперь внизу ничего не было, кроме супа из зеленых водорослей, который по-прежнему именовался Атлантическим океаном.

— Он на яхте живет?

Ла Наг отрицательно помотал головой.

— Тогда куда летим? — допытывался Брунин, переводя взгляд с карты на видеоэкране на высококучевые облака, которые флитер пронзал, как игла бусинку. — Тут ничего нету, одна вода. А до другого берега сроду не долететь.

Ла Наг взглянул на приборы.

— Смотри вперед.

Брунин глянул вниз на океан.

— Нет, — поправил Ла Наг, — вперед смотри. *Прямо* вперед.

Прямо спереди только туч и. Нет... еще что-то... Флитер вырвался на открытое место, и прямо перед глазами, о чем твердил Ла Наг, возник просторный тюдоровский особняк с идеальным газоном, затейливо, на манер лабиринта, обсаженным английским кустарником, подстриженным до двухметровой высоты. Композиция парила в небе на высоте трех километров.

— Ах, — тихо вздохнул Ла Наг рядом с Брунином. — Вот и скромная хижина Эрика Бедекера.

Глава 9

Конкуренция — грех.

Джон Д. Рокфеллер-старший

Дом Эрика Бедекера стоял в углублении на продолговатом диске в шесть акров, по краям которого располагались батареи противовоздушных орудий. Широкая публика считала воздушные усадьбы глупыми игрушками бесстыдных богачей, лишенными всякой практической ценности. Широкая публика, как всегда, ошибалась.

— Похоже на крепость, — заметил Брунин на подлете.

— Так и есть.

Представители высших слоев наивысшего земного класса давно стали привычной мишенью организованных преступных картелей, политических террористов и просто голодных людей. Сезон охоты на богачей был объявлен открытым, их с пугающей частотой принялись отлавливать, требуя за освобождение выкуп. Конечно, электронная платежная система ограничивала возможность денежного выкупа, поэтому баловней судьбы держали в плену и обменивали на имевшие спрос на черном рынке товары, золото, серебро, говядину.

Гигантские небесные острова на низкой высоте давно служили местом отдыха с гарантированно хорошей погодой в любое время года, не подверженным ни штормам, ни зимним морозам. Получая заявки от богачей, некая предприимчивая компания начала конструировать острова поменьше для их новых жилых домов, обеспечивая беспрецедентную безопасность. Приблизиться к острову можно только по воздуху, защитить его от нападения очень легко.

Были, конечно, и неудобства — в первую очередь удаленность от населенных мест, то есть вообще от любого клочка земли на планете. Острова удерживали в воздухе мощнейшие антигравитационные поля, а никто не знал, как продолжительное воздействие такого поля отражается на человеческой физиологии. Добровольцев для проверки не нашлось. Поэтому все воздушные острова висели над открытым морем.

Перед флитером Ла Нага внезапно вспыхнуло голографическое предупреждение. Строгие крупные буквы приказывали не приближаться под угрозой расстрела в небе. Для пассажиров флитера освобождена частота, если они пожелают представиться. Ла Наг вышел на указанную частоту и сказал:

— Меня зовут Питер Ла Наг. Мне хотелось бы лично встретиться с Эриком Бедекером по вопросу, представляющему взаимный интерес.

Видеоответа не последовало, с пустого экрана кратко прозвучал мужской голос:

— Одну минуту.

После недолгой паузы голос снова сказал:

— В аудиенции отказано.

— Передайте, я привез известие с Флинта! — поспешно добавил Ла Наг, пока не прервалась связь, и кисло взглянул на Брунина. — Отказано в аудиенции! Не будь наше свидание жизненно важным, я бы...

На крыше низенькой постройки слева от главного корпуса замигал ярко-красный свет. Вновь заговорил мужской голос, на сей раз сопровождаемый изображением молодого человека, слегка озадаченного, если верить выражению его лица.

— Можете совершить посадку на красный маяк. Не выходите из флитера до прибытия

сопровождения.

Они праздно бродили по огромному залу копии тюдоровского особняка в ожидании Бедекера. После тщательного сканирования в целях обнаружения любого спрятанного предмета, способного служить оружием, их впустили сюда, где им предстояла счастливая встреча с великим человеком.

— Не сильно он спешит с тобой встретиться, — заметил Брунин, разглядывая роспись позолоченного потолка, роскошные стенные панели, действующий, но не разожженный камин — никто на Земле не сжигает уже настоящее дерево.

— На самом деле сильно, — равнодушно ответил Ла Наг. — Только изо всех сил старается этого не показывать.

Он прошелся по залу, скрестив на груди руки, рассматривая собрание картин, главным образом изображавших сатиров и нимф.

— Ты, наверно, считаешь Бедекера героем? — сказал Брунин, стараясь уловить реакцию Ла Нага и не видя ничего ожидаемого.

Ла Наг дернул головой и злобно стиснул губы еще крепче, чем раньше.

— Чего ты добиваешься? Хочешь меня оскорбить? Если...

— Даже я слышал об Эрике Бедекере, — перебил Брунин. — Единолично управляет всей горнорудной промышленностью на астероидах Солнечной системы. Богатый, могущественный, крупный предприниматель... как раз то, что нравится толивианцам!

— Ах, вот что, — быстро остыл Ла Наг, даже не потрудившись ответить.

Брунин решил его еще немножечко завести.

— Разве он не конечный продукт того, к чему вы изо всех сил стремитесь, — свободной торговли, свободной экономики, отмены всяких запретов и ограничений? Не идеальный капиталист? Не идеальный толивианец?

Ла Наг вздохнул и заговорил с расстановкой, как бы объясняя очевидное слабоумному ученику. Брунин разозлился, но слушал.

— Эрик Бедекер никогда в жизни не выходил на свободный рынок. С помощью взяток, вымогательства и насилия пробил определенные законы, которые наделили его и принадлежащие ему компании особыми возможностями и правами в области добычи полезных ископаемых. Заставил земное правительство раздавить почти всех независимых старателей, фактически принудив их продавать руду только через компанию Бедекера. На свободном рынке ничего подобного не выйдет. Он побеждал своих рыночных конкурентов не с помощью новых решений и методов — друзья в правительственных ведомствах нашли способы выкинуть их из дела. Он испоганил все, что дорого толивианцам! Это не капиталист, а экономический роялист! — Ла Наг прервался, чтобы перевести дух, потом улыбнулся. — Впрочем, есть на Земле один закон, который даже ему никакими хитроумными путями не удалось обойти: один ребенок на одного человека.

— По-моему, его легче всего обойти.

— Нет. Из этого закона нет исключений. Он касается каждого и применяется к каждому. Он абсолютен и непререкаем, насколько себя помнит любой живущий. Разрешить одному завести лишнего ребенка — независимо от обстоятельств, — и как только об этом прослышат, мигом рухнет вся тщательно выстроенная, строжайше соблюдаемая программа контроля над численностью населения.

— Да у него ведь двое детей, правда? Зачем ему еще один?

— Первенцем был сын, очередной Эрик, от второй жены. При разводе они боролись за опеку над ребенком. Бедекер дернул за ниточки, не дав жене ни малейшего шанса оставить у себя сына, хотя по земным законам он по праву принадлежал ей, выносившей его в утробе. В приступе отчаяния она отравилась и отравила ребенка.

Женившись в третий раз, он вторично стал отцом — девочка по имени Лайза была зачата в пробирке во избежание потенциальных юридических проблем в случае расторжения третьего брака, которое со временем и последовало. Дочка должна была стать гордостью всей его жизни, он заботливо готовил ее к роли императрицы своей горнорудной империи...

— Девчонку? — удивленно переспросил Брунин. — Отдать в руки девчонки управление промышленными предприятиями Бедекера?

— Жизнь заставила первопроходцев внешних миров навязать женщинам роль домохозяйки-наседки, от которой они не скоро откажутся. На Земле совсем другое дело. Так или иначе, Лайза встретила и полюбила мужчину по имени Фрей Кирович, и они решили отправиться во внешние миры. Только прибыв на Нику в целости и сохранности, она известила об этом отца, послав ко всем чертям предприятия Бедекера. Эрик старался вернуть ее всеми возможными способами. Пошел бы, наверно, и на похищение, если б Лайза случайно не погибла во время выступления против имперского гарнизона на Нике.

— Помню! — вставил Брунин. — Почти два года назад...

— Точно. Это была дочь Эрика Бедекера. Теперь у него нет наследников. С момента бегства Лайзы он пытался добиться для себя исключения из закона «один ребенок на одного человека», но даже за свои деньги не смог его купить. И не мог улететь во внешние миры, чтоб родить там ребенка, который считался бы их гражданином, не имеющим права на частную собственность в Солнечной системе. У него осталась единственная возможность спасти свою честь.

— Какая же, позвольте спросить? — сказал Эрик Бедекер, войдя в дальнюю дверь.

— Месть.

Подобно большинству землян, Бедекер был чисто выбрит. Брунин оценил его возраст в шестьдесят-семьдесят стандартных лет, хотя двигался он как совсем молодой человек. Вид и манеры типичные для людей, попадавших им на глаза после прибытия из внешних миров. Отличался он только объемом. Видно, магнат астероидной горнорудной промышленности обладал не меньшим аппетитом к еде, чем к деньгам и власти. Усевшись, занял почти половину старинной банкетки, указав гостям на два кресла перед холодным камином.

— Вы оба не похожи на флинтеров, — заметил он, когда Брунин с Ла Нагом сели напротив.

— Мы не флинтеры, — подтвердил Ла Наг. — Я — толивианец, связанный с представителями Флинта.

— Как я догадываюсь, Флинт передумал насчет моего прошлогоднего предложения.

— Нет.

— Значит, нам говорить больше не о чем.

Бедекер приподнялся с диванчика.

— Разве вы не желаете свергнуть и уничтожить Империю внешних миров? — быстро спросил Ла Наг. — Разве не предлагали жителям Флинта немислимо крупную сумму за помощь в этом деле?

Магнат снова сел, озабоченный и встревоженный.

— Это секретные сведения.

— Флинтеры рассказали о сделанном предложении группе, в которую я вхожу, — объяснил Ла Наг, передернув плечами. — Поэтому я сюда прилетел. Я могу вам помочь, хотя мне не нужны ваши деньги. Хочу только узнать, желаете ли вы стать участником и свидетелем краха Империи?

Бедекер дважды медленно кивнул:

— Желаю. Сильней, чем когда-либо думал. Она меня лишила единственного оставшегося ребенка. Теперь у меня нет наследников, нет возможности продолжить династию и начатое дело.

— И все? Вы задумали свергнуть двухсотлетнюю власть исключительно из-за несчастного случая?

— Да!

— Почему же не думали свергнуть земное правительство после смерти первого сына?

Бедекер прищурился:

— В ней я считаю виновной бывшую жену. Кроме того, земную бюрократию не свергнешь... Чтобы развязать этот узел, нужна планетарная бомба.

— Наверняка есть другие причины. Я должен знать какие, ибо мой план во многом зависит от вас. Вдобавок я рискую своими людьми и собственными средствами...

— Вы не поймете.

— Попробуем.

— У вас есть дети?

— Дочка.

Судя по выражению лица, Бедекер удивился не меньше Брунина.

— Никогда не думал, что у революционеров имеются семьи. Ну ладно... В таком случае вам будет ясно, что значит всю жизнь готовить к предназначенной роли дочь, которая удирает на ферму на самом краю мироздания!

— Дочь — не собственность. Вы от нее отреклись?

— Она не обращала на это внимания! Без конца твердила... — Голос магната прервался.

— Старалась помириться?

Бедекер кивнул:

— Приглашала приехать ее навестить, как только они заведут собственное хозяйство. — Глаза его наполнились слезами. — А я отвечал, что до моего приезда она успеет умереть и лечь в могилу...

— Понятно, — тихо пробормотал Ла Наг.

— Теперь хочу видеть Метепу с его толстой задницей и прогнившей Империей мертвыми и забытыми! Похороненными, как моя Лайза...

Брунин смотрел, слушал и восхищался Ла Нагом, умело свернувшим беседу в нужное ему русло. Он пришел к чрезвычайно могущественному человеку и все-таки полностью контролировал ситуацию.

— Значит, мы это устроим, — с ошеломляющей дерзостью объявил Ла Наг. — Но для успеха мне нужно ваше содействие. То есть, я имею в виду, *полное* содействие. Которое может вам стоить всего состояния.

Бедекер в свою очередь передернул плечами:

— Мне некому что-нибудь оставлять. Когда я умру, родственники накинута на предприятия Бедекера, разорвут их в клочки и уташат остатки домой. Я с большим удовольствием им вообще ничего не оставляю. Пусть предприятия Бедекера послужат мне памятником. Долго еще будут жить после моей смерти. Ну что же...

— Предлагаю сделать вашим памятником рухнувшую Империю. Нравится?

— Может быть. — Бедекер пристально посмотрел на Ла Нага. — Только, прежде чем отдавать свои деньги, мне хочется услышать гораздо, *гораздо* больше громогласных обещаний.

— Мне не нужны ваши деньги, ни единой солнечной кредитки. Вам просто надо будет перераспределить активы, которые навсегда останутся вашими.

— Любопытно. Как именно перераспределить?

— Охотно объясню в конфиденциальной беседе, — ответил Ла Наг, бросив взгляд на Брунина. — Не хочу тебя обидеть, но ты пока еще не имеешь допуска к подобной информации.

— То есть ты мне не доверяешь? — Брунин сорвался с места.

— И так можно сказать, — согласился Ла Наг с равнодушием, доводившим до бешенства.

Брунин с трудом сдержал желание вцепиться в тощую шею толивианца и придушить, пока глаза не вылезут из орбит. Однако сумел повернуться и выйти.

— Дорогу сам найду.

Впрочем, ничего искать не потребовалось. За дверью большого зала ждала вооруженная охранница, показала, где выход, оставила его одного, хоть он знал, что за ним все время наблюдают из окон.

Снаружи было холодно, ветрено, ясно, но тяжело дышалось разреженным воздухом. Все равно, назад нельзя возвращаться. Надо подумать, а думать окутанным злобным туманом непросто.

Шагая по самому краю сетчатой ограды по периметру, Брунин поглядывал вверх и вниз на облака вокруг воздушного острова. Внизу в просветах то и дело мелькал океан. Вдали на западе, куда двигалось солнце, виднелось темное пятно — должно быть, земля, где люди вроде него живут в такой тесноте и давке, что периодически переживают позывы к насилию, краткие взрывы безумия, после чего опять ведут себя нормально. Брунин их понимал. Отлично понимал.

Он оглянулся на особняк и площадку, стараясь вообразить невообразимое богатство, олицетворяемое воздушной усадьбой. Ненавидел богачей за то, что у них всего больше, чем у него. Посмотрел в сторону мегаполиса, который совсем недавно угрожал лишить его жизни, и сообразил, что равно ненавидит и бедняков... Потому что терпеть не может неудачников, всегда испытывая желание вытащить их из нищеты.

А больше всех ненавидит Ла Нага. Обязательно убьет самодовольного выскочку на обратном пути. Лишь один из них вернется во внешние миры живым. Как только совершится первый прыжок в подпространстве...

Нет. Ла Нага поджидает флинтеры. Не хочется объяснять им смерть толивианца от его руки.

Остыв, Брунин убедился, что не верит Ла Нагу. Если, как тот утверждает, грядущий экономический крах Толиве и Флинту ничем не грозит, для чего им ввязываться в революцию? Почему попросту не сидеть у себя, ни во что, по обыкновению, не вмешиваясь, пока дела идут своим чередом?

Было ощущение, что Ла Наг его хитро куда-то подталкивает. Так хитро, что он не имеет понятия, в какую сторону... хотя чувствует, как тот его направляет. Если толивианец все держит под полным

контролем, зачем тратит столько времени на Брунина? Что ему готовит?

— Мистер Ла Наг ждет вас у флитера на взлетной площадке.

Брунин вздрогнул, услышав за спиной голос. Это была та же самая женщина, которая провожала его из дома.

— В чем дело? — спросила она.

Он ее проигнорировал и зашагал к площадке.

— Обратно полетишь один на «Пентоне и Блейке», — объявил Ла Наг.

Брунин вмиг преисполнился подозрений.

— А ты?

— А я на «Адзеле» лечу на Толиву. Надо сделать там одно дело, прежде чем возвращаться на Трон.

Они сидели у обзорной стены на промежуточной станции Бернардо де ла Пас, глядя на проплывавший под ними земной шар. Ла Наг забрал свое дерево из карантина и теперь держал его на коленях.

— Что мне до тех пор делать?

— С тобой свяжутся вскоре после прилета.

— Флинтеры?

Ла Наг улыбнулся испугу Брунина, но без насмешливой гримасы. Он вообще казался спокойным, уверенным, чуть ли не дружелюбным. Словно перспектива возвращения в родной мир превратила его в другого человека.

— Флинтеры на Троне составляют лишь малую часть моей армии. И на глаза никому стараются не попадаться. — Он придвинулся и тихо спросил: — Слышал когда-нибудь про Робин Гуда?

— Он в Примусе живет?

Ла Наг тихо, добродушно рассмеялся:

— В определенном смысле — да! Думаю, вы станете близкими друзьями. И если все пойдет хорошо, люди вас примут за одну и ту же личность.

— Это еще что значит?

Новый, легкомысленный и веселый Ла Наг озадачил Брунина. С ним трудней иметь дело, чем со скрытным суровым всеведущим мудрецом-заговорщиком, с которым он непрерывно общался после отъезда с Трона. Какой из них настоящий?

— Всеу свое время. — Ла Наг поднялся на ноги. — Мой корабль отправляется раньше, чем твой. Счастливого пути. Увидимся на Троне.

Брунин смотрел вслед удалявшемуся толивианцу с чертовым кустом под мышкой. Ла Наг явно собирается его использовать. Ну и ладно. Охотно будем какое-то время подыгрывать в ожидании своего шанса. Пусть живет, пока приносит пользу. В подходящий момент Брунин выйдет вперед и опять возьмет верх. А потом разберется с ним раз навсегда.

Часть вторая

АНАРХИСТ

ГОД РОСТКА

Глава 10

Мир мало знает и думает о бурях, через которые тебе придется пройти. Его интересует одно — сумеешь ли ты привести в порт корабль в целости и сохранности.

Джозеф Конрад

Первое бурное лихорадочное объятие утолило отчаянную взаимную жажду коснуться знакомого тела, но было столь кратким, что уже стало смутным воспоминанием. При втором — вдумчивом — радостно узнавались привычные движения и реакции. Третье — искреннее любовное приветствие в родном доме — окончательно удовлетворило и лишило сил.

— Как долго тебя не было, Питер, — вздохнула Мора.

— Слишком долго.

Они помолчали, обнявшись до потери дыхания.

Потом Питер сказал:

— Ты ничего не спрашиваешь о поездке.

— Знаю. Решила, что обождет.

— Боишься снова поссориться?

Он почувствовал, как она кивнула в темноте рядом с ним.

— Наверняка. Хочется начать новый год рука об руку, а не с оружием.

Он с улыбкой еще крепче стиснул жену.

— Ну что ж, он на пороге, мы тоже. Так и следует начинать новый год.

— Ты уехал в начале года Черепахи. Прошло много времени. В год Малака тебя рядом не было.

— Сейчас я здесь, а остальное утром обсудим. Хватит пока разговоров.

Первой заснула Мора, положив голову ему на плечо. Несмотря на усталость, Питер долго лежал, прислушиваясь к грохоту штормовых волн за стенами. До чего хорошо дома... уютно, надежно. Он понял, что больше не сможет уехать. Пусть отныне другие заботятся о положении дел на Троне. С него хватит. В первый день нового года и во все последующие он останется здесь, в доме в дюнах. На том размышления оборвались.

Приняв решение, он погрузился в сон.

Сначала явилась женщина. Шмыгнула в открытую дверь спальни, подобралась к кровати с двумя

большими мешками в руках. Пристально всмотрелась в лицо, убедилась, что это действительно он, и с маниакально вспыхнувшими глазами вывалила на него содержимое. Ядовитым снегом посыпались тысячи оранжево-белых имперских марок. Женщина глянула через плечо, что-то беззвучно крикнула, и в дверь сразу хлынул бесконечный поток незнакомых людей с ненавидящим взглядом, со свертками и тюками, откуда сыпались и сыпались марки. Ла Наг только вертел головой. Мора исчезла. Он остался один перед молчавшей толпой убийц, которая множилась, с головой засыпая его деньгами. Уже нечем дышать... вот сейчас он умрет, умрет, погребенный под имперскими марками...

Проснувшись, он рывком сел в постели, обливаясь потом. Опять то же самое. Этот сон его преследует во всем освоенном космосе. Все! Завтра объявит членам Совета, пусть ищут кого-то другого для совершения революции.

— Давай, пап! Скорее!

Дети... думал Питер, взбираясь по серовато-зеленой дюне следом за семилетней дочкой. Уедешь на полтора года, вернешься и не узнаешь — так выросли. В первый день чуточку тебя стесняются, а назавтра ведут себя так, будто не уезжал никогда.

— Иду, Лайна.

Девочка с развевавшимися на крепком ветру светлыми волосами, худенькая, гладкая, стройненькая, красивая, стояла на гребне дюны, глядя на море. Он смотрел на нее стиснув зубы, с комом в горле. Дочь растет без отца. Питер Ла Наг взбирался на вершину дюны, не смея остановиться.

Наверху на него налетел порыв ветра. Погода нисколько не облегчала тяжелого настроения. В подобные серые дни свинцовое небо тонет в свинцовом море, белые облака напоминают клубы пара, заволакивающие железнодорожный узел... Через два шага откроется берег: Лайна не преувеличивала.

— Папа, это правда малак?

— Похоже на то, — пробормотал Питер, вглядываясь в гигантскую тупоголовую массу рыбьей плоти, неподвижную и безжизненную на песке рядом с верхней отметкой прилива. — Я в последний раз видел такого приблизительно в твоём возрасте. Как минимум тридцать метров длиной! Подойдем поближе, посмотрим.

Лайна вскочила, собираясь сбежать вниз по дюне, Питер ее подхватил и забросил на плечи. Голые ножки оседлали шею. Она любила ездить на нем верхом — по крайней мере, до отъезда, — а он хотел, должен был чувствовать прикосновение дочки.

Морской ветер забивал уши, глаза туманила соль.

Они подошли к рыбе.

— Полосатый малак, отряд левиафанов, — подтвердил Питер и принялся. — Почти протух. До истребления эти животные напоминали земных гладких китов. Только киты не рыба, а наш малак — настоящая рыба.

Лайна почти потеряла дар речи в благоговейном ужасе перед гигантской рыбой.

— Какой большой! Почему же он умер?

— Может быть, умер в море от старости, и его прибило к берегу, хотя я не вижу, чтобы над ним стервятники хорошо поработали. Или сбился с пути во время вчерашнего шторма и выбросился на землю. Я где-то читал, что у выброшенного на берег малака внутренности превращаются в кашу, раздавленные собственным весом.

— Наверно, ел много рыбы, раз такой вырос.

— На самом деле малак вообще не ест рыбу. — Он подвел ее ближе к щелястому рту, прорезавшему голову. Приближаясь, они вспугнули собравшихся попить на останках киндаров, которые закружились в воздухе, раскинув во всю ширь крылья. — Видишь большие костяные пластины с щетинками вдоль верхней челюсти? На гребешок похоже. Это сито. Малаки на плаву процеживают через него морскую воду и съедают крошечных животных, застрявших в щетинках. Этих животных, собравшихся вместе, называют планктоном.

Он опустил Лайну на песок, чтобы она посмотрела как следует, но девочка быстро вернулась — из пещерной пасти мертвой рыбы слишком несло тухлятиной.

— Что такое планктон? — спросила она, снова стоя с ним рядом. — Никогда раньше не слышала.

— Давай поднимемся на дюну, где не так скверно пахнет, и я тебе все расскажу.

Взявшись за руки, они побрели по синим влажным упругим зернистым песчинкам к месту рядом с водой, куда все-таки не доносилась трупная вонь, и минуту глядели в молчании на круживших с криками киндаров.

— Еще интересуешься планктоном?

Получив в ответ кивок, Питер медленно, почти задумчиво заговорил, подбирая выражения, понятные детскому разуму, однако стараясь, чтоб Лайна немножечко шевелила мозгами.

— Планктон — главный продукт питания в море. Составляют его миллиарды крошечных живых организмов. Среди них есть животные, есть растения, только все они очень и очень маленькие. В открытом море собираются в гигантские стада, причем одни просто кочуют, а другие крошечной ручкой вроде кнута, которую именуют «ресничкой», направляют их в ту или другую сторону. Вот так они живут, умирают, служат пищей практически для всего океана — и больше ничего. Может быть, думают, будто сами точно знают, куда плывут, даже не понимая, что гигантскую массу планктона постоянно гонят ветра и течения. Планктон глотают огромные малаки, не видя, что проглотили, а планктон понятия не имеет, что съеден, пока с ним раз навсегда не покончено.

— Бедный планктон! — сочувственно воскликнула Лайна.

— Нет, по-моему, он на свой лад счастлив. Пока малаки вырывают из его рядов огромные куски, подчиняется старым хлыстам-«ресничкам» и наслаждается жизнью. Даже если попробуешь объяснить, что его без конца пожирают малаки и другие морские животные, он тебе не поверит.

— Откуда ты столько знаешь о планктоне?

— Наблюдал за ним очень внимательно, — ответил Ла Наг, припоминая Землю.

Лайна взглянула на длинные щетинки на челюсти малака.

— Хорошо, что я не планктон.

— Если это от меня зависит, — сказал Питер, заботливо обняв дочь, — никогда им не станешь. — Он встал, бросив последний взгляд на безжизненного левиафана. — Приятно знать, что малаки тоже умирают. Пойдем. Мама наверняка суп успела сварить, а остывший суп нам совсем ни к чему.

Повернувшись спиной к океану, они двинулись по синей дюне к дому, обмениваясь короткими фразами сквозь порывистый ветер, несшийся назад к берегу, где киндары издавали крики, от которых пошло их название, и выклевывали устремленные в землю, открытые и навеки ослепшие глаза малака.

— Уезжаешь? — сказала Мора, сидя с Питером в Роще Предков под деревом его прапрадеда.

Он не сообщил ей о принятом на рассвете решении остаться и был теперь этому рад. Дневной свет быстро высветил массу изъянов в мыслях, казавшихся в темноте столь простыми и верными. Придется вернуться. Иного пути нет.

— Я должен.

Он набрался силы для этого заявления, прислонившись к дереву — гораздо более крупному варианту Пьеро. В день смерти прапрадеда между корнями выкопали могилу, похоронив там останки без гроба. За год дерево впитало и усвоило питательные вещества из разложившегося тела, высоко выросло на уникальном органическом удобрении. Созревшие к следующей весне семена берегли до появления на свет в семействе Ла Нагов очередного ребенка. В день рождения Питера посадили два семени — одно в Роще Предков, другое в глиняном горшке. Второму деревцу суждено было остаться маленьким, а мальчику расти.

Известное под названием толивианской мимозы, оно обладало уникальной способностью подражать человеку. Саженец — мисё, — постоянно находясь рядом с взрослевшим ребенком, настраивался на него, чутко улавливая реакцию и настроение мальчика или девочки. Детей старательно обучали подрезке ветвей и корней, необходимой для ограничения роста деревца. На Толиве было принято растить детей с мисё, хотя общего распространения этот обычай не получил. Семья Мора считала его довольно глупым, поэтому у нее никогда не было своего деревца, а теперь его уже не заведешь, ибо для этого обязательно надо вместе расти. Она не понимала, какие узы, не поддающиеся словесному описанию, связывают ее мужа с Пьеро, не понимала, почему Лайна все крепче привязывается к собственному мисё, но знала, что от этого они оба богаче, а она без этого беднее.

Питер посмотрел на жену в полуденном свете. Ничуть не изменилась. Блестящие волосы цвета темной глины впитали и излучают теперь золотистый свет толивианского солнца. Простое платье-«рубашка» не скрывает зрелых форм женской фигуры. Она вроде спокойно сидит рядом с ним, хотя это наверняка только видимость.

— Перчатки готовы? — спросил он, поспешно заводя разговор.

— Сотня пар. Давно уж готовы. — Мора упорно отводила взгляд.

— А монеты?

— Спешно чеканятся. Ты же знаешь.

Питер молча кивнул, разумеется зная. Видел поступавшие домой сообщения. Мора отвечала за выпуск монет. Собственно, это она придумала звезду, вписанную в греческую омегу — символ ома, единицы сопротивления.

Можно еще отказаться, — коротко бросила она, повернувшись к нему.

— Нельзя. Тебе захотелось бы жить со мной, если б я отказался?

— Конечно!

— По-моему, я стал бы плохим спутником жизни.

— Наплевать! Ты меня хорошо понимаешь. Вообще затея с революцией — колоссальная ошибка. Нам надо было просто спокойно сидеть на своем месте, пока все само собой не развалится. Мы никому ничего не должны. Они сами пожар устроили — пусть горят!

Не одна Мора придерживается подобного мнения; многим толивианцам не нравится идея революции.

— Мы ведь тоже сгорим, как тебе превосходно известно. Обсуждали это как минимум тысячу раз. Когда рухнет имперская экономика, которая уже движется к краху, начнутся поиски способов укрепить марку. Для этого у банкрота есть лишь две возможности — либо найти новый обширный рынок, либо раздобыть огромное количество золота и серебра, превращая его в полноценные деньги. Всем известно, что на Толиве крупнейшие в освоенном космосе запасы драгоценных металлов. На нас навалятся не с просьбами, а с требованиями, пустят в ход всю силу имперской охраны, осуществят любую угрозу, на какую осмелятся.

— С таким союзником, как Флинт, с ними можно бороться, — горячо возразила Мора. — Со временем Империя сама рухнет. Надо только держаться от нее подальше...

— А потом? После падения Империи вперед выйдет Земля, завладеет внешними мирами без единого выстрела. В неизбежном хаосе лицемерно объявит, будто печется об общем благе. Только на будущее на сей раз позаботится лишить свободы любой внешний мир. Больше не допустит никакой самостоятельности таких планет, как Толива и Флинт. Когда будут исчерпаны наши ресурсы, потраченные на изматывающую войну с Империей, мы полностью лишимся возможности противостоять направленным против нас могучим земным силам. Революция *должна* совершиться сейчас, иначе Лайне не суждено жить на свободной Толиве.

— Почему ты так уверен, что Земля нас захватит? — спросила Мора, возобновляя давние споры. — Хочешь освободить внешние миры от Империи, чтобы они шли своей дорогой... Есть у тебя на это право? Имеешь ли ты право предоставлять народам свободу? Ты отлично знаешь, что многим ее не вовсе не требуется. Масса людей боится ее до смерти. Им *нравится*, чтобы над ними кто-нибудь постоянно стоял, утирал нос в горестные минуты, шлепал по попке за нарушение правил.

— Они все получают. У них будет возможность замкнуться в отдельных анклавах, установив ту власть, какой им хочется. Это меня ничуть не волнует. Только не причисляй к ним меня, мою семью, мою планету и прочих, считающих, что так жить нельзя! Мы имеем полное право обеспечить надежное будущее своей планете, где люди будут существовать спокойно, сохраняя дорогие для нас идеи и принципы!

Несмотря на невыносимую боль, Мора все-таки соглашалась с мужем, исповедуя ту же самую веру, дорожа теми же принципами. С полными слез глазами беспомощно стукнула кулаками по корням дерева:

— Почему именно ты? Пусть кто-нибудь другой едет! Не обязательно *ты*...

Питер обнял ее, притянул к себе, коснулся губами уха, страстно желая сказать то, что она хотела услышать, но не имея никакой возможности.

— Только я. Устав, Фонд подстрекательства — всё задумали и разработали многие поколения моих предков. Именно я должен свергнуть Империю, и мы знаем — когда-нибудь это случится. — Он встал, легко поднял жену на ноги, обнял за плечи. — Провожу тебя домой. Потом отправлюсь к попечителям Фонда.

Мора какое-то время молчала, пока они шли по тихой, испещренной солнцем Роще Предков. А потом сказала:

— Загляни по пути в кооператив к амам. Адрина больна.

Питер вдруг содрогнулся от страха:

— Умирает?

— Нет. Поправляется. Тем не менее возраст... Кто знает?.. Может быть, к твоему возвращению ее уже не станет.

— Первым же делом сегодня заеду.

При каждом визите Ла Наг обязательно удивлялся крошечным размерам кооператива, наверно, потому, что все представления об асимметричном ансамбле приземистых построек, где жили преподаватели философии успризма, получил в детстве. Он назвал себя в домофон во дворе и был сразу же впущен. Все знают, кто он такой, знают, что на планете пробудет недолго. Питер нашел свою аму — воспитательницу и наставницу в философии — в ее собственной комнате. Сидя в низком кресле, она смотрела в окно.

— Добрый день, ама Адрина, — проговорил он с дверного порога.

Она оглянулась на голос, прищурилась:

— Выходите на свет, чтоб я вас разглядела как следует.

Питер повиновался, подошел к окну, присел рядом на корточки. Ама улыбнулась, покачав головой:

— Стало быть, это все-таки ты, наконец. Пришел попрощаться со своей старой амой.

— Нет, поздороваться. По пути к попечителям решил заскочить повидаться. Слышал, что ты болела или что-нибудь вроде того.

— Что-то вроде того, — подтвердила она.

Сильно постарела, хотя почти не изменилась.

Сплошь теперь поседевшие волосы по-прежнему зачесаны на прямой пробор, строго с обеих сторон обрамляя лицо. Лицо сморщилось, подвижные губы запали, тело болезненно исхудало. Только глаза столь же яркие, умные, непоколебимо честные, те самые, что с юности по сегодняшний день вдохновляют его.

В последнее десятилетие Питер редко виделся с амой. Адрина всю жизнь преподавала и разъясняла философию успр, а он перестал всецело полагаться на ее советы. Взял то, что она ему дала, и пустил в дело. Тем не менее то, кем он стал и кем станет, во многом определялось годами, которые он просидел у ее колен. Человечество, внешние миры, Толива и Питер Ла Наг осиротеют, лишившись ее.

— К попечителям? — прищурилась Адрина. — Фонд подстрекательства теперь твоя игрушка, Питер. После запуска механизма, который должен совершить революцию, мысли, слова и действия опекунов не имеют никакого значения. Последнее слово принадлежит тому, кто действует на Троне. Тебе, Питер. Бесчисленные поколения толивианцев не оставляли наследникам ни единого ага, завещая все свое имущество Фонду. Их вера, деньги, плоды всей жизни отправятся с тобой на Трон, Питер Ла Наг.

— Знаю.

Незачем напоминать. Память об этом ежедневно лежит на нем тяжким грузом.

— Я не обману их, Адрина.

— Может быть, под обманом мы с тобой имеем в виду совсем разные вещи. Помнишь цитату из древнего земного писателя Конрада о корабле, который прежде всего надо в целостности и сохранности привести в порт? Значит, знаешь, что он имел в виду не Толиву. Наш мир думает и помнит о штормах, через которые тебе придется пройти. Нас интересует не только успех твоей миссии. Мы спросим, как ты добился успеха. Мы спросим, какие нравственные запреты ты вынужден был преступить, и не примем ответ — «никаких».

— Ты хорошо меня выучила. Сама знаешь.

— Я одно только знаю, — провозгласила старуха со звеневшей в голосе лихорадочной верой, — чтобы

революция приобрела какое-то реальное значение, она должна следовать принципам успр. Без всякого кровопролития и насилия, кроме самозащиты; *без всякого* принуждения! Мы должны провести ее по-своему, только по-своему! Иначе предадим тех, кто веками боролся и тяжело трудился. Прежде всего — успр. Забудь о ней, стараясь победить врага, и сам станешь врагом... хуже прежнего, который просто не знал, что способен на лучшее.

— Знаю, Адрина. Я слишком хорошо это знаю.

— Берегись флинтеров. Все-таки они придерживаются порочной версии успристской философии. Слишком свыклись с насилием, могут перестараться. Присматривай за ними точно так же, как мы за тобой будем присматривать.

Он кивнул, поднялся, поцеловал ее в лоб.

Не слишком приятно знать, что за твоими поступками будут пристально наблюдать. Впрочем, ничего нового — к этому с молодых ногтей привык каждый житель планеты.

А теперь к попечителям.

Три человека следом за своими многочисленными предшественниками были выборными хранителями Фонда, который создали предки Ла Нага вскоре после образования колонии. На Толиве не существовало достойной упоминания власти, и задача борьбы против тоталитаризма возлагалась на отдельных людей, которых должен был поддерживать этот самый Фонд подстрекательства. Во время его создания никто даже не думал ни о какой Империи внешних миров, имея в виду только Землю. И до недавнего времени деятельность попечителей — по решению, принятому голосованием вкладчиков, — сводилась к чисто бухгалтерской. Теперь ситуация переменялась. Отныне они держат в руках финансовые ниточки революции.

Адринна в свойственной ей открытой и прямолинейной манере, с какой она резала правду-матку лучше любого виброножа, увидела все, что Питер проглядел. Фактически задуманная революция должна совершиться усилиями одного человека. Питеру Ла Нагу предстоит принимать сиюминутные решения и по мере продвижения корректировать курс. Попечители будут на расстоянии в несколько световых лет, а революцию сделает Питер Ла Наг.

Мнение Адрины наверняка сыграло главную роль при его назначении агентом-провокатором — ама знала своего питомца лучше, чем родители собственное дитя. Конечно, из уважения к семье, создавшей Фонд подстрекательства, разрабатывавшей на протяжении многих поколений устав новой организации, которой предстоит возникнуть на революционном пепелище, кандидатура ее представителя — мужского или женского пола — всегда значилась первой в списке, при условии его согласия, способности выполнить задачу и моральной устойчивости. В таком деле открывается масса возможностей для злоупотреблений, начиная с простого злодейства и заканчивая прямым предательством общей цели, поэтому его нельзя поручать человеку по одному признаку происхождения.

Видимо, Питер Ла Наг отвечал всем критериям. И согласился. Работал садовником-декоратором, когда руки заняты, а голова подолгу свободно размышляет. Зная, что скоро его призовут, он выдумывал мириады способов нанести удары в слабые места Империи. Складывавшиеся обстоятельства, инцидент на Нике, предложение, которое Бедекер сделал флинтерам, сузили горизонты, приведя его к окольной стратегии, которая должна поразить Империю в самое сердце. На стадии планирования все было ясно, просто и восхитительно. А когда дошла очередь до неприятных деталей реального и успешного исполнения плана, он не находит в себе ни капли прежнего энтузиазма. Хочется только покончить с этим раз и навсегда.

Трое попечителей уже поджидали Ла Нага, приземлившегося возле двухэтажной постройки, одиноко

стоявшей на огромной северо-западной равнине второго по величине континента Толивы. Строители окрестили ее «Центром подстрекательства». Именно сюда, к этим людям явились флинтеры с известием о предложении, с которым обратился к ним Эрик Бедекер в обмен на свержение Империи. После чего жизнь Питера Ла Нага радикально переменилась.

Обменявшись приветствиями, налив рюмки, уселись на открытой площадке. Старший попечитель Уотерс заговорил о деле:

— Все мы прослушали твой отчет и признали убийство убийцы оправданным и неизбежным.

— Будь другой способ, я бы его испробовал. Но если бы мы немедленно не вмешались, он убил бы Метепу. Вопрос стоял так: жизнь за жизнь.

— Как насчет соглашения с Бедекером? Он действительно ставит на тебя все свое состояние?

— Почти ничем не рискует, — кивнул Ла Наг. — Просто превратит товарный капитал в денежный, который при нем и останется.

— В случае твоего успеха он погибнет, — заметил самый эрудированный попечитель по фамилии Коннорс. — И наверняка это знает. Никогда не достиг бы нынешнего положения, идя на подобный риск!

— Ему наплевать на свое положение. Он мечтал построить монолитную финансовую империю для собственной семьи. Потерял детей, а земное правительство не позволит начать все сначала. Мой план дает ему возможность с помощью своей империи уничтожить другую, ту самую, которая уничтожила последнюю надежду на осуществление его мечты. Он согласен.

— Значит, решено! — заключил Уотерс. — Все готово...

— По-моему, да.

— А как насчет того самого Брунина, о котором ты упоминал? — спросил Силвера, самый молодой из троих, в прошлом, до избрания попечителем, выдающийся архитектор. — Он меня беспокоит.

— Меня тоже, — признался Питер. — Впрочем, думаю — надеюсь, — что сильно его озадачил, сбив на какое-то время с толку.

— Похоже, он опасен, — вставил Коннорс. — И склонен к насилию.

— Темная лошадка. Опасен и непредсказуем. Только без его связей я не смогу совершить революцию в нужное время. Он мне не нравится, я ему не доверяю, но без его помощи не будет революции.

Трое попечителей молча обдумывали заявление. Один Коннорс продолжал допытываться:

— Пятилетний срок установлен так строго? Нельзя два-три года добавить и за это время поставить на ключевые позиции наших людей?

— Ни в коем случае! — Питер энергично затряс головой. — Экономическое положение само по себе стремительно ухудшается. Если отложить удар на семь, даже на шесть лет, то, скорей всего, нечего уже будет спасать. Даже если оставить в покое Империю, она, по нашим оценкам, через двадцать лет придет в такое состояние, что Земля без всякого труда займет ее место. Нам необходимо быстро ее обрушить и быстро возродить, прежде чем Земля успеет сделать шаг. Этого можно добиться за пять лет. Через семь вряд ли удастся опередить землян. — Он поднял правую руку, расставив пять пальцев. — Пять лет, не больше. Причем осталось всего четыре.

— Разве нельзя привлечь группу Брунина без него самого? — не унимался Коннорс.

— Можно, но рискованно. Нас могут заподозрить в сговоре с Империей. После чего мы вообще никакой помощи не получим. У Брунина имеются ценные контакты почти в каждой торговой гильдии, в

имперском центре связи, в самом Министерстве финансов. Приплюсуем к тому же видеорепортера, профессора из Университета внешних миров, которые, может быть, пригодятся. Они лишь частично связаны с группой Брунина, далеко не всегда одобряют его методы, однако не имеют другой возможности выразить свой протест. Без Брунина мне на них не выйти.

— Понятно, выбирать не приходится, — сокрушенно вздохнул Коннорс. — Только я чую что-то нехорошее и беспокоюсь.

— Не вы один.

Несмотря на усиленные старания, слезы неудержимо катились из глаз. Мора отворачивалась от ровной сплошной ограды космопорта с терпеливо ожидавшим за ней космическим челноком.

— Не хочу, чтобы ты улетал, — пробормотала она, прильнув к груди мужа. — Знаю, что-то случится.

— Империя рухнет, — объявил Питер со всей уверенностью, на какую был способен. — Вот что случится.

— Нет. С тобой случится что-то ужасное. Я предчувствую. Пусть кто-нибудь другой полетит...

— Невозможно.

— Возможно! — Она подняла голову, взглянув ему прямо в глаза. — Ты выполнил свой долг — перевыполнил*. Основы заложены. Отныне конец Империи — вопрос времени. Пусть другие доводят дело до конца!

Питер мрачно покачал головой. Больше всего на свете ему хотелось остаться на этом самом месте. Решительно невозможно.

— Это мое дело, Мора. Мой план. Я должен претворить его в жизнь. Сам обязан там быть.

— Наверняка есть другой человек, которому ты доверяешь! — Слезы высохли от нараставшего гнева. — Неужели ты думаешь, будто один способен совершить революцию? И не вздумай меня уверять!

— Я должен точно знать, что происходит! Не могу сидеть на расстоянии нескольких световых лет, доверив работу кому-то другому. Она слишком тонкая. На кону целиком стоит будущее, все, ради чего мы трудились. Я не могу бросить дело. Хочу, но не могу!

— А нас с Лайной бросаешь? Это значительно легче?

— Мора, перестань, пожалуйста! Это несправедливо...

— Разумеется, несправедливо. А чтобы дочь тебя не видела много лет, справедливо? Или, может быть, вообще никогда не увидела... Она так переживает очередную разлуку, что даже не поехала провожать тебя в космопорт! Что касается моего мужа... — Она вырвалась из объятий.

— Мора!

— Пожалуй, Лайна правильно сделала. — Мора отстранилась еще дальше. — Наверно, нам обоим лучше сидеть дома, отпустив тебя на волю. Так или иначе, мы теперь отошли в твоей жизни на второе место...

Она вскочила и пошла прочь.

— Мора! — крикнул Питер сорвавшимся голосом.

Бросился за ней, пробежал два шага и остановился. Сейчас ее не успокоишь, не уговоришь. Они оба упрямы, живут в страстных спорах и страстной любви. Он знает по долгому опыту, что пройдет не один

час, прежде чем с ней можно будет нормально разговаривать, а часов на Толиве у него уже не осталось. Его ждет непростой межзвездный путь с пересадками, в который надо отправляться немедленно. Задержка отсрочит прибытие на Трон на целый стандартный месяц.

Он смотрел вслед жене, пока та не завернула за угол в коридоре, надеясь, что она хоть раз оглянется. Не оглянулась.

Питер Ла Наг нырнул в посадочный туннель, который должен забросить его в поджидавший челнок. Ни общение с Дэном Брунином, ни надзор за флинтерами, ни совершение революции, успех которой кардинально изменит историю человечества, хотя еще зависит от слишком многих неопределенностей, — ничто не тревожило его так, как ссора с неуступчивым, вспыльчивым, порой несносным созданием по имени Мора. Иногда она катастрофически отравляет жизнь, в то же время придавая ей смысл и ценность. Ничего не поймешь.

Немножечко полегчало, когда он заметил ее на площадке башни, откуда она смотрела на готовый к взлету челнок, наверняка крепко, до боли, стиснув перила. Полегчало, но не развязало болезненный тугой узел в груди, не облегчило тяжесть свинцового кома в желудке.

Не следовало позволять себе заезжать к Море и Лайне. Чтобы эффективно действовать на Троне, надо полностью отгородиться сплошной стеной от семейной жизни. Пока челнок поднимался к звездам, Питер отвел жене роль Фортунато, а сам принялся разыгрывать Монтрезора^[7], закладывая камни.

Очень больно.

Глава 11

Свободный человек никогда не спрашивает, что страна для него может сделать и что он для страны может сделать.

Мим тон Фридман

Это был просто очередной склад на окраине Примус-Сити, ничем не отличавшийся от десятков других вокруг. Вывеска на фасадной стене «Импортная компания Ангуса Блэка» ничего не говорила прохожим ни о компании, ни о содержимом склада. Может, стоят коробки с видеотехникой, или висят на вешалках полуфабрикаты одежды, готовые к автоматической подгонке по фигуре покупателя, или хранятся деликатесные морепродукты с таких планет, как Френдли и Джелк... Самый обычный склад. Что и требовалось Ла Нагу.

ТОМ II		НОМЕР 2
ХРЕСТОМАТИЯ РОБИН ГУДА		
<i>Хорошая новость</i>		
За прошедший стандартный год заработная плата выросла на целых пять процентов (5%). Почти все жители внешних миров получают больше денег.		
<i>Плохая новость</i>		
В прошлом году инфляция достигла целых восьми процентов (8%). Вычтем отсюда пять процентов (5%), на которые в среднем повысилась зарплата, и останемся с небольшим дефицитом. Иными словами, несмотря на увеличение жалования, ваша покупательная способность теперь на три процента (3%) ниже, чем в прошлом году. Извините.		
<i>Еще хуже</i>		
Поскольку шкала прогрессивного налогообложения не корректируется в связи с инфляцией, жители внешних миров неуклонно перемещаются в разряд лиц с высоким доходом, обязанных платить высокие налоги.		
Прочитавшие вышенаписанное увидят, что повышение доходов вовсе не означает повышения покупательной способности. Когда придет пора уплаты налогов, ваша покупательная способность станет еще меньше, поскольку вам придется отдать имперской налоговой службе еще больше с трудом заработанных марок.		
<i>Экономический прогноз погоды</i>		
ИНДЕКС ЦЕН (принимая за базовый (100) 115-й год существования Империи, когда имперская марка стала законным платежным средством)	160,2	
ДЕНЕЖНАЯ МАССА (МЗ)		996,7
УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ		7,9%
	Имперские марки	Солнечные кредитки
ЗОЛОТО (тройская унция)	244,3	130,5
Серебро (тройская унция)	11,2	6,0
Хлеб (буханка в 1 кг)	0,69	1,80

Нынешним вечером совершается первый шаг, Империи наносится первый удар, впервые начинается настоящее подстрекательство. Присутствуют все главные действующие лица вместе с немногочисленными наблюдателями, явившимися посмотреть, как пойдет дело, и пожелать удачи. В широком пустом складском помещении повсюду виднеются незнакомые месяца три назад лица. Вернувшись с Толивы, Ла Нагу пришлось познакомиться с ними поближе, завоевать доверие, самому им поверить. Теперь, когда он вошел с коробкой под мышкой, они — сначала поодиночке, потом парами, потом всей гурьбой — потянулись к нему.

Первый — Закария Брофи, профессор экономики из Университета внешних миров, очень высокий

костлявый жилистый шестидесятилетний мужчина, — сунул прямо в лицо Питеру узловатый кулак.

— Либо берете меня с собой, либо сейчас нос расквашу!

Ла Наг рассмеялся:

— Прошу прощения, док, не нашлось у нас голографического костюма ваших размеров. Даже если б нашлось, боюсь, кое-кто из бывших студентов все равно вас узнал бы.

— Эх-х! — с преувеличенным отчаянием вздохнул профессор, разжал кулак, положил руку на худое плечо собеседника. — Вы сразу предупреждали, что не все пойдут. Видно, правда.

Ла Наг к нему искренне привязался, очарованный искренностью, образованностью, умом. И док Зак, как его издавна называли студенты, тепло к нему относился. В Ла Наге ему нравилось многое, чего он искал и не находил в Брунине. Профессор не скрывал своей радости, когда место последнего занял толивианец.

— Может, займетесь листовками? — предложил Питер. — Мы выбились из графика, печатая сегодня визитные карточки. Набросайте следующий номер хрестоматии Робин Гуда, пока мы в свои игры играем.

— Вполне справедливо. В любом случае приобщусь к Вольным стрелкам. — Профессор стиснул плечо Ла Нага: — Желаю удачи, — и направился к копировальным аппаратам у дальней стены.

Затем ненадолго рядом задержался на выходе Рэдмон Сейерс, писанный красавец с идеальными чертами лица, тщательно ухоженный, вроде кинозвезды. В блестящих черных волосах, гладко прилизанных по последней моде, отражается верхний свет. Взгляд сегодня не такой расчетливый, как обычно, а неподдельно возбужденный.

— Неужели действительно начинаем? — воскликнул он, потирая руки в перчатках.

— По-вашему, все эти приготовления делались для развлечения? — ровным тоном ответил Ла Наг, стараясь не проявлять раздражения.

Он считал Сейерса высокомерным и несимпатичным. Рэдмон вел программу новостей на маленькой независимой тройской видеостанции. Хорошо вел, не хуже любого другого — объективно, уверенно, озабоченно, однако был обречен на сравнительную безвестность, так как почти все население Трона смотрело имперский канал, который давным-давно оккупировал лучшие частоты и передавал самый мощный сигнал. Впрочем, если Ла Наг преуспееет, безвестность Сейерса очень скоро кончится.

— Нет, конечно, — пожал он плечами. — Все равно очень трудно поверить, что я нынче не просто рассказываю о событиях, а и сам в них участвую. Для разнообразия замечательно. Просто прекрасно.

— Выездная бригада готова?

Репортер кивнул:

— Мы постоянно просматриваем и прослушиваем официальный канал. Как только придет сообщение о налете, я вышлю бригаду к началу дождя.

— Хорошо. Только точно рассчитайте время.

Звучали добрые пожелания взволнованным напряженным мужчинам, собравшимся вокруг большого закрытого грузового флитера, стоявшего посреди склада. Специалисты-компьютерщики, техники-связисты, флинтеры, крутые уличные парни, тянулись к человеку, который позволил им нынче проявить себя, сделать нечто полезное. Один Брунин, подозрительно равнодушный, держался поодаль.

— Ну ладно, — сказал через какое-то время Ла Наг. — Уже совсем стемнело, пора отправляться. Первым делом наденьте вот это.

Он открыл коробку, которую держал под мышкой, и принялся раздавать тончайшие прозрачные перчатки.

— Зачем? — спросил кто-то.

— Перчатки послужат двум целям. Во-первых, никто за собой не оставит опознавательных следов эпидермы. Если имперские следователи найдут хоть одну клетку кожи при завтрашнем осмотре угнанных кораблей — будьте уверены, они их осмострят самым что ни на есть тщательным образом, — в руках у них окажется генотип, который они сопоставят с каждым зарегистрированным образцом. Чей-нибудь генотип обязательно зарегистрирован при поступлении на ответственную работу. Как только вашу клетку идентифицируют, считайте себя пойманным. Во-вторых, перчатки необходимы из-за маленьких завитушек на ладонях и пальцах. Они изготовлены из микропористого материала, который пропускает пот и кожную смазку, оставляя прекрасные четкие отпечатки.

Ла Наг махнул рукой, успокаивая сразу возникший возмущенный гул:

— Не беспокойтесь. Отпечатки принадлежат моему прапрадеду. Он верил в грядущую революцию и хотел в ней участвовать. Поэтому перед смертью просил, чтобы кто-нибудь эти перчатки надел, приступив к действиям, и он мог бы сказать, что тоже приложил руку к свержению Империи.

Полтора десятка мужчин с облегчением посмеялись, быстро, с готовностью погрузились в флитер. Один Ла Наг не испытывал облегчения. Ладони вспотели, боль стреляла от шеи в затылок... Первое открытое выступление должно пройти удачно. Он старательно скрывал опасения, делая вид, будто полностью контролирует ситуацию, демонстрируя уверенность, компетентность, чего сам в себе вовсе не чувствовал.

Флитер вел Йозеф — после высадки Вольных стрелков корабль приведет обратно другой пилот. Флитер выскользнул в ночь через широко открывшиеся двери склада. До городской черты летел медленно, низко, потом поднялся на тридцать метров, где можно набрать скорость, не натываясь на кроны деревьев.

— Проекторы у всех в порядке? — спросил Ла Наг, как только флитер разогнался до крейсерской скорости. Сбившиеся в кучку посреди грузового отсека мужчины утвердительно забормотали. — Хорошо. Давайте проверим.

Голографические костюмы представляли собой затейливое изобретение, предназначенное для людей с богатой фантазией, любителей выступать в разнообразных ролях. Наибольшей популярностью пользовались сексуальные модели, которые пришлось соответственно переделать. Стандартный образец включал в себя шесть деталей — две ленты на запястьях, две ленты на щиколотках, пояс и облегающую шапочку. В активированном состоянии они создавали вокруг носителя голографическую световую завесу, под которой он выглядел кем пожелает — мужчиной, женщиной, чертом, любовником. Конечно, в зависимости от введенной в устройство программы.

Костюмы один за другим оживали, люди исчезали, сменяясь тощими, как голодные волки, разбойниками, одетыми в ярко-зеленые кожаные костюмы, в лихо заломленных на макушках шапочках с перьями. Любому современник принял бы мужчин из головного флитера за инопланетян из другой галактики. Особых поправок не требовалось — только у одного члена команды не сработала шапочка, оставив на виду настоящую голову и плечи. Неполадку быстро исправили, приведя его к общему виду.

— Что за дурость!

Успевший выключить свой костюм Брунин мрачно стоял у стены напротив Ла Нага, скалясь сквозь бороду.

— Ничего больше я от тебя и не ждал, — ни секунды не медля, ответил Ла Наг. — Может быть,

объяснишься? Еще есть время послушать.

Брунин вразвалку направился к остальным. Хотя фактически командовал толивианец, он до сих пор считал себя непризнанным лидером, выступал в прежней роли крутого безжалостного непреклонного революционера. Раньше удавалось неплохо, почему же сейчас не удастся?

— Мы тут в маскарадных костюмах в игрушки играем, а летим не на бал-маскарад — на реальное дело. За костюмы призов не дадут, охрана мигом нас обнаружит и, чего доброго, разнесет в клочья из бластеров. Мы должны нанести сильный удар, чтобы все хорошенько запомнили. Пускай знают — мы делаем настоящее дело. Пускай по ночам спят при свете. Пусть всегда помнят — мы рядом, готовы к атаке в любую секунду без всякого предупреждения!

— Значит, по-твоему, надо сбросить костюмы, ударив лоб в лоб? — уточнил Ла Наг, на которого ораторские таланты Брунина не произвели впечатления.

— Конечно!

— На каждом судне, за которыми мы сегодня охотимся, стоит множество видеокамер. Как только ступим на борт первого инкассаторского корабля, имперская охрана получит наши изображения. И мы сразу же превратимся в мишень.

— Зачем ступать на борт? — рявкнул Брунин. — Разнесем их в клочья. Потом камеры могут передавать что угодно!

— Люди на кораблях погибнут.

— Имперские лакеи... Так им и надо — у них выбор был. В этот раз проиграют.

— А твой собственный человек на втором корабле? Его тоже в клочья?

— Разумеется, нет! Своего вытащим, остальных разнесем...

Уверенность Брунина заражала. Он предлагал легкое решение, быструю впечатляющую победу. Однако оставил Ла Нагу лазейку.

— Тебе, безусловно, понятно, что твоему человеку — единственному, кто остался в живых, — придется мгновенно пуститься в бег. Каждый имперский охранник примется искать участника убийства своих товарищей. Такой судьбы ты ему желаешь?

Брунин на секунду задумался и за эту секунду лишился внимания слушателей.

Ла Наг продемонстрировал, что обдумал проблему гораздо внимательней, чем оппонент, прежде всего заботясь о жизни охранников инкассаторских кораблей, а заодно и тех, кто во время налета окажется рядом. Однако на том он не успокоился. Надо безоговорочно перетащить людей на свою сторону. Чтобы при вдруг возникшем вопросе о выборе между Питером Ла Нагом и Дэном Брунином все выбрали первого.

— Костюмы предназначены вовсе не для маскарада, — продолжал он, формально обращаясь к Брунину, но по очереди оглядывая всех сидевших во флитере. — Нас не должны узнать — вот главное условие успеха. Если у нас не будет возможности беспрепятственно передвигаться по Трону, ничего хорошего не выйдет. Вдобавок всегда есть вероятность, что одного из нас — или всех — схватят, после чего дальнейшее будет во многом зависеть от нашего обращения нынче с имперской охраной, а также от нашего к ней отношения в будущем. Запомните это. Значит, оставляя живых очевидцев налета, надо маскироваться. А если уж маскироваться, то почему не сделать красноречивый намек?

Он помолчал, чтобы все усвоили мысль. Наметил логическую дорожку в надежде, что с нее никто не сойдет. Все устали на него. Даже Брунин.

— Я не случайно остановился на образе Робин Гуда, благородного разбойника из старых земных легенд, который якобы грабил богатых и раздавал добро бедным. Эта версия отредактирована и одобрена властями, но каждый читающий между строчек видит в Робин Гуде типичного противника налоговой системы. Он действительно грабил богатых, которые случайно поголовно были сборщиками налогов, служившими королю Джону. Он действительно раздавал добро бедным, однако благодетельствовал исключительно тем, кого обобрали те самые сборщики. Попросту возвращал людям их собственные деньги.

Нынче ночью, — продолжал он, понизив тон до заговорщицкого шепота, — мы вновь разыграем старую историю. Метеп — король Джон, мы с вами — Робин Гуд и Вольные стрелки, которые сейчас ограбят самого богатого: имперское Министерство финансов. К рассвету бедные — то есть народ — получают назад свои деньги. — Питер улыбнулся. — Несомненно, намек будет понят.

Все кругом тоже заулыбались. Он задумался, стоит или не стоит разъяснять остальные причины обращения к Робин Гуду. Пожалуй, не время, не место.

Голос Йозефа перебил размышления и заставил принять окончательное решение:

— Мы над посадочной площадкой. Снижаемся.

На Троне настало время уплаты налогов. В течение двух месяцев законопослушные граждане обязаны подсчитать, сколько они задолжали Империи за прошлый год, вычесть из итога уже удержанные деньги и возместить разницу. Империя называет такую налоговую систему «добровольной». Однако не желающих платить штрафуют или заключают в тюрьму.

Население Трона ютится на единственном крупном клочке земли в четыре тысячи километров от берега до берега, на срединном плато которого стоит Примус-Сити. Жители центральных районов отправляют налоги прямо в столицу. Региональные центры доходов собирают награбленные марки вдоль побережья и посылают в центр, в Управление Министерства финансов, где отбраковываются и заменяются старые денежные знаки. После чего остальные исчезают в ненасытной пасти имперской бюрократии.

В данный момент нагруженный деньгами конвой из трех кораблей шел из регионального центра доходов западного побережья, пролетая над бесплодными землями между морским берегом и центральным плато. Вооруженные до зубов грузовые суда сопровождала имперская охрана. Впрочем, дело было привычное, хорошо отработанное, ибо с самого начала регулярных рейсов никто никогда не пытался угнать инкассаторский флитер.

Эрв Сингх ждал. Если время рассчитано правильно, в цепях с минуты на минуту произойдет замыкание. Он почувствовал легкий толчок, незаметный для того, кто его не ждет. Однако толчок чувствовался, значит, матушка-гравитация покрепче прихватила корабль. Он проследил за падавшими показателями альтиметра, поддал чуточку жару антигравитационному двигателю без всякого толку. Лампы аварийной сигнализации вспыхнули красным. Корабль снижался. Точно по расписанию.

— Второй корабль ведущему, — сказал Сингх в переговорное устройство. — У нас проблемы. Двигатель не слушается. По-моему, перегрузка.

— Второй, включи запасной, — последовал спокойный ответ.

— Есть. — Он привел в действие вспомогательный антигравитационный генератор, но корабль нисколько не набрал высоты. После нескольких попыток снова заговорил: — Прошу прощения, ведущий, мы все тяжелеем. Набрали сорок пять десятых от нормальной массы, идем вниз. Думаю, лучше назад повернуть.

— Назад не добраться, второй, раз вы такими темпами набираете массу. Лучше поищи посадочную площадку и там разберись, в чем дело.

— Слушаюсь. Найти нетрудно. — Эрв Сингх хорошо знал, что нисколько не трудно. Посадочная площадка давно намечена. Будем только надеяться, что внизу все успели укрыться. — Впереди неплохое местечко в полукилометре. Что сканер показывает?

Ответ последовал через несколько бесконечных секунд:

— Ничего, кроме крупных камней и кустов. Никакого движения, никаких существенных источников тепла, никаких, даже мельчайших, форм жизни. Вроде бы безопасно. Садись, а мы сверху прикроем.

— В чем дело? — вынырнул сзади охранник. — Почему снижаемся?

— Генератор сдох. Почти набрали нормальную массу, — объяснил ему Сингх.

— Эй, слушай, хочешь сказать, что не можешь без аварийной посадки долететь до Примуса даже из пригорода? Какой же ты пилот?

Эрв подобающим образом возмутился:

— Хочешь — сам веди. А я с удовольствием деньги покараулю, вместо того чтоб пилотировать ржавое корыто!

— Не беспокойся, Эрв, — ухмыльнулся охранник. — Караулить там все равно нечего. Все глухо у паковано в коробки.

— Тогда иди присматривай, чтоб не распаковались.

Сингх отключил контрольную программу, перешел на ручное управление, мягко посадил второй корабль на лужайке среди кустов с красными листьями, типичными для континентальных тронских земель. Два конвойных корабля осторожно кружили над ним. Открыв из центра управления предохранительные запоры смотровых люков антигравитационного генератора, он вышел из кабины, посветил в оба люка ручным фонариком, поспешно вернулся обратно и объявил в переговорное устройство:

— Слушай, ведущий, я крепко сел.

— Плохо дело?

— Все перегорело.

— Похоже на саботаж?

— Откуда мне знать? Знаю только, что не починю.

Ответа не последовало. Эрв дал собеседнику время на размышление, потом высказал предложение, бросив заранее заготовленную приманку:

— Может, останетесь тут настороже, пока дожидаемся другого корабля из центра? Когда я свой груз переброшу, летите куда пожелаете.

— Нет, — ответил ведущий после краткой паузы. — Слишком долго.

Эрв хорошо представлял себе ход рассуждений ведущего: нынешний рейс должен был совершиться легко и просто. Вылетели пораньше, разгрузились в Примусе в Министерстве финансов, переночевали в городе. Если полночи ждать корабля на замену, прощайте забавы и игры в столице.

— Пожалуй, мы сядем.

— По-твоему, это разумно?

— Это уж мое дело. Кругом чисто. Перенесем твой груз в первый и в третий. Потом направимся в Министерство, а ты жди подмоги.

— Большое спасибо, ведущий.

Эрв старался не выдавать облегчения, зная, что каждое его движение фиксируется. Наживка проглочена.

— Извини, конечно, второй, но с тобой кто-то должен остаться.

Эрв дождался посадки двух инкассаторских флитеров. Строго следуя правилам, приказал одному из трех охранников грузового отсека взять на себя ручное управление контрольной панелью наружных орудий, открыл задний люк корабля, откуда на землю спустился транспортировочный пандус. То же самое было проделано на других флитерах, и вскоре люди начали переносить груз из второго корабля в первый и третий, сбрасывая по наклонной плоскости водонепроницаемые коробки, толкая их по грязи и траве в открытые трюмы.

Сначала мужчины двигались осторожно, опасаясь возможного налета. Со временем, видя, что дело идет, сканеры не обнаруживают поблизости ничего подозрительного, успокоились, принялись переговариваться и подшучивать друг над другом. В разговорах описывались почти суперменские подвиги, которые они совершат ночью в Примусе, шутки касались главным образом Эрва с командой, которые пожалеют о вынужденной посадке.

Вскоре деньги из второго флитера были выгружены, в другой корабль втащили последнюю коробку. Пока его собственная команда сидела в пустом грузовом отсеке, ворча, что ее там позабыли, Эрв стоял в люке, наблюдая, прислушиваясь. Увидел, что остальные рассаживаются по флитерам, услышал, как кто-то на оружейной консоли у него за спиной крикнул:

— Эрв! Там что-то копошится! Живое! Целая куча взялась неизвестно откуда! Прямо на нас бегут!

— Скорей закрываемся! — заорал он в ответ. — Только ни в коем случае не стреляй, чтоб в своих не попасть!

Люк начал задвигаться, но бегущая фигура успела прошмыгнуть мимо и что-то в него бросить. По борту застучали крошечные металлические серебристые шарики. Зная, что будет дальше, Эрв невольно зажал ладонями уши. Впрочем, как ни затыкай, все равно слышен звук, начинавшийся с глухого воя и набравший такую силу, что уже не слышался, а физически чувствовался. Чувствовалось, как он растет, ширится, распирает черепную коробку, которая вот-вот треснет. И действительно треснула.

Температура в куполе из теплоотражающего материала быстро достигла уровня удушливой духоты. Снаружи его грубая неправильная поверхность оставалась холодной, инертной — ни один сканер не уловит тепла, движения, признаков жизни. Внутри — совсем другое дело. Теплу, излучаемому пятнадцатью человеческими телами, некуда деться. Мужчины сидели в темноте неподвижно и молча. Ла Наг наблюдал за поляной в смотровое устройство в стене. Увидел, как второй корабль со своим агентом на борту звучно приземлился в нескольких метрах, пилот вышел, заглянул в смотровые окна, вернулся в кабину.

Вскоре к нему присоединились два других флитера, начался процесс перегрузки. Решено было предоставить тяжелую физическую работу имперским служащим, чтобы у Вольных стрелков осталось больше времени до прибытия подкрепления из Примуса. Когда второй корабль разгрузили, Ла Наг разделил горстку круглых металлических горошин между Каньей и Иозефом.

— Смотрите не уроните, — шепнул он.

Предупреждение было излишним. Готовясь к этому моменту, Ла Наг с двумя флитерами

тренировались на прошлой неделе в коротком спринте, и все трое отлично знали, что звуковые бомбы у них в руках активируются при ударе — один хороший шлепок, и взорвутся.

— Включайте костюмы, — велел он остальным. — Каждый осмотрите соседа справа, надел ли перчатки, полностью ли работает маскировка.

Приведенные в действие голографические костюмы залили внутренность купола слабым светом. Все проверив, Ла Наг раздвинул створку, и огромный «камень» открылся. Сразу же закипела лихорадочная напряженная деятельность. Он сам вместе с флинерами сломя голову бросился в центр треугольника, образованного инкассаторскими кораблями. На руку им играла внезапность нападения и тот факт, что каждый корабль стоял на линии огня двух других. Флитеры были готовы отразить нападение с воздуха и с земли, но не изнутри по периметру. Трое налетчиков побежали к своему заранее назначенному кораблю, швырнули в не успевшие задвинуться люки по горстке звуковых бомб и упали на землю. Никто не сделал ни единого выстрела.

Инкассаторские суда обладали защитой от внешней ультразвуковой атаки, но в тесном внутреннем пространстве тридцатисекундного действия одной-единственной звуковой бомбы было достаточно, чтобы все находившиеся на борту потеряли сознание. Шарики бросали горстями, к минимуму сводя шансы на промах и на взрыв всех бомб при ударе о борт. Вольные стрелки на поляне не пострадали — бомбы не имели направленного действия, а звуковые волны быстро гасли на открытом воздухе. Никому из членов экипажа не удалось выбраться из кораблей, хотя на всякий случай несколько Вольных стрелков стояли с ультразвуковыми ружьями наготове.

Как только выяснилось, что сопротивления не будет, Вольные стрелки разделились на рабочие группы по предварительной договоренности. Одни вытаскивали бесчувственных членов экипажа из первого и третьего флинеров, тащили к второму, укладывали на палубе. Другие волокли из «камня» к грузовым отсекам двух исправных кораблей мешки с маленькими бумажками. Третьи направились в контрольный отсек расстреливать мониторы из бластеров. Ла Наг включил Брунина в третью группу, предоставив возможность хоть что-нибудь уничтожить, пока он совсем не рехнулся. Мимо промелькнул Вольный стрелок с бластером. Узнав по походке Брунина, Ла Наг следом за ним двинулся к третьему флитеру.

Брунин подошел к центральному пульту связи, помахал рукой перед камерой, поднял бластер, разнес панель вдребезги мощным протонным лучом. Последним, что видел связист на другом конце, был мужчина в каком-то дурацком костюме, прижавшийся щекой к ружейному прикладу. Сейчас взвояет сирена тревоги, сюда ринутся флитеры имперской охраны. Хотя выражение лица Брунина не читалось под голографической маской, Ла Наг видел — он страшно доволен, расхаживая по всему кораблю и расстреливая глазки мониторов. И Ла Наг был доволен, что дал ему выпустить пар, но тут один из членов экипажа зашевелился, пытаясь подняться на четвереньки.

— Нет! — воскликнул толивианец, перехватывая руку Брунина, который приставил дуло бластера к голове почти очнувшегося мужчины.

Они не сказали друг другу ни слова, стоя рядом над корчившимся охранником. Брунин не разглядел, кто именно помешал ему выстрелить, хоть в душе точно знал. Конфликт не получил продолжения, ибо чуть не опомнившийся член экипажа вновь внезапно лишился сознания. Ла Наг не выпускал запястье Брунина, пока безжизненное тело не выволокли из корабля.

— Если еще раз увижу что-нибудь подобное, — рявкнул он, — до самого конца революции будешь сидеть под замком на складе в заднем чулане! Я не допущу убийства!

Брунин ответил дрожащим от ярости голосом:

— Если еще раз меня тронешь, убью!

И тут Питер Ла Наг совершил поступок, который потом считал самым храбрым во всей своей жизни, — повернулся к Брунину спиной и пошел прочь.

Уложив всех членов экипажей во второй корабль, закрыли и заперли люки, воткнув прежде в подушку пилотского кресла длинную стрелу со стальным наконечником, на стволе которой было вырезано: «Привет от Робин Гуда!» Затем Вольные стрелки поспешно погрузились в два исправных инкассаторских флитера и поднялись в воздух. Новые пилоты ввели в панель управления кассеты с заранее подготовленными программами полета и уселись, следя за приборами.

Два корабля Министерства финансов пошли разными курсами — один на северо-восток, другой на юго-восток. Маршрутные программы, тщательно, метр за метром разработанные на прошлой неделе, держали флитеры как можно ниже и вели как можно быстрее. Каждый своим путем летел к Примусу. Можно было их обнаружить, засечь, но с трудом и неточно. Кроме того, никто не ожидал, что они направляются в Примус-Сити с крупнейшими на планете полицейскими и милицейскими гарнизонами.

— Ну ладно, — сказал Ла Наг после взлета первого флитера, — приступаем к делу.

Почти все успели выключить голографические костюмы и сразу принялись вскрывать коробки с оранжевыми денежными бумажками, вываливая содержимое на пол грузового отсека. Сплюснутые пустые картонки передавали мужчине, который стоял у бортового люка и выбрасывал их на темневшую внизу траву. На третьем корабле, летевшем к северу, то же самое делали Канья, Йозеф и Брунин.

Полностью ссыпав деньги в огромную кучу посреди отсека, люди отступили назад, разглядывая богатство.

— Как по-вашему, сколько тут? — спросил кто-то с благоговейным страхом, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Около тридцати миллионов марок, — ответил Ла Наг. — И на другом корабле приблизительно столько же. — Он наклонился и поднял один из заранее приготовленных мешков. — Пора добавить визитки.

Мужчины, разобрав другие мешки, высыпали на кучу марок тысячи крошечных белых листочков, сотворив нечто вроде гигантского оранжевого торта с белым мороженым. Потом начали перемешивать кучу ногами, руками, швырять бумажки в воздух горстями, равномерно перемешивая деньги с визитками.

Ла Наг посмотрел на часы:

— Сейерс должен уже подготовиться высылать выездную команду.

Первый сброс запланирован возле видеостудии. Остается надеяться, что репортеру удастся дожждаться.

Прошла вечность, прежде чем флитер набрал высоту, а гудок на панели управления предупредил, что полетная программа подходит к концу. Корабли пересекли границы Примус-Сити, пилоты перешли на ручное управление.

— Открыть грузовой люк, — приказал Ла Наг.

Задняя стенка грузового отсека медленно поднялась. Когда образовалась щель высотой в метр, он велел остановиться. В отсек ворвался, закрутился холодный ветер, все ждали сигнала пилота. Наконец тот крикнул:

— Первая цель под нами!

Сперва нерешительно, потом с нарастающим энтузиазмом люди стали пинками, охапками выбрасывать в щель кучи марок, перемешанных с визитными карточками.

Вскоре хлынул оранжево-белый дождь.

Сперва он решил, что наконец рехнулся. Тоска мало-помалу подточила рассудок — начались галлюцинации.

Почему бы и нет, нерешительно думал Венсан Стаффорд. В конце концов, вот он я, стою в глухой ночи на своем огороде.

В последнее время маленький садик стал важной деталью жизни. Его все реже и реже привлекали к транспортировке зерна, а с последнего рейса попросту выкинули. Две мелкие поставки слили в одну, и младший по чину остался без дела. Грузов становилось меньше, перерывы между транспортировками дольше... Трудно поверить, но так оно и есть.

По крайней мере, появился свой дом. Совершив шесть подряд рейсов, он попросил и получил банковскую ссуду. В результате возник одноэтажный коттедж на синтестоновой плите. Не много, да все же какая-то отправная точка. И собственный дом.

Потом дело совсем замедлилось. Хорошо, жена подрабатывает по вечерам, иначе пришлось бы по-настоящему туго. Сначала ему не хотелось, чтоб Салли бралась за работу, но она сказала, что чем-нибудь надо заняться, пока он летает туда-сюда между звездами. Не желает сидеть одна дома. Ну и посмотрите теперь, кто сидит дома! В полном одиночестве, не успев еще наскоро завести по соседству приятелей. И поэтому так дорожит огородом. Одиночество и тоска в ожидании назначения довели его до попытки вырастить собственными руками кое-какие овощи, тем более при таком повышении цен на продукты. На прошлой неделе посадил семена овощей, клубни, которые только что как раз взошли.

Поэтому и стоит в темноте над своей овощной новорожденной грядкой, как чересчур заботливый отец. Впрочем, садик успокаивает, облегчает гложущее опустошающее предчувствие, которое его преследует, словно тень. Звучит дико, поэтому он об этом помалкивает. И точно так же будет помалкивать о галлюцинации... хотя мог бы поклясться, будто пошел денежный дождь.

Стаффорд оглянулся. При свете, лившемся из окон дома, видно, что весь задний двор усыпан деньгами. Наклонился проверить, а вдруг настоящие... нельзя ли взять в руки... Оказалось, что можно. Настоящие деньги — старые, новые, бумажки в одну, пять, десять марок — сыплются с неба. И еще что-то...

Он подобрал маленький белый листок, упавший вместе с банкнотами.

ВАШИ НАЛОГИ ВОЗВРАЩЕНЫ, КАК И БЫЛО ОБЕЩАНО.

Робин Гуд и Вольные стрелки

Посмотрел в небеса, ничего не увидел. Денежный дождь прекратился. Никогда в жизни не слышал ни о каком Робин Гуде... Или слышал? В какой-нибудь старой легенде? Надо спросить у Салли, когда она вернется домой.

Расхаживая по двору, где собрал, как впоследствии выяснилось, одну тысячу пятьдесят шесть марок, Стаффорд лениво гадал, не краденые ли это деньги. Серьезных финансовых проблем не решат, но лишние наличные, безусловно, кстати, тем более при обустройстве нового дома.

Даже если их никогда не удастся истратить, он поблагодарил Робин Гуда, кем бы он ни был, за неожиданно просветлевшую мрачную ночь.

Глава 12

Жалко больного несчастного политика. Только подумайте: тратить всю жизнь и все силы на изобретение правил, по которым должны жить другие, упорно добиваясь возможности распоряжаться чужой жизнью... Что за гнусная страсть!

Из «Второй книги Успр»

— Долго будут крутить эту запись?

Метеп VII сорвался с кресла, забегал по небольшой полутемной комнате, всем своим видом и каждым движением демонстрируя раздражение.

Дейро Хейурт рассеянно и лениво ответил, полностью сосредоточив внимание на стоявшем посреди комнаты большом сферическом экране с резким фокусом:

— До тех пор, пока зрители смотрят. Учти, они раздобыли эксклюзивный материал. Кроме них, никто не вел прямой репортаж с улиц, где начался денежный дождь.

— Как-то слишком уж им повезло, не считаешь?

— Органы безопасности разобрались. Получили логичное объяснение. На студии, как и на двух других видеостанциях, прослушивали официальные частоты, услышали сигнал тревоги. Не имея при малом бюджете запасной съемочной группы, всегда позже конкурентов добирались до места действия. Деньги случайно начали сыпаться, когда они готовились выйти в эфир. Хороший пример, как порой окупается неэффективность.

ХРЕСТОМАТИЯ РОБИН ГУДА

Не держите деньги при себе!

По официальной оценке инфляция за прошедшие десять месяцев стандартного года достигла восьми процентов (что реально означает как минимум одиннадцать). Скорей тратьте деньги, ребята! Сто марок, положенных в прошлом году в сберегательный банк, сейчас стоят существенно меньше.

Что вы говорите — проценты?

Поверим прихвостням Метепы — допустим, инфляция в прошлом году в самом деле составила восемь процентов. Значит, сто марок, положенных в сберегательный банк десять месяцев назад, превратились сегодня в девяносто две. Вы получили шесть марок процента? Ура! Понятно, конечно, что с них придется заплатить примерно двадцать пять процентов налога, так что чистый процент сводится к четырём с половиной маркам.

Подведем итог: сто марок, которые вы отложили в надежде на выросший с них капитал, съжились в девяносто шесть с половиной. Есть только одно решение. Берите свои деньги и...

...покупайте! покупайте! покупайте! покупайте!...

Экономический прогноз погоды

ИНДЕКС ЦЕН (принимая за базовый (100)
115-й год существования
Империи, когда имперская
марка стала законным
платежным средством) 165,7
ДЕНЕЖНАЯ МАССА (МЗ) 1023,3
УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ 8,1%

	Имперские марки	Солнечные кредитки
ЗОЛОТО (тройская унция)	261,1	130,3
Серебро (тройская унция)	12,9	5,9
Хлеб (буханка в 1 кг)	0,74	1,78

На экране крупным планом возникла знакомая физиономия Рэдмона Сейерса. Вокруг летели оранжевые марки, присыпанные белыми бумажками, до того реальные, настоящие, что зритель, сидевший у большого голографического приемника, испытывал искушение протянуть руку, схватить горстку. На лице Сейерса экстатический восторг смешивался с почти нескрываемым торжеством.

«Леди и джентльмены, — провозгласил он с экрана, — если бы кто-нибудь рассказал мне об этом, я назвал бы его лжецом. И вот собственной персоной стою на улице рядом со студией, где идет денежный дождь! Нет, это не розыгрыш и не шутка. С неба падают деньги!»

Камера пошла вверх по стене здания в темное небо, из безликой черноты которого сыпались оранжевые и белые бумажки, потом вновь представила Сейерса, взяв пошире. Он держал в руке белую бумажку. Видно было, как позади и вокруг него мечутся люди, подбирая деньги.

«Помните, полгода назад в городе появились глупые листовки с какой-то «Хрестоматией Робин Гуда»? В одной из первых было обещано вернуть налоги — «смотрите в небеса», говорилось там, если я не ошибаюсь. И в данный момент, можно сказать, нахожусь среди возвращаемого потоком налога».

Он поднял белую бумажку, на которую наехала камера, произведя впечатление, будто увеличенная рука репортера в самом деле просунулась в комнату. Надпись на карточке виделась четко: «Ваши налоги возвращены, как и было обещано. Робин Гуд и Вольные стрелки». Для неграмотных и слабых зрением Сейерс сам прочел написанное.

«Видимо, Робин Гуд свое слово держит, — заключил он под исыкающим бумажным дождем. — Было получено неподтвержденное сообщение о совершенном сегодня вечером налете на конвой имперского Министерства финансов. Если это правда и деньги краденые, боюсь, мистера Гуда с Вольными стрелками

ждут серьезные неприятности».

Камера отъехала, показав Сейерса в полный рост и широкий план улицы. Вокруг него повсюду стояли люди, запрокинув голову, с надеждой глядя в небо, крепко зажав в кулаках пачки денег. Сейерс подошел к женщине средних лет, обнял за плечи. Она его явно узнала и улыбнулась в камеру.

«— Давайте спросим эту женщину, что она думает о подобном событии.

— Ох, по-моему, просто прекрасно, — проворковала та. — Не знаю, кто такой Робин Гуд, но для него мои двери всегда открыты!

— А если эти деньги украли?

Улыбка слиняла.

— У кого?

— Может быть, у правительства.

— Ох, это было б ужасно. Просто ужасно.

— А если правительство подтвердит, что эти самые деньги похищены из инкассаторских кораблей Министерства финансов, и попросит всех добропорядочных граждан вернуть все, что они сегодня собрали... вы согласитесь?

— То есть отдам ли обратно?

— Вот именно.

— Ну конечно!

При этом лицо ее было абсолютно непроницаемым, лотом она улыбнулась, потом захихикала.

— Конечно. — Сейерс тоже позволил себе улыбнуться, отошел от собеседницы, встал перед камерой. — Что ж, кажется, денежный дождь кончился. А я, Рэдмон Сейерс, желаю вам доброй ночи после сцены, которую ни окружающие меня горожане, ни представители имперского Министерства финансов наверняка не скоро забудут. Кстати, может быть, стоит вам выглянуть в окна. Вдруг в данный момент Робин Гуд возвращает ваши налоги...»

Сферический экран посерел, возникла голова другого репортера. Хейуорт нажал кнопку на ручке кресла, и шар погас.

— Мы все выглядим дураками! — воскликнул Метеп, по-прежнему расхаживая по комнате. — Эти самые благодетели послужат образцовым примером, как только мы их поймаем.

— Боюсь, это будет не так-то легко.

— Почему?

— Потому что они не оставили за собой никакого следа, по которому их можно было бы опознать. Во флитерах обнаружены бесчисленные отпечатки — сплошь одинаковые, незарегистрированные, явно липовые, — и ни одной кожной клетки, кроме принадлежащих членам команды. Естественно, голографические костюмы, в которых они это проделали, исключают идентификацию по внешнему виду.

— Оpozнание не составит проблемы! — рявкнул Метеп. — Мы бросим их в тюрьму!

— Нет, не бросим, и нечего вопить и беситься по этому поводу. Прошлой ночью они совершили несколько очень хитрых маневров, причем самый ловкий приберегли напоследок, когда охрана гналась за пустыми транспортными кораблями чуть не до самого западного побережья.

— Идиоты! Нас всех выставили идиотами)

— К сожалению, именно так, — подтвердил Хейуорт, поднимаясь на ноги, растирая лоб обеими руками, проведя ладонями по белоснежным волосам. — Впрочем, мы будем выглядеть еще хуже, когда станет известно о результатах проекта Крагера по добровольному возврату денег. Предложил людям сделать «патриотический жест»! Старый дурак...

— Почему? По-моему, мысль хорошая. Может, даже получим назад несколько миллионов.

— Ничего мы назад не получим, кроме нескольких символических марок, и вот тогда действительно окажемся полными идиотами.

— Думаю, ты ошибаешься.

— Правда? Что бы ты сделал, найдя у себя на заднем дворе свободную от налогов премию и зная, что она украдена у того самого правительства, которое недавно лишило тебя существенной доли дохода за счет налогов? Что бы ответил, если б оно попросило вернуть назад деньги, не имея точных сведений, у кого они есть? Как бы поступил?

Метеп задумался.

— Я тебя понимаю... Что будем делать?

— Врать. Что еще? Объявим, будто девяносто процентов денег возвращено и лишь несколько жадных изменников не хотят отдать то, что по праву принадлежит соотечественникам.

— Звучит неплохо. Простым гражданам всегда полезно внушить легкое чувство вины.

Хейуорт сардонически усмехнулся:

— При условии, что они себя почувствуют виноватыми. — Улыбка погасла. — А вот Робин Гуд — если это вообще реальная личность — сильно меня беспокоит. Чего он добивается? Не призывает убить тебя, силой свергнуть Империю... Просто рассуждает о деньгах. Ни пламенной риторики, ни четкой идеологии. Одни деньги...

— Это тебя беспокоит? А меня нет! Пускай лучше толкует о деньгах, чем грозит лишиться меня жизни. В конце концов, вполне мог обокрасть военную базу и засыпать нас нейтронами.

— Это беспокоит меня потому, что я не понимаю, к чему он клонит. Чувствую, что в его безумии есть система. Он преследует какую-то цель, а я ее не вижу. Может, в листовках сам все объяснит.

— Мы их уже, разумеется, запретили. Отныне тот, у кого обнаружат «Хрестоматию Робин Гуда», будет арестован и допрошен.

— И это меня тоже тревожит. Мы превращаем Робин Гуда в миф, официально объявив вне закона его самого и дурацкие бумажонки.

— Но ведь у нас нет выбора! Он совершил вооруженное ограбление. Нельзя закрывать на это глаза!

Хейуорт словно не слушал. Подошел к стене, сделав ее максимально прозрачной. Перед глазами открылась северная часть Примус-Сити.

— Как ты думаешь, сколько народу схватило прошлой ночью горстку-другую денег? — спросил он Метепу.

— Ну... шестьдесят миллионов марок на двух кораблях... Должно быть, тысячи. Много тысяч.

— И лишь ничтожная доля вернула. — Он повернулся к Метепу VII: — Знаешь, что это означает, Джек? Понимаешь, что он сделал?

Метеп смог лишь пожать плечами.

— Обокрал нас.

— Обокрал нас? — Хейуорт не скрыл огорчения тупостью собеседника. — Он сделал тысячи людей своими сообщниками!

— Примите мои поздравления, сэр! — Док Зак взмахнул стаканом хлебной водки со льдом перед Ла Нагом, с которым они вдвоем сидели в одной из маленьких конторок, располагавшихся в ряд у задней стены склада Ангуса Блэка. — Вы не только провели Империю за нос, но и успешно завоевали радостное сочувствие публики. Мастерский удар. Да здравствует Робин Гуд!

Ла Наг поднял в ответ свой стакан:

— За это я выпью!

Однако лишь тихонечко пригубил, считая местные тронские спиртные напитки слишком жгучими и крепкими. Предпочитал толивианские белые сухие вина, но импортировать их в большом количестве было бы экстравагантной глупостью. В любом случае сегодня он не нуждается в этаноле. И так уже парит в небесах. Получилось! Действительно получилось! Первый открытый акт подстрекательства совершен безупречно, без каких-либо непредвиденных осложнений с обеих сторон. Все целы, все на свободе.

Было, конечно, несколько напряженных моментов, особенно после сброса денег над разными районами Примус-Сити, когда на хвост почти сели крейсеры имперской охраны. Опустившись на уровень улиц, пилоты помчались зигзагами к границам города, остановив инкассаторские корабли в заранее выбранной точке городского квартала безработных. Вся команда столпилась у грузовых и бортовых люков, люди грузно соскакивали на землю, поднимались на ноги, бросались врассыпную. Пилоты покинули флитеры в последнюю очередь, получив задание запустить последнюю маршрутную программу, чтоб крейсерам преследования было за чем погоняться. Пилот корабля, в котором летел Ла Наг, видно, замешкался, ибо первый флитер поднялся уже над землей на целых три метра, прежде чем он появился в бортовом люке. Впрочем, ни секунды не медля, прыгнул на ходу на дорогу. Потом все стремительно разбежались по переулкам, подъездам, поджидавшим наземным автомобилям. За несколько секунд угнанные грузовики прибыли, высадили людей и отбыли, оставив улицы в прежнем виде без всяких следов своего пребывания.

Теперь участники налета в полной безопасности. Да, получилось! Волнующее ощущение. Колоссальное облегчение.

— Что же будет с Брунином после появления Робин Гуда?

— Он будет принимать участие в революции, — ответил Ла Наг. — Я ему обещал.

— Вы всегда исполняете данные обещания?

— Обязательно. Я обещал Брунину место в первом ряду при крушении Империи, если он передаст мне своих людей на Троне и не станет вмешиваться в мои планы. И намерен сдержать свое слово.

— Боюсь, Дэн — больной человек.

— Зачем же вы тогда вошли в его группу?

Док Зак рассмеялся:

— Вошел в его группу? Слушайте, сэр, вы меня оскорбляете! Он сам ко мне явился, когда широкой публике стали известны кое-какие мои критические замечания по поводу недалековидной имперской политики. Мы пару раз встретились, пару раз бессвязно побеседовали... Приятно было поговорить с человеком, который ненавидит Империю не меньше меня, — академические аудитории на Троне

заполнены конформистами, которые боятся высказывать свое мнение, выбирая самый безопасный путь и придерживаясь соответственно тривиального поведения. Но я видел, что под самой кожей Брунина кипит смертельная ненависть, и держался от него поодаль.

— А Рэдмона Сейерса что с ним связывает?

— Не могу сказать, не знаю. Кажется, они знакомы с юности, когда Брунина еще не обуяла идея свергнуть Империю, а Сейерс не имел известности в обществе. Ну, хватит о Брунине, о Сейерсе и обо мне. Скажите, друг мой, — попросил Зак, откинувшись на спинку кресла и блаженствуя после третьей порции спиртного, — не кроется ли в образе Робин Гуда нечто гораздо большее чисто внешнего вида? То есть я вижу некие архетипы, но, по-моему, дело значительно глубже.

— Что именно имеется в виду? Конкретно.

Ла Наг готов был охотно открыться профессору, только хотел проверить, сумел ли тот самостоятельно прийти к точному заключению.

— Насколько я понимаю, гамбит с Робин Гудом предоставляет среднему обитателю внешних миров главного героя из плоти и крови, который выражает его недовольство. Личность Робин Гуда олицетворяет и проявляет на деле агрессивность обывателя. Таков был ваш замысел?

— Возможно, — улыбнулся Ла Наг. — Об этом я не думал, док. Сначала была у меня мысль дать жителю внешних миров конкретную идею, в которую можно поверить. Однако ему трудно живется, а на протяжении рабочего дня остается не так много времени для абстрактных раздумий. Он гораздо скорее откликнется не на логический довод, а на живого человека. Надеюсь, таким человеком окажется Робин Гуд.

— И чем кончится дело? Вы хотите, чтоб жителям внешних миров — по крайней мере, обитателям Трона — пришлось сделать выбор между Метепом и Робин Гудом. Как этого добиться?

— Пока точно не знаю, — медленно протянул Ла Наг. — Надо посмотреть, как развернутся события. Любой разработанный ныне определенный план впоследствии безусловно потребует корректировки... Поэтому я его не разрабатываю.

— А я чем смогу вам помочь?

— Пока ничем. Необходимо сначала слегка укрепить репутацию Рэдмона Сейерса, чтобы он послужил вам надежным прикрытием. — Ла Наг взглянул на светящийся циферблат настенных часов. — С нынешнего вечера рейтинг нашего репортера начнет медленно, но неуклонно расти.

— Собираетесь его снабдить очередными эксклюзивными материалами?

— Нет... Снабжу преданными друзьями, которые имеют доступ к рейтинговым компьютерам.

Док Зак кивнул и просиял, поняв мысль.

— Ну конечно! Поэтому Сефа сегодня отправили на работу...

— Как раз сейчас должен взяться за дело.

У него имелся служебный пропуск в видеоцентр, но без официального вызова трудно было бы объяснить свое присутствие именно в этом конкретном отделе, где оценивались зрительские предпочтения и мгновенно вносились соответствующие поправки. В каждый видеоаппарат, изготовленный на Троне, встроен крошечный монитор, который сообщает рейтинговому компьютеру, когда какой приемник включен, какую принимает программу. Ни для кого это секретом не было; из купленной аппаратуры монитор можно спокойно вытащить. Хотя мало кто его трудился вытаскивать. Империя

уверяла, будто он позволяет составить программу, наиболее отвечающую современным вкусам, так что лучше оставить, избавившись от трудов и затрат на изъятие.

Поскольку всем прекрасно известно, что видео служит мощным орудием пропаганды, любая откровенно пропагандистская попытка привычно пропускается мимо ушей. Но Империя, требуя обязательного лицензирования любого приемника, с легкостью непосредственно и насильственно диктует видеокомпаниям свою волю. Впрочем, в том даже не было необходимости. Империя заручилась многочисленными видимыми и невидимыми друзьями во всех средствах массовой информации, которые страшно гордятся своей принадлежностью к элитарным кругам, любыми доступными способами формируя и мобилизуя общественное мнение. Актуальные темы звучат в драмах и комедиях, популярные личности, дикторы произносят ключевые слова и фразы. Вскоре взгляды общества начинают меняться, сперва незаметно, потом неуклонно по градусам, потом совершается грандиозный скачок, после чего никому даже в голову не приходит, будто он когда-нибудь думал иначе. Пристрастившиеся к видео, как к наркотику, люди не подозревают о происходящем; только те, кто игнорирует назойливую вездесущую развлекательную машину, видят, что творится, но их предупреждающих криков никто не слышит.

Сеф Вулвертон заперся в помещении, где стоял главный рейтинговый компьютер, и стал менять плату над смотровым окном. Здесь начинаются все операции, оказывающие влияние на зрителей. Именно в этом компьютерном центре подсчитывается число приемников, настроенных в данное время на данную программу. Критически важная процедура — легче всего до людей достучаться через любимую передачу.

Он выложил на ладонь черную маленькую коробочку. При нажатии крышечка отскочила, под ней обнаружили два отделения. Одно пустовало, в другом лежал крошечный шарик, черный, как оникс. Сеф не одну неделю его программировал, пора пускать в дело.

Нацепил на лоб, включил плоский фонарик, влез по пояс в смотровое окно — перед глазами открылся мир мелких геометрических форм, собранных в непостижимые с виду схемы и матрицы. Держа в правой руке изолированный инструмент с муфтой на кончике, извлек с его помощью черный шарик из матрицы, заменив принесенным с собой. Старый сунул в коробочку для сохранности, закрыл окно. Через несколько минут направился по коридору в свой собственный отдел.

Скоро новый чип заработает, слегка перестраивая чувствительные магнитные поля, позволяющие компьютеру запоминать новую информацию и отыскивать старую. Сеф перепрограммировал матрицу так, чтобы определенный процент зрителей популярной вечерней комедии «Сладко, сладко!» о злосчастных приключениях во внешних мирах помешанного на сластях карлика пришелся на выпуск новостей Рэдмона Сейерса. После прямого репортажа о «денежном дожде» его рейтинг взлетит в любом случае, однако ненадолго, поскольку никакая сенсация не выдержит конкуренции с шоу «Сладко, сладко!». Прделанная сейчас махинация должна убедить соответствующих специалистов, что Рэдмон Сейерс вскоре наверняка окажется новым вундеркиндом среди репортеров, которому, пожалуй, разумно предложить работу в крупной видеокомпании, выделив лучшее время, чтобы он проявил себя в полную силу.

Сеф взглянул по пути на экраны на станции мониторинга. Точно, везде идет программа Сейерса.

«...перейдем к сфере бизнеса. Сегодня в ходе торговли ценными бумагами на Солнечной фондовой бирже возникла легкая паника в связи с известием, что Эрик Бедекер, крупный магнат астероидной горнорудной промышленности, выбросил на рынок все обычные и привилегированные акции из своих многочисленных портфелей. На протяжении нескольких последних месяцев он через разных брокеров понемногу продавал их за наличные. Общая сумма составляет миллиарды солнечных кредиток! Никому не известно, вкладывает ли он куда-нибудь полученные деньги. Возникло опасение, что на редкость проникательный и безжалостный Бедекер узнал то, чего никто больше не знает. Поэтому многие инвесторы помельче начали продавать нынче акции, ощутимо снижая их стоимость. Впрочем, в данный

момент ситуация, кажется, стабилизировалась после многократных заверений консультантов по инвестициям и брокерских контор, что тревоги напрасны — земная экономика гораздо здоровее прежнего.

Эрик Бедекер упорно отказывается от каких-либо комментариев по этому поводу.

Вернемся на домашний фронт. Тронские власти до сих пор ищут участников вчерашнего дерзкого ограбления инкассаторских флитеров Министерства финансов, рассыпавших после налета деньги над Примус-Сити. Полиция утверждает, что у нее есть несколько верных способов установить личность так называемого Робин Гуда и Вольных стрелков, но в подробности не вдается.

Прошлой ночью я стал очевидцем знаменитого ныне «денежного дождя», и мы вновь повторим репортаж для тех, кто случайно его пропустил...»

Глава 13

*...видя, какую оно несет беду, надо быть сумасшедшим,
трусом или полным слепцом, чтобы не предать его
проклятию.*

Д-р Рью

Ла Наг сидел молча, неподвижно, прислушиваясь к забродившему недовольству. Слишком скоро. Вот на что способна гибель четверых великолепных мужчин...

— Мы отомстим! — воскликнул Брунин, стоя посреди конторки. — Обязаны отомстить!

По первому побуждению Ла Наг был готов согласиться. Может быть, из-за того, что несколько часов назад произошло у него на глазах, может быть, из-за того, что день был очень долгий, а ему предшествовала бессонная ночь... Так или иначе, некий темный уголок в душе тоже требовал мести.

Нет... Нельзя позволять себе роскошь откликнуться на соблазнительный призыв сирены. Однако четыре жизни погибли! Так рано... Прошло лишь три четверти года Ростка, и четверо живых потеряны. По его вине.

В течение трех месяцев после первого налета все шло по плану. Робин Гуд старался не показываться, напоминая о себе лишь с помощью «Хрестоматии». «Хрестоматия» распространялась удачно — благодаря запрету после «денежного дождя» интерес к ней резко вырос, тираж, соответственно, тоже. Метеп и Совет Пяти совершали ожидаемые шаги, экономика точно по графику все быстрее скатывалась по нисходящей спирали. Наконец пришло время снова встряхнуть Империю, пробудив от самодовольного сна. Робин Гуду с Вольными стрелками предстояло совершить следующий налет. Снова должен был пролиться «денежный дождь».

ХРЕСТОМАТИЯ РОБИН ГУДА

Правило 72

Вот вам волшебная жемчужина, которую можно все время держать в голове, барахтаясь в пораженной инфляцией экономике вроде нашей. Она мигом подскажет, что деньги в кармане вдвое обесценились, а это необходимо учитывать, планируя расходы.

Приведем пример: если инфляция твердо держится на трех процентах, надо попросту разделить семьдесят два на три. Получится двадцать четыре. Значит, за двадцать четыре года трехпроцентной инфляции покупательная способность сотни марок в вашем кармане падает до пятидесяти. А еще это значит, что каждые двадцать четыре года все цены удваиваются.

Говорите, не так уж и плохо? Давайте попробуем шесть процентов. При таком темпе инфляции цены удваиваются (или вдвое сокращается покупательная способность денег, если вам это нравится больше) каждые двенадцать лет.

Говорите, жить можно? Ладно, вспомним: новая официальная оценка инфляции (не забывайте, что это вранье) составляет двенадцать процентов. Да-да, двенадцать! Значит, смехотворно высокие цены, которые вы вокруг видите, будут отныне удваиваться за шесть (6) лет! А в ближайшем будущем маячат двадцать четыре процента. Призадумайтесь...

Экономический прогноз погоды

ИНДЕКС ЦЕН (принимая за базовый (100) 115-й год существования Империи, когда имперская марка стала законным платежным средством)			171,3
ДЕНЕЖНАЯ МАССА (МЗ)			2002,7
УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ			8,5%
	Имперские марки	Солнечные кредитки	
ЗОЛОТО (тройская унция)	275,9	130,4	
Серебро (тройская унция)	13,8	6,0	
Хлеб (буханка в 1 кг)	0,78	1,77	

Разумеется, на этот раз не стоило надеяться, что атака пройдет с той же легкостью. Инкассаторские корабли, направлявшиеся в Министерство финансов и отправлявшиеся оттуда, сопровождают до зубов вооруженные крейсеры. Теперь не так просто забрать у Империи доставшиеся ей даром деньги во время транспортировки. Поэтому было принято очевидное решение напасть на грузовые флитеры до прибытия конвоя.

Целью выбрали региональный центр доходов восточного побережья, расположенный в портовом городе Парамере. Он собирал не очень много денег, поскольку фактически большинство населения и промышленных предприятий на Троне сосредоточено вокруг Примус-Сити и к западу от столицы. Тем не менее суммы вполне достаточно для планов Робин Гуда и Вольных стрелков.

Налет на налоговый центр был рассчитан по времени идеально — его совершили сразу после загрузки инкассаторских кораблей, до появления вооруженных крейсеров. Вновь применили звуковые бомбы, в оба загруженных инкассаторских корабля сели по четыре Вольных стрелка, привели в действие маршрутные программы. Один должен был пролететь над самим Парамером, другой — направиться к северу к маленькому Эковиллу. Ла Наг предпочел бы еще раз промчаться над Примус-Сити, но столица слишком далеко. Если перегонять корабли из Парамера в центр континента, по пути обязательно перехватят. Ну, пожалуй, и хорошо, пусть городки восточного побережья не чувствуют себя обиженными.

Летевшие над двумя намеченными городами инкассаторские суда сопровождали в четырех маленьких скоростных спортивных кораблях Ла Наг, Брунин и флитеры, готовые вмешаться, если вдруг конвойные крейсеры явятся раньше времени. Эскорт должен был прилететь из имперского гарнизона на юге, но никто не догадывался, что планы неожиданно изменились: крейсеры отправили на ремонтную

станцию в самом Парамере, откуда они напрямиком и помчались к налоговому управлению.

Поэтому Ла Наг и его лейтенанты ждали их с нараставшей тревогой, готовые выскочить перед носом, отвлекая от инкассаторских кораблей. Это было опасно, хотя маленькие флитеры имели преимущество в скорости и маневренности, способные обогнать любое воздушное средство передвижения. Они не знали, что эскорт в тот момент случайно оказался над летевшим к Парамеру инкассаторским кораблем, в последний раз делавшим круг над центром города. Цель была близкой, бой кратким — флитер, превратившийся в кучу горящих обломков, рухнул в море.

— Они просто выполнили свой долг, Дэн, — сказал Рэдмон Сейерс, внимательно присматриваясь к Брунину.

— А наш долг — сравнять счет! Иначе гады поймут, что могут безнаказанно убивать нас при любой возможности. Мы обязаны отомстить ради самих себя и четырех погибших!

— Все знали, чем рискуют, выступив прошлой ночью, — устало заметил Ла Наг. — Все знали, что когда-нибудь кто-нибудь не вернется назад. Вот это и случилось. Несчастье, гиблое, вонючее, вшивое невезение из-за вчерашнего нарушения строгих правил отправки крейсеров, соблюдавшихся не один месяц.

— Невезение? — ухмыльнулся Брунин. — Расскажи о невезении четверем мертвецам! — Он оглянулся на дока Зака и Сейерса. — Я сказал, мы должны расквитаться! Требую голосования!

— Бросьте, Дэн, — тихо молвил док. — Не для того мы здесь собрались.

— А для чего же? — спросил Брунин, пронзая их яростным взглядом. — Чего мы добились? Что успели сделать, кроме того, чтобы немножечко поиграть в игрушки и потерять нескольких человек? Хотя немного приблизили гибель Империи? Если да, объясните мне, как и когда, больше я ничего не потребую!

— Фактически вы не этого требуете, — мягко, с профессиональным хладнокровием ответил док Зак. — Вы требуете, чтоб мы стали убийцами. Мы отказываемся. Прежде чем переходить к другим вопросам, мне хотелось бы точно удостовериться, что вы это поняли.

Выражение лица Брунина скрывала борода, виднелась лишь тонкая прямая линия крепко стиснутых губ.

— А мне хотелось бы, чтобы вы поняли, — крикнул он, тыча пальцем в Сейерса и дока, — я не собираюсь гибнуть из-за него!

На последнем слове палец ткнул в Ла Нага. В последний раз испепелив всех взглядом, Брунин развернулся на каблуках и вышел.

— Он прав, — признал Ла Наг после его ухода. — Я действительно виновен в смерти людей. Они погибли, исполняя мои приказы. Будь я чуть повнимательнее прошлой ночью, сидели бы сейчас вместе с нами на складе, праздновали успешное завершение дела.

Он поднялся, подошел к полке, на которой стоял Пьеро с обвисшими листьями в соответствии с душевным состоянием своего хозяина.

— Если бы я сюда не приехал, не заварил кашу, до сих пор были бы живы-здоровы. Лучше бы мне, наверно, остаться на Толиве.

Говорил он больше с собой, чем с другими. Понимая это, двое других присутствующих в каморке несколько минут молчали.

— В одном, по крайней мере, Дэн прав, — проговорил наконец Зак. — К чему идет дело? События весьма впечатляющие, прекрасный материал для ребят вроде Рэдмона, но чего мы добиваемся?

— Крушения Империи.

— Интересно, каким образом? Ложась ночью в постель, я желал бы с уверенностью сказать себе, что в прошедший день чуть приблизил момент, когда толстые задницы нынешнего правительства получат хороший пинок. И не имею никакой возможности. То есть вроде бы я совершаю кучу антиправительственных действий, а заметного вреда Империи не причиняю. Не вижу ни трещин в фундаменте, ни зазоров, куда можно было бы вбить клин. Мы одерживаем психологические победы, но, просыпаясь каждое утро, я обнаруживаю, что по-прежнему остаемся на стартовой точке.

— Справедливый вопрос, — поддержал его Сейерс. — По-моему, мы имеем право знать, к чему вы нас ведете.

Ла Наг посмотрел им в глаза. Хотелось объяснить, облегчить перед кем-нибудь душу. Ах, если бы Мора была сейчас рядом!.. В висках стучит, ломит затылок, словно чья-то сильная рука ползет вверх по шее и стискивает смертельной хваткой. Головные боли от перенапряжения давно знакомы, но такой он еще никогда не испытывал. Кажется, ее можно прогнать, если рассказать соратникам, какую судьбу он готовит их миру. Но рисковать нельзя. Пока нельзя. Даже Йозеф и Канья не знают.

— Вы оба правы, — сказал он, — только должны мне верить. Знаю, что возникает много вопросов, — быстро продолжил Ла Наг, видя, что собеседники готовятся возразить, — но это единственный для меня способ действий. Чем меньше людей точно знает суть дела, тем меньше шансов, что кто-нибудь проговорится, когда... если... его арестуют. Не обманывайтесь — после одной внутривенной инъекции любой из нас, сколь бы сильной он ни считал свою волю, без колебаний ответит на каждый вопрос.

— Да ведь нет никаких признаков продвижения к цели! — воскликнул Зак. — Ни малейшего признака, что мы хоть к чему-нибудь приближаемся!

— Потому что подлинная работа совершается за кулисами сцены. Вы не видите никакого прогресса потому лишь, что я так задумал. Грандиозное событие случится внезапно. И тогда, уверяю вас, вы все узнаете. Верьте мне.

Опять воцарилось молчание, которое вновь прервал Зак:

— Если б вы не были толивианцем, если б я не был знаком с кодексом чести успристов, то сказал бы, что вы чересчур много просите. Впрочем, друг мой, честно говоря, в данный момент нам, кроме вас, положиться не на кого. Придется поверить.

— Ну, в успристской философии я практически не разбираюсь, — вставил Сейерс, — однако согласен — кроме вас, у нас нет ничего. — Он взглянул на Пьеро за спиной у Ла Нага: — Рядом с вами всегда вон то деревце... Так велит философия успр?

Ла Наг отрицательно покачал головой:

— Нет. Это старый друг.

— Кажется, его надо полить. — Не поняв, почему Ла Нага его замечание позабавило, Сейерс продолжал под смех толивианца: — Кстати, что значит успр? В межзвездном языке нет такого слова.

— Собственно, это не слово, — объяснил Ла Наг, в душе удивляясь и радуясь, что легкий смех облегчил ему душу. — Аббревиатура определенного выражения на одном из древних земных английских языков. Впервые философию успр разработала группа людей из Западного Союза еще до объединения Земли. В Западном Союзе она только сформировалась, распространялась медленно, не особенно широко, поэтому ее подхватили и переделали представители Восточного Союза. Современная философия успр сочетает оба варианта. Аббревиатура возникла из якобы оскорбительного названия первой книги — скорее, брошюры, — излагавшей философию успр, которое имеет смысл «не лезь в наши дела». Вы

английский язык понимаете?

— Ни единого слова, — помотал головой Сейерс.

— В университете кое-как понимал, — сказал док, — теперь почти ничего не помню. Тем не менее попробуем.

— Ладно. Вот что оно означает: «Убери свои поганые руки». Ясно?

— Нет.

— И мне тоже. Хотя эта фраза, по-моему, замечательно для своего времени выражает смысл философии.

— Главное, — заключил Зак, — что мы вам верим. Следующий вопрос: когда я смогу внести свой скромный вклад?

— Очень скоро. Особенно после того, как наша присутствующая здесь знаменитость, — указал он на Сейерса, — окажется в самом центре внимания. Кстати, Рэдмон, забыл вас поздравить.

— Я получил не больше, чем заслуживаю, — просиял Сейерс.

Рейтинг его неуклонно шел вверх с помощью перепрограммированного компьютера и правила «делай как я», согласно которому люди, слыша, что друзья и знакомые заинтересовались такой-то телевизионной программой, тоже переключаются на нее, а за ними в геометрической прогрессии очередные друзья и знакомые. В результате Сейерсу предложили вести на крупном канале ранние вечерние новости, что гарантировало колоссальную аудиторию. Рейтинговый компьютер можно обратно перепрограммировать.

— Я готов, — объявил Зак. — Давно приготовился. Жду команды.

— Делайте первый шаг.

— То есть объявить новую тему курса?

— Вот именно. Только не излагайте план лекций, пока слушатели не разгорячатся до бешенства. Если объявите, не дождавшись нужного настроения, члены правления сразу ваш курс прикроют.

— А потом пожалеют!

— Меня не волнует, пожалеют члены правления или нет. Надо, чтобы Метеп пожалел.

Сейерс встал и направился к двери.

— А я пожалею, если не вернусь домой, чтоб немного поспать. Нынче вечером впервые веду вечернюю программу, поэтому надо как следует отдохнуть. Пожелаем всем нам удачи.

«...самой главной сегодняшней новостью остаются события в Парамере, где была пресечена попытка повторить знаменитый налет Робин Гуда трехмесячной давности. Однако нынешняя атака привела к гибели нескольких ее участников — имперский крейсер нагнал и сбил угнанный инкассаторский корабль Министерства финансов, пролетавший над городом. Хотя Вольные стрелки успели выполнить свою задачу — около двадцати пяти миллионов марок вместе с визитными карточками Робин Гуда просыпались над Парамером с неба. Среди обломков сбитого транспортного корабля обнаружены четыре трупа, обгоревшие до неузнаваемости. Кажется, имперская охрана серьезно взялась за дело. Пусть все протестующие против налогов получат хороший урок.

С Земли вновь приходят известия о непонятных действиях Эрика Бедекера, крупного магната астероидной горнорудной промышленности. По слухам, он только что продал права на добычу минералов

на половине своих астероидов главному конкуренту, компании «Мерит металс», за сумму, которая, видимо, превышает валовой национальный продукт некоторых наших братских внешних миров. Сообщается и о продаже прав на разработку других принадлежащих Бедкеру астероидов. Никто не хочет купить летучую гору?..»

ГОД МАЛАКА

Глава 14

МОЗГИ: в нашей цивилизации, при нашей республиканской форме власти, мозги ценятся так высоко, что в награду исключаются из требований к кандидату на официальный пост.

Амброз Бирс

Скандал существенно отсрочила компьютерная программистка, то ли с благим намерением, то ли по недосмотру. Всякий опытный и порядочный программист, осведомленный о правилах безопасности и секретности, немедленно сообщил бы куда следует, что предназначенные для первокурсников лекции доктора Закарии Брофи носят название не «Основы экономики», а «Экономика: наш враг — Государство».

Поэтому маленький провокационный акт дока Зака обнаружился только после того, как отпечатанное расписание разослали студентам Университета внешних миров, и вызвал неоднозначную реакцию. Квота слушателей была мигом исчерпана, хотя полсотни заинтересованных студентов едва ли выражали мнение кампуса в целом. Университет финансирует государство — Империя бесплатно предоставляет территорию, помещения, материалы, на целых семьдесят пять процентов оплачивает обучение. Даже комнаты в общежитии и питание обеспечиваются за государственный счет. Университетский кампус мог стать открытым форумом, где свободно высказываются и обсуждаются идеи, не запрещается ни одна точка зрения. Мог, но не стал.

ХРЕСТОМАТИЯ РОБИН ГУДА

ГРАБЬТЕ БАНКИ!

Замечаете, сколько банков предлагают в последнее время оформить повторную закладную на дом? Как они вас уговаривают взять заем под недвижимость, потратив деньги на ремонт, на новые покупки, на отдых? Подозрительно? Чувствуете, что банкиры гораздо лучше понимают финансовую ситуацию и стараются заманить вас в ловушку?

Правильно, это ловушка, только на сей раз в нее угодили банкиры. При фактической приостановке строительства на сберегательных счетах в банках лежит куча денег вкладчиков, которые не читают наши листовки или ничуть им не верят. (Получат хороший урок!) Банки очень хотят ссудить эти деньги. Окажите себе большую услугу — возьмите. С вас, конечно, потребуют одиннадцать процентов, но при нынешней официальной оценке инфляции в четырнадцать процентов каждые сто марок, полученных в будущем году, будут равняться всего восьмидесяти шести, взятым займам сегодня. Значит, вы получите марки, имеющие нынешнюю покупательную способность, а в дальнейшие годы будете выплачивать банку обесценившиеся бумажки. (Вспомните «правило 72».) С ростом инфляции они будут стоить все меньше и меньше...

Что же делать с полученными деньгами? Смотрите в небеса и...

ЗАНИМАЙТЕ! ЗАНИМАЙТЕ! ЗАНИМАЙТЕ!

Экономический прогноз погоды

ИНДЕКС ЦЕН (принимая за базовый (100) 115-й год существования Империи, когда имперская марка стала законным платежным средством)			179,7
ДЕНЕЖНАЯ МАССА (МЗ)			2061,2
УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ			9,0%
	Имперские марки	Солнечные кредитки	
ЗОЛОТО (тройская унция)	282,1	130,8	
Серебро (тройская унция)	14,6	5,9	
Хлеб (буханка в 1 кг)	0,83	1,74	

В Университет внешних миров стоит длинная очередь; студенты, поднявшие малейшую волну протеста — например, слишком громко возразив против темы какого-то курса, чересчур узких взглядов на факультете, — быстро обнаруживают, что им трудней всех получить проходной балл на экзаменах по основным предметам. Без чего они лишаются стипендий. Им приходится уходить, присоединяясь к изгоям, которые просматривают курсы и сдают экзамены по видео. Вскоре после начала семестра такая судьба неизменно ждала немногочисленных умудрившихся проскользнуть вольнодумцев. Пары исключенных достаточно, чтоб уцелевшие поняли: хочешь остаться в Университете внешних миров — слушайся и обучайся.

Док Зак совершил неожиданный шаг. Он не задавал неуместных вопросов и не просто нарушил академический этикет. Он махнул красной тряпкой перед лицами членов правления и их непосредственного начальства. Хуже того — возмутительное название курса известно каждому студенту. Семестр вот-вот начнется. Надо что-то немедленно делать!

Лекции отменили. Студентам, опрометчиво записавшимся на курс под названием «Экономика: наш враг — Государство», объявили о необходимости выбрать другой, заполняя пробел в расписании. Переписали, внеся в особый файл, фамилии тех, за кем следует установить наблюдение.

Впрочем, док Зак имел свои списки и уведомил записавшихся студентов вместе с прежними своими любимчиками, что первая лекция будет прочитана в срок. Всех, кому интересно, приглашают прийти и послушать. Рэдмона Сейерса тоже проинформировали о времени и месте лекции, но окольным путем. Он должен был позаботиться, чтобы первая и последняя лекция доктора Закарии Брофи в новом семестре дошла до гораздо более широкой аудитории, чем могли себе представить члены правления и все прочие.

— Явка нынешним утром не производит на меня особого впечатления, — признался док Зак, расхаживая, по своему лекторскому обыкновению, взад-вперед по аудитории и больше обыкновенного смахивая на мертвеца. — Впрочем, было бы слишком смело надеяться увидеть перед собой стоящую толпу, которой негде рассестись. Знаю — рост цен на два прыжка обгоняет рост заработной платы, и многие из вас, просто придя сюда, рискуют лишиться места в нашем славном учебном заведении. Благодарю вас за это, ценю вашу храбрость. — Он вытянул шею, оглядывая аудиторию. — Вижу знакомые лица и новые. Очень хорошо.

Одно из новых лиц сидело в последнем ряду. Молодой парень, вполне способный сойти за студента, держал в руках прямоугольную черную видеокамеру, следившую за каждым шагом Зака. Видно, Сейерс отправил коллегу записывать лекцию. Зак сделал глубокий вдох... Пора бросаться в воду головой.

— Возможно, сначала покажется, что тема, которую мы будем сейчас обсуждать, вообще к экономике отношения не имеет. Поговорим о государстве — о нашем государстве, об Империи. Чудовищная история в самом истинном франкенштейновском смысле. История о сотворенном человеком монстре, который, обезумев, носится по стране, слепо уничтожая все, что подвернется под руку или под ноги. Причем это не безобразная тварь, созданная из наспех подштопанного трупа, а красивое, деликатное существо, всей душою пекущееся о наших интересах и всем сердцем желающее нам помочь.

Власть и силу оно почти полностью черпает в национальной экономике. Печатает деньги, контролирует денежную массу, устанавливает процентные ставки, под которые можно занять деньги, фактически определяет их стоимость. Тогда как рука, управляющая экономикой, управляет и нами — всеми вместе и каждым в отдельности. Ведь наша повседневная жизнь целиком и полностью зависит от экономики: работа, которую мы выполняем, жалование, которое за нее получаем, стоимость дома, в котором живем, одежды, которую носим, продуктов, которыми питаемся... Невозможно оторвать дееспособное человеческое существо от экономики, точно так же, как нельзя лишить его воздуха. Экономика — неотъемлемая составная часть жизни. Возьми под контроль экономическую среду существования человека, и ты установишь контроль над людьми.

Мы, жители внешних миров, существуем в жестко управляемой экономике. Уже плохо. Но хуже того — управляющая рука принадлежит идиоту.

Он чуть помолчал, давая время слушателям усвоить мысль, взглянул на глазок высоко поднятой в конце аудитории видеокамеры, отметив, что она старается брать в кадр лишь затылки студентов.

— Давайте посмотрим на якобы симпатичное, благожелательное, а на самом деле злобное глупое чудовище, которое мы сотворили, и разберемся, что оно для нас делает. Полагаю, вы скоро поймете, почему я дал своему курсу подзаголовок «наш враг — Государство». Посмотрим, чем оно помогает тем, кто не сводит концов с концами. Не стану начинать с имперской программы пособий по безработице — всем известно, что это за ужасающая белиберда. У каждого есть основания обругать ее. Нет... Пожалуй, начнем с программы, которую сильнее всего расхваливают представители правительственных кругов и пресса, — с бесплатных талонов на питание.

Сегодня мужчина с семьей из четырех человек, зарабатывающий в год двенадцать тысяч марок, имеет право получить бесплатный талон на продукты на сумму в тысячу марок для пополнения своего дохода и пропитания семьи. Скажете — замечательно? Не возражаете, чтобы часть ваших налогов помогала прожить работающим беднякам? Хорошо, если не возражаете — вас в любом случае никто не спрашивал. Хотите вы того или нет, одобряете или нет, упомянутый выше мужчина все равно получит тысячу марок.

Впрочем, оставим это пока в стороне. Известно ли вам, что в год этот самый мужчина выплачивает две тысячи двести марок имперских налогов? Вот именно. С помощью налоговых удержаний^[8] при каждой выплате зарплаты у него из кармана по мелочи вынимаются две тысячи двести марок. Налоговые удержания — очень важная вещь для правительства. Они позволяют почти безболезненно собирать подоходный налог, причем все расчеты бесплатно делает работодатель, несмотря на тот факт, что во внешних мирах никогда не было рабства. Империи жизненно необходимы налоговые удержания, ибо, если она попытается сразу взять годовой подоходный налог, граждане выйдут на улицы с булыжниками в руках... и Империя не продержится даже стандартного года.

Вернемся к нашему получателю бесплатных продуктовых талонов. Каждый год у него забирают две тысячи двести марок, отправляют в региональный центр доходов, откуда доставляют в Примус-Сити в Министерство финансов, если раньше не успеет перехватить Робин Гуд.

Аудитория расхохоталась и зааплодировала.

— Учтем теперь, что каждый имеющий по пути дело с собранными деньгами, от последнего программиста до самого министра, кое-что получает за потраченное на работу время. Потом деньги поступают в Управление по продуктовым субсидиям, служащие которого решают, кто имеет право на талоны и на какую сумму, лотом кто-то печатает карточки, кто-то занимается техническим обслуживанием, кто-то делает уборку, чтобы в Управлении было чисто, и так далее и так далее, до тошноты. Каждому в этом ряду за свой труд кое-что причитается.

Наконец несостоятельный гражданин получает бесплатные продуктовые карточки на сумму в тысячу марок, однако в процессе бюрократия сожрала не только его собственные две тысячи двести марок в виде налогов, но еще и добавочные восемьсот тридцать марок из ваших налогов. В целом три тысячи тридцать! Именно так: из каждых трех с лишним марок собранных налогов наш враг, Империя, только одну тратит на благотворительность. Не предложил ли кто-нибудь из бюрократической иерархии просто брать с бедного гражданина меньше налогов на тысячу марок? Разумеется, нет! Мы с вами сэкономили бы в результате чистых две тысячи марок, но одновременно и соответственно сократилась бы сумма, присваиваемая бездельниками из центров доходов, Управления по субсидиям и так далее. Руководители всяческих управлений и внешних миров этого не желают. У них есть слово, а у нас нет. Империя наш враг, потому что кишмя кишит подобными руководителями.

Зак ненадолго прервался, чтобы отдышаться и успокоиться. Он всегда заводился, рассуждая о недостатках и идиотизме Империи, а сейчас никак нельзя сказать лишнего.

— Теперь вам ясно, что для понимания современной экономики необходимо понять действие гигантского и могучего правительственного механизма. Система продуктовых талонов — лишь самый очевидный пример. Империя совершает гораздо более тонкие и опасные экономические махинации, чем цирковое представление с Управлением по субсидиям, о чем мы поговорим в другой раз. Сначала вы должны усвоить некоторые основные принципы свободной рыночной экономики. На протяжении многих столетий этот раздел экономической теории фактически запрещен цензурой отсюда до самой Земли. Начнем с фон Мизеса, затем...

Заметив настороженное выражение на лицах некоторых студентов, вдруг уставившихся куда-то ему за спину, Зак оглянулся. В дверях стояли два охранника из университетской службы безопасности.

— Нам сообщили, что здесь проводятся недозволенные занятия, — сказал здоровяк справа. — Вы работаете на факультете, сэр?

— Разумеется!

— Что это за курс?

— Экономический, 10037. На тему «Наш враг — Государство».

Охранник слева, повыше, но тоже неплохо накачанный, неодобрительно хмурясь, просмотрел директорию карманного справочника.

— Ничего подобного, — взглянул он на коллегу. — Нет такого курса.

— Как ваша фамилия? — уточнил здоровяк.

— Закария Брофи, доктор философии.

Охранник снова заглянул в директорию:

— На факультете такого не числится.

— Ну-ка, обождите минуточку! Я здесь преподаю двадцать лет! Позвольте заявить...

— Не трать время, приятель, — оборвал его здоровяк, беря под руку. — Мы проводим тебя до ворот, ищи другое место, там играй в школу.

Зак вырвался.

— Не имеете права! Сейчас же позвоните в правление и спросите!

— У меня справочник подключен напрямую к правленческому компьютеру, — объявил высокий охранник, взмахнув аппаратом. — Информация поступила минуту назад, сообщив, что вы здесь не работаете. Чтобы всем было лучше, спокойно следуйте за нами.

— Нет! Спокойно я никуда не пойду! В университете по определению должна свободно высказываться любая точка зрения, пытливые умы должны иметь возможность выбора... Вы мне рот не заткнете! — Профессор повернулся к аудитории: — Итак, как я уже сказал...

Охранники позади него переглянулись, пожали плечами, шагнули вперед, подхватили дока Зака под руки и потащили из зала.

— Пустите! — крикнул он, уперся в пол каблуками, тщетно стараясь вырваться. В последней отчаянной надежде обратился к студентам: — Помогите, пожалуйста, кто-нибудь! Пожалуйста! Не позволяйте им так со мной обращаться!

Его вытолкнули в дверь, поволокли за угол, по коридору, а никто из присутствующих даже не шелохнулся. Вот что было страшнее всего.

«...ну, по-моему, все вы знаете, что я принципиально не редактирую материалы. Сообщаю новости в том самом виде, в каком получаю. Однако сейчас мы увидели столь необычную запись, что я ее вынужден прокомментировать. Только что показанный эксклюзивный репортаж об изгнании доктора Закарии Брофи из кампуса Университета внешних миров был снят очевидцем, которого я отправил на место событий, услышав, что ренегат профессор намерен читать злоумышленный курс, несмотря на запрещение вышестоящих лиц. Я послал в аудиторию оператора, желая узнать, как члены правления справятся с ситуацией. Результаты вы видели собственными глазами.

Должен сказать: как гражданин Империи, я горжусь тем, что видел. Огромные суммы наших налоговых марок ежегодно тратятся на то, чтобы Университет внешних миров оставался одним из лучших учебных заведений в освоенном космосе. Несмотря ни на какие академические заслуги, нельзя позволять нескольким недовольным считать себя умнее членов правления и учить студентов по своему разумению. Особенно недопустимо позволять таким, как профессор Закария Брофи, сколь бы авторитетным он ни был, порочить финансирующую университет Империю и таким образом порочить сам университет

необоснованной подстрекательской критикой!

Я сторонник полной свободы слова, но, когда она осуществляется за счет моего рабочего времени и уплаченных налогов, хочу, чтобы кто-нибудь слегка присматривал за говорящими. Иначе мы позволим профессору Брофи выйти на трибуну в Имперском парке, внушая свои идеи всякому, кто пожелает прийти и послушать. Каждому, кто попытается потратить деньги налогоплательщиков на издевательства над Империей, пусть вот это послужит уроком».

Повторились последние кадры, на которых брыкавшегося и кричавшего дока Зака вытаскивали из аудитории, потом экран вновь заполнило крупным планом лицо Рэдмона Сейерса.

«Теперь новые вести с Земли о загадочных действиях Эрика Бедекера, крупного магната горнорудной промышленности. Он только что продал последние права на добычу минералов на астероидах консорциуму старателей за неоглашенную, но, несомненно, колоссальную сумму. По-прежнему нет никаких намеков на то, что он делает или намеревается сделать с деньгами.

На Нике...»

Метеп VII нажал кнопку на ручке кресла, выключив видео.

— Хороший человек этот Сейерс, — сообщил он Хейуорту, сидевшему от него слева на расстоянии вытянутой руки.

— Думаешь?

— Уверен. Смотри, как он выгородил членов правления. Репортаж мог выглядеть в высшей степени некрасиво. Ничего не стоило превратить его в свидетельство удушения академических свобод, свободы слова, угрозы фашизма, всего, чего хочешь. А Сейерс превратил его в доказательство, что члены правления и Империя всегда зорко следят, чтобы налоги с пользой тратились на образование. Мы получили плюс, Брофи остался мерзавцем и еретиком, не возвышаясь до мученика.

— По-твоему, Сейерс за нас?

— Безусловно. Ты что, сомневаешься?

— Я не знаю. — Хейуорт задумался. — Действительно не знаю. Если бы он в самом деле стоял на нашей стороне, вообще не показывал бы эту запись.

— Да брось! Ведь он же репортер. Просто не мог пройти мимо такого события.

— Понятно, конечно. Только слишком уж ему везет. Я хочу сказать, откуда он узнал, что Брофи, несмотря на запрет, прочтет все-таки лекцию?

— Наверно, обмолвился кто-нибудь из студентов.

— Возможно. Хотя, видишь ли, если бы члены правления оставили Брофи в покое и позволили беспрепятственно распространить курс, предусмотренный учебной программой, его слышали бы всего несколько тысяч обучающихся в закрытой видеосети. А если бы не Сейерс, сегодня лекцию прослушали бы человек двадцать-тридцать. Теперь, после показа записи в час пик, профессора Брофи услышали миллионы. Миллионы!

— Да, но лекция глупая. Кругом ежемесячно ходят десятки сплетен о бессмысленных тратах правительства. Никто особого внимания не обращает.

— Он говорил оскорбительным тоном, — нахмурился Хейуорт. — Крайне оскорбительным... Произвел очень сильное впечатление.

— Плевать, Дейро. Сейерс полностью отнял у старого петуха заработанные очки, выставив его

растратчиком налогов и предателем.

— Да? Надеюсь. Может быть, он для нас с тобой выставил Брофи глупцом. А что увидели бесчисленные сентиментальные олухи? Запомнили то, что сказал о нем Рэдмон Сейерс, или в памяти у них остался хилый старик, которого насильно тащит с глаз долой пара молодых ретивых охранников в форме?

— И что это должно доказать? — поинтересовался Брунин, когда лицо Рэдмона Сейерса на экране погасло.

— Это ничего доказывать не должно, — ответил Ла Наг. — Цель репортажа — глубоко внушить общественному сознанию, какая у Империи власть и сила.

— Я вообще ничего подобного не увидел. Если б правильно взяться за дело, в кампусе начался бы полноценный бунт. Явилась бы имперская охрана, тогда Сейерсу в самом деле было б чего показать в новостях!

— Но это произвело бы совсем другой эффект, Дэн, — заметил сидевший в углу Зак. — Существует серьезная конкуренция за места в кампусе Университета внешних миров. Глядя на бунтующих студентов, люди лишь пожалели бы, что те не ценят выпавший им редкий шанс на учебу. С радостью поприветствовали бы прибытие и вмешательство имперской охраны. Кто-нибудь обязательно пострадал бы, чего мы стараемся избегать.

— Надо было позаботиться, чтоб пострадало побольше имперских охранников! — ухмыльнулся Брунин. — А подстрелили бы пару студентов — тем лучше. То есть в конце концов вы хотите продемонстрировать карательную силу Империи. Что об этом свидетельствует красноречивее продырявленных черепов?

Зак безнадежно покачал головой и взглянул на Ла Нага:

— Сдаюсь. Сами попробуйте.

Задача Ла Нагу не нравилась. Он все чаще приходил к выводу, что Брунин вообще не годится для дела.

— Посмотри вот с какой стороны: имперский режим с виду не деспотический. Империя гораздо хитрее держит в своих руках население, контролируя экономику. С помощью экономики распоряжается в своих границах жизнью людей не менее успешно, чем с помощью дубинки. При таком косвенном управлении мы забываем, что она всегда держит в запасе дубинку, которой не видно лишь потому, что Империя и без нее способна добиться желаемого. Но при необходимости дубинка будет вытащена и использована без малейшего колебания. Нам не хочется, чтоб она обнажилась сегодня и устроила кровопролитие. Нам просто надо, чтобы народ заглянул в мешок и запомнил, что там лежит дубинка.

— Урок прошел относительно безболезненно, — вставил Зак, потирая ахиллово сухожилие. — Хуже всего, что у громил из подмышек вовсю разлило потом.

— А зрители, — продолжал Ла Наг, — увидели, как пожилого человека...

— Ну, не такого уж пожилого...

— ...известного профессора силой тащат из аудитории. Он не громил кампус, не нарушал учебного процесса. Просто стоял, говорил — читал лекцию группе студентов! Уверяю тебя, когда бугаи охранники в форме схватили мирного гражданина на глазах у жителей внешних миров, у многих наверняка волосы встали дыбом.

— Ну и что из этого вышло? Ничего — ни протестов, ни яростных криков, ни уличных шествий...

— Правильно! — подтвердил Ла Наг. — И не должно было быть из-за мелкого инцидента. Док Зак не арестован, не избит до крови. Однако ему заткнули рот и утащили силой. По-моему, люди это запомнят.

— Ну и что? — с привычной воинственностью допытывался Брунин. — Империя ни на эрг не ослабла.

— Ее имидж подпорчен. Этого пока достаточно.

— А для меня совсем недостаточно!

Брунин поднялся, бесцельно зашагал по комнате, на ходу что-то вытащив из кармана. Ла Наг проследил, как он сунул что-то под язык — видимо, для поднятия настроения — и остановился, ожидая эффекта. Действительно, видно, дошел до предела. Надо за ним получше приглядывать.

— Слышали о совещании? — в напряженной тишине спросил Зак.

— О каком? — переспросил Ла Наг.

— Метепы с Советом Пяти. Прошел слух, что на следующей неделе назначено чрезвычайное тайное-тайное суперсекретное закрытое заседание. Даже Крагер прерывает отпуск и возвращается ради него.

— Похоже, дело важное. Кто-нибудь что-нибудь знает?

Зак пожал плечами:

— У Дэна спросите... Его человек сообщил.

Брунин повернулся к ним. Злобное выражение лица чуть смягчилось, тон стал спокойным, ровным.

— Зачем собираются, точно неизвестно, но совещание созвал Хейуорт. Хочет как можно скорее его провести.

— Хейуорт? — встревожился Ла Наг.

— Что тут такого? — спросил Зак.

— Возможно, ничего особенного, хотя Хейуорт в любой момент способен предпринять какую-нибудь мозговую атаку, чтобы на время отвлечь общественное внимание от финансовых проблем...

— А я думал, ты все ходы перекрыл, — не скрывая усмешки, заметил Брунин. — Боишься, что Хейуорт как-нибудь тебя обойдет?

— Рядом с таким человеком, как Хейуорт, не стоит быть слишком самоуверенным. Он проницателен, умен, хитер, безжалостен. Очень хочется знать, чем закончится это самое совещание.

— Охотно побеспокоился бы вместе с вами, — заявил Зак. — Но поскольку одному вам известна конечная цель, нынче вам одному предстоит беспокойная ночь. — Он помолчал, пристально глядя на Ла Нага. — Впрочем, из увиденного и услышанного за прошедший год у меня возникло несколько догадок по поводу вашего плана...

— Пожалуйста, держите их при себе.

— Обязательно. Однако неужели вы действительно думаете, будто Хейуорт или кто-то другой сумеет изменить ход вещей?

Ла Наг отрицательно покачал головой:

— Нет. Империя пришла в упадок, и спасет ее только чудо.

— Ну, будем надеяться, Хейуорт не чудотворец, — заключил Зак.

— Может быть, он способен на чудо. Но в том случае, если на совещании ничего больше не будет сказано, думаю, Робин Гуд найдет способ продолжить беседу.

ХРЕСТОМАТИЯ РОБИН ГУДА

УРОК ЗОЛОТОЙ УТИ

Вы уже не увидите их в обращении — благодаря закону Грешема¹, — но всего шестьдесят лет назад деньгами служили настоящие золотые монеты.

Золотая ути, исключенная из Закона об официальных платежных средствах как символ нашей независимости от Земли, содержала одну трояскую унцию золота и стоила около 25 имперских марок.

Монета в одну унцию золота за 25 марок? Сегодня она стоит 279!

Тут мы подходим к вопросу о цене и стоимости. Шайка Метепы старается смешать эти понятия, чтоб вы случайно не догадались, что дело единственно в нынешней инфляционной спирали.

Подумайте: шестьдесят лет назад деловой костюм хорошего качества из натурального материала стоил около 25 марок. Сегодня — хотя ткани используется ровно столько же, а одежда шьется нисколько не лучше, — костюм сопоставимого качества стоит 250 марок. Это ЦЕНА.

Шестьдесят лет назад вы приобрели бы хороший деловой костюм за одну-единственную золотую ути. И сегодня можно купить высококачественный костюм за одну-единственную золотую ути. Это СТОИМОСТЬ.

Урок: ДЕНЬГИ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ СТОИМОСТЬ.

Теперь вы не станете спрашивать, как быть с накопленными по мелочи или взятыми займы наличными. Покупайте серебро, золото, платину и так далее!

Экономический прогноз погоды

ИНДЕКС ЦЕН (принимая за базовый (100) 115-й год существования Империи, когда имперская марка стала законным платежным средством)			200,3
ДЕНЕЖНАЯ МАССА (МЗ)			2195,5
УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ			9,6%
	Имперские марки	Солнечные кредитки	
ЗОЛОТО (тройская унция)	309,3	131,3	
Серебро (тройская унция)	18,0	6,1	
Хлеб (буханка в 1 кг)	0,88	1,70	

¹ Согласно так называемому «закону Грешема», деньги, приобретающие ценность в ином качестве, чем платежное средство, постепенно исчезают из обращения — люди стараются тратить «плохие» деньги, приберегая «хорошие».

Глава 15

*Герои, не берите денег! При этом вы субсидируете
правительство!*

Роджер Рамджет

— Плохо дело, Вен. Не летит.

— Прилетит! Должен прилететь!

Обняв жену за плечи, Венсан Стаффорд терпеливо, твердо, прямо, как укоренившееся в земле дерево, стоял в ожидании на заднем дворе их бывшего дома. Он вглядывался в небо, повернувшись спиной к закрытому и заколоченному пустому дому. Лучше смотреть вверх в пустую черноту, чем в слепую пустоту позади. Дом превратился в символ всех его неудач, всего, чего ему не удалось добиться. Видеть невыносимо.

Все началось с сокращения поставок зерна в Солнечную систему. Низшего по званию Стаффорда раз за разом снимали с плановых рейсов и наконец насовсем позабыли. Имперское Управление по экспорту зерна обмануло, пообещав при найме полную занятость, а потом выкинуло с пустыми руками. Плохо, хотя он знал, что сумеет прожить на пособие по безработице, выплачиваемое гильдией космолетчиков. У Салли была временная работа, в банке у них лежало немного денег. С трудом, но можно продержаться, пока не столкнешься с удачей.

Однако они сталкивались лишь с ростом цен. Кажется, все, кроме зерна, дорожало — продукты, одежда, транспорт и прочее без исключения. Фиксированы только выплачиваемые по ссуде проценты. Банк пытался заставить его подписать договор о рефинансировании с повышенной процентной ставкой, а он отказался, несмотря на совет «Хрестоматии Робин Гуда» делать как можно больше займов и вкладывать деньги в золото и серебро. Теперь ясно, что это было крупнейшей ошибкой. По мере повышения ежедневных расходов им с Салли становилось трудней наскребать ежемесячно деньги. Сбережения быстро кончились, вскоре банк наложил на них штраф за просроченные платежи.

Потом грянула катастрофа: гильдия космолетчиков наполовину срезала выплаты в связи с резким сокращением своих собственных средств. Дальше выплаты вообще прекратились. Гильдия самовольно вычеркнула его из списка льготников, стараясь обеспечивать членов старшего звания. Даже собственный профсоюз от него отказался.

Вен с Салли сразу попробовали перезаложить дом, но банк этим больше не интересовался. Деньги, полученные по закладной, испарились, у безработного межпланетного навигатора ровно ничего не осталось. Они выставили дом на продажу, но люди получали такие ничтожные ипотечные ссуды, что при нынешней инфляции никто ничего не хотел покупать. Вовремя заплатить не успели, и банк лишил их права выкупа закладной. Им запретили входить в собственный дом.

В данный момент Венсан Стаффорд пал так низко, как никогда раньше во всей своей жизни не падал. Они с Салли поселились в убогой однокомнатной квартирке в городском квартале для безработных. Почему бы и нет? Он ведь сам безработный.

Когда не скандалили между собой, сидели в каменном молчании в противоположных концах комнаты. Только сегодня сблизилась. Должен прилететь Робин Гуд.

— Он не явится, Вен, — сказала Салли. — Пойдем домой.

— Домой? У нас нет дома. Его у нас отобрали. А он явится. Обождем чуточку. Вот увидишь.

Во всем этом и в любом другом мире Венсану Стаффорду не на кого надеяться, кроме Робин Гуда. После первого пролившегося «денежного дождя» он вернул государству собранные марки. Тогда решение казалось правильным... они, в конце концов, принадлежат Империи. А хорошенько подумав, он понял, что в душе надеялся увидеть свою фамилию в каком-нибудь списке добропорядочных, сдавших деньги граждан, после чего его снова назначат на следующую транспортировку зерна, независимо ни от какого звания. Ничего подобного не случилось. С тех пор не совершил ни единого рейса. Друзья посмеивались над его наивностью, за которую он теперь проклинает себя. Чего бы только не отдал, чтобы держать сейчас в руках те марки... За полтора года человек порой сильно меняется.

Надо было слушаться листовки, следовать ее совету. Двое знакомых, его ровесников, именно так поступили — перезаложили дома, сделали займы, исчерпав кредит до предела, и вложили все в золото, серебро, другие драгоценные металлы. Один живет в своем доме, пополняя доход за счет прибыли от взлетевших на черном рынке цен на металлы. Другой передал дом банку в собственность, переехав в квартиру. Теперь сидит на куче золотых монет, которая день ото дня дорожает, а банк остался с домом, который невозможно продать.

На этот раз Венсан Стаффорд не собирается искать другие пути. Нынче утром Робин Гуд с Вольными стрелками совершили налет на инкассаторский транспорт, и, если они верны своим правилам, скоро просыплется денежный дождь.

— Просто смех! — воскликнула Салли. — Я возвращаюсь назад. Ты слышал, что говорили по видео. Он не появится.

Стаффорд кивнул в темноте:

— Слышал, да не поверил.

Полиция целый день торчала в эфире, уверяя граждан, будто Робин Гуд и Вольные стрелки ограбили инкассаторов, намереваясь сами воспользоваться деньгами, представляя их обыкновенными ворами и настоящими ренегатами. Тот, кто ждет очередного «денежного дождя», жестоко разочаруется! Но Стаффорд не верил. Не мог, не хотел поверить.

Над головой вдруг мигнула звезда, за ней слева другая, потом снова первая...

— Стой! — Он схватил Салли за руку. — Там вверху что-то...

— Где? Я ничего не вижу.

— Так и задумано.

Когда в воздухе закружилась первая марка, вся округа разразилась радостными криками. Не один Стаффорд с женой стояли сегодня в ночном дозоре.

— Смотри, Вен, — возбужденно воскликнула Салли, — и правда! Не могу поверить! Деньги! — Она поползла по двору, собирая банкноты, не обращая внимания на белые визитные карточки. — Иди сюда, помогай!

Венсан Стаффорд пока не мог сдвинуться с места. Просто стоял, запрокинув вверх голову, обливаясь слезами, с разрывавшейся от молчаливых рыданий грудью. По крайней мере, хоть на кого-то еще можно надеяться.

«...кажется, Робин Гуд с Вольными стрелками опускаются ниже, буквально и фигурально. После семимесячного бездействия, последовавшего за дорогим обошедшимся ему налетом на восточном побережье, который вызвал лишь саркастические вопросы, Робин Гуд с помощью вездесущей

«Хрестоматии» напомнил, что по-прежнему находится среди нас, и снова нанес удар. Сегодня рано утром на улицах города был захвачен наземный транспорт с крупным грузом только что отпечатанных денег, перевозившихся из Министерства финансов в Северный филиал Первого банка внешних миров.

После прошлогодней гибели четырех своих Вольных стрелков Робин Гуд должен был действовать осторожнее, однако атака совершилась, по обыкновению, дерзко. Транспорт остановили, охрану среди белого дня на глазах у зевак изолировали, деньги быстро перегрузили в два спортивных флитера, разлетевшихся в разные стороны. Никто не пострадал, ни один очевидец не смог опознать налетчиков в голографических костюмах, которые не оставили после себя никаких следов, кроме обычной стрелы с вырезанной на стволе надписью.

Когда разнеслась весть о налете, люди высыпали во дворы и на улицы в ожидании дождя из марок. Но его не последовало, и власти заподозрили, что либо Робин Гуд на сей раз украл деньги налогоплательщиков для своих собственных нужд, либо налет — дело рук умного подражателя.

Народ упорно ждал целый день. Имперская охрана тоже. Увы! Робин так и не появился. Многие наконец разошлись по домам, но и немало верящих горожан по-прежнему стояли в темноте. Впрочем, начинало казаться, что полиция права — денежного дождя не будет.

Тут и произошло событие. После долгого перерыва в полтора года сегодня в 17.5 небеса над Примус-Сити разверзлись, и на жаждущее население полились марки. Дождь оказался гораздо слабее прежнего, когда в воздух просыпалось шестьдесят миллионов; нынешняя сумма раза в четыре меньше. Но поднявшиеся в каждом городском квартале приветственные счастливые крики свидетельствовали, что жители Примус-Сити и тому рады.

Если позволите скромному репортеру сделать пару замечаний, по-моему, весьма прискорбно, что столь многие наши граждане унизились до терпеливого ожидания денег, украденных каким-то шарлатаном Робин Гудом. Воровством и дешевой показухой проблем не решить. Истинное решение найдет руководство Империи. Вот где нам следует его искать, а не в темных ночных небесах.

Теперь переходим к другим новостям. С Земли сообщают, что Эрик Бедекер, крупный магнат горнорудной промышленности, не отступает. Избавившись от внеземной собственности, он распродает земную — миллионы квадратных метров земли на пяти континентах планеты. А если вам кажется, будто земля во внешних мирах чересчур дорогая, посмотрите на земные цены! Эрик Бедекер уже собрал беспрецедентный в финансовой истории человечества ликвидный капитал. Пока нет никаких сведений о том, что он с ним делает. Межзвездное финансовое сообщество сгорает от любопытства.

Кстати, о любопытстве: наблюдателей на Троне сильно заинтересовало неожиданное возвращение министра финансов Крагера из отпуска, который он проводил на юге. Что-то готовится во внутренних кругах Империи? Ну, посмотрим...»

— Джентльмены, — начал Хейурт, стоя за своим креслом справа от Метеп VII, — у нас неприятности. Крупные неприятности.

Вздохов протеста и отрицания не последовало. Совет Пяти знал, что Империя в беде, и ни один из его членов не имел ни малейшего представления, как поправить сложившееся положение. Всем коллективом могли делать лишь то, что всегда делали, удвоив, утроив усилия. В данный момент с надеждой смотрели на Хейурта.

— Надеюсь, все вы прочли сообщение, которое я разослал каждому прошлым вечером со специальным курьером. И теперь вам известно, почему сокращаются наши импортные поставки зерна. На Земле у меня надежные информаторы. Если они говорят, что земляне вывели фотосинтетический скот,

значит, это правда, уверяю вас.

— Хорошо, — сказал Камберленд из Управления сельскохозяйственных ресурсов. — Я ознакомился с сообщением и признаю такую возможность. Ясно, что это означает для моего департамента и для наших фермеров. Хотя непонятно, чем это так уж грозит остальным.

— Эффектом домино, — объяснил Хейуорт. — Если мы будем экспортировать меньше и меньше зерна, которого почти во всех внешних мирах достаточно для удовлетворения земных запросов, то общая производительность внешних миров значительно сократится. Что повлечет за собой снижение доходов и соответственное снижение налоговых поступлений. В результате у Империи станет меньше денег.

И это еще не все. Падение доходов в аграрных мирах приведет к сокращению занятости. Что означает рост безработицы. Все больше и больше бывших работников неизбежно перейдут из категории налогоплательщиков в категорию льготников.

Следовательно, расходы Империи возрастут, тогда как доход сократится. Естественно, мы будем просто наращивать денежную массу в соответствии со своими потребностями. Но нам потребуется столько, что денежная масса чересчур быстро вырастет, резко обострив инфляцию. Порочный круг круче закрутится: инфляция съест сбережения, людям нечего будет класть в банки. Банки, оставшись без денег, не смогут выдавать ссуды и займы, остановится строительство, прекратится экономический рост. Что приведет к дальнейшему увеличению безработицы. Поэтому нам придется тратить еще больше денег. В связи с инфляцией все больше народу получает право пользоваться такими благотворительными программами, как выдача бесплатных талонов на питание. — Он покачал головой. — Программа продуктовых талонов жрет марки точно с такой же скоростью, с какой мы их печатаем. Отчего растет инфляция, отчего растет безработица, отчего... Ну, мысль вы уловили.

Камберленд кивнул:

— Понятно. Значит, надо попросту взять инфляцию под контроль.

Хейуорт улыбнулся, а Крагер на дальнем конце стола громко расхохотался.

— Хорошо бы. Мы только что превысили двадцать один годовой процент, хотя официально признаемся в пятнадцати. Чтоб замедлить инфляцию, Империи нельзя тратить больше той суммы, которую составляют полученные налоги. Надо либо повышать налоги, о чем не может быть даже речи, либо сокращать имперский бюджет. — Главный советник весело подмигнул Камберленду. — Начнем с фермерских субсидий?

— Невозможно! — Камберленд одновременно вспыхнул и побледнел. — От этих субсидий зависит множество мелких фермеров!

— Тогда с чего начать? С пособия по безработице? С продуктовых талонов? При таком количестве льготников мы рискуем увидеть полномасштабные голодные бунты. Причем, именно опасаясь общественных беспорядков в ближайшем будущем, я бы не посоветовал сокращать расходы на оборону.

— Предлагаю на следующие полгода заморозить денежную массу, — взял слово Крагер. — Естественно, возникнут определенные негативные последствия, но рано или поздно мы будем вынуждены на это пойти — почему ж не сейчас?

— Ох, нет, ни в коем случае! — запротестовал Метеп VII, дернувшись в кресле. — Разразится экономический кризис! — Он покосился на Хейурта, ожидая подтверждения.

Белоснежная голова кивнула.

— Глубокий и долгий. Дольше и глубже любого, какой мы осмеливаемся вообразить.

— Вот! Видите? — воскликнул Метеп. — Кризис. Во время моего правления. Ну, разрешите уведомить вас, джентльмены, что я желаю занять видное место в анналах истории человечества вовсе не в качестве того самого Метепа, администрация которого впервые устроила во внешних мирах Великую депрессию! Нет, спасибо! Пока я сижу на троне, выпуск денег не остановится, никакого кризиса не будет. Наверняка есть другой путь, и мы его найдем!

— По-моему, нет другого пути, — заявил Крагер. — Собственно, мы в Министерстве финансов дошли до того, что серьезно поговариваем об изменении соотношения мелких и крупных купюр. Может быть, даже вообще откажемся от купюры в одну марку. Может быть, даже возникнет необходимость в выпуске «новых марок», которые будут обмениваться на десять «старых». При этом хотя бы сократятся расходы на печатание денег, по которым можно составить хорошее представление о скорости увеличения денежной массы.

— Мы не найдем выхода, упорно ограничиваясь простыми очевидными решениями, — прекратил дебаты Хейурт. — Если заморозить или даже существенно снизить рост денежной массы, столкнемся с массовыми банкротствами и неслыханным витком безработицы. Если же будем двигаться прежними темпами, к чему-нибудь придем по пути.

Метеп VII обмяк в кресле.

— Наверно, это значит, что в истории я останусь Метепом, который довел Империю до экономического кризиса. В любом случае проиграю.

— Может быть, не проиграешь. — Хейурт не повышал голоса, но слова его четко прорезались сквозь посторонние разговоры, которые сразу смолкли.

— У тебя есть идея? Решение?

— Нет, всего-навсего маленький шанс, Джек. Без всяких гарантий, причем всем придется напрячься как следует. Хотя, если повезет, можно выкарабкаться. — Он встал и принялся расхаживать вокруг стола заседаний. — Во-первых, надо известить граждан, что на Земле найден новый источник белка, только представить дело не как великое биологическое достижение, а как коварный ход, рассчитанный на подрыв экономики внешних миров. Необходимо привлечь на свою сторону общественное мнение, соответственно его настроив, попросить всех и каждого пойти на жертвы ради борьбы со спровоцированной Землей инфляцией. В качестве временной меры установить жесткий контроль над ценами и заработной платой. Всякого, кто попытается обойти его, объявлять пособником Земли. Если нарушителей не испугают законные санкции, испугает нажим со стороны общественности. И, как всегда, натравить профсоюзы на предпринимателей...

— Это не выход! — возразил Крагер, оглядываясь на проходившего мимо Хейурта. — Даже не новое решение, а карательная мера, которая долго никак не продержится! Пробовали уже к ней прибегнуть, и ничего хорошего не получилось.

— Пожалуйста, дайте договорить до конца, — с максимально возможным спокойствием попросил Хейурт. Тайная вражда между главным советником и министром финансов снова вышла наружу. — Мое предложение никогда не испробовалось. Если мы преуспеем, то станем героями не только в истории внешних миров, но и в истории всего человечества. Я предлагаю программу «Персей».

Он оглядел стол заседаний. Все с пристальным вниманием смотрели на него. Хейурт вновь зашагал.

— С тех пор как на этой планете высадились наши предки, мы перехватываем массу радиосигналов из соседней ветви галактики. Несомненно, ее населяют разумные существа, обладающие высокоразвитой технологией. Туда были посланы несколько разведывательных кораблей и ни один из них не вернулся. Там

холодно, темно и пусто. Это столь же безнадежно, как в поисках признаков жизни сбросить с единственного исследовательского корабля единственного представителя вида перепончатокрылых в атмосферу планеты, где растёт единственный цветок, поджидая какое-нибудь насекомое. Но если выпустить в свободный полёт в точно рассчитанных направлениях весь отряд насекомых, шансов на успех будет неизмеримо больше. Поэтому вот что нам надо сделать: отправить целый флот разведывательных кораблей и вступить в контакт с теми или с тем, что находится в другой ветви галактики.

Судя по выражению лиц, его единодушно приняли за ненормального. Дейро Хейуорт был готов к этому. Он ждал первого вопроса, заранее зная и сам вопрос, и то, что задаст его либо Камберленд, либо Беде.

Оказалось, что Камберленд.

— Вы с ума сошли? Что это нам даст?

— Торговлю, — объяснил Хейуорт. — Там перед нами откроются новые рынки. Последние расчёты свидетельствуют, что в дальней галактической ветви Персея существует другая инопланетная раса. До нее чертовское множество световых лет, но, постаравшись, можно добраться. Тогда у нас появятся миллиарды новых потребителей!

— Потребителей чего? — спросил Метеп. — В неограниченном количестве мы можем продавать лишь зерно. Вдруг они не едят хлеб? Даже если едят, что я считаю невероятным, почему ты думаешь, будто они его станут у нас покупать?

— Ну, в данный момент зерна у нас в избытке, — вставил Камберленд. — Позвольте сказать...

— Забудьте о зерне! — возбужденно воскликнул Хейуорт. — С кем я разговариваю — с могущественнейшими во внешних мирах мужчинами или с кучкой глупых ребятишек? Где ваша прозорливость? Подумайте! Целая инопланетная раса! Мы предложим в обмен миллионы товаров, от произведений искусства до скобяных товаров, от кристаллов Лисона до куриных окорочков! Чего у нас самих не найдется, на Земле закажем. Заключим торговые договоры, став единственным агентом по поставкам всего, что использует инопланетная технология в производственных целях. Удовлетворим любые рыночные потребности! Для внешних миров наступит Золотой век благоденствия! И, — тут он улыбнулся, — вряд ли стоит вам объяснять, джентльмены, что это будет означать для нас в политическом и личном финансовом смысле...

За столом вновь поднялось бормотание, каждый принялся переговариваться с соседом, сперва тихо, потом с нарастающим энтузиазмом. Только с физиономии Крагера не сходила кислая мина.

— И чем мы за все это будем расплачиваться? На создание и снаряжение разведывательного флота требуются колоссальные деньги. Миллиарды и миллиарды марок. Где их взять?

— Там же, где мы берем другие миллиарды марок, которых не имеем, но тратим, — с печатных станков!

— Да ведь при этом инфляция взлетит до небес! — брызнул слюной Крагер. — Совсем выйдет из-под контроля! Стоимость марки уже безнадежно упала. Даже не представляю, почему она еще держится на Межзвездной фондовой бирже. Может быть, спекулянты не понимают, куда мы скатились. А идея с разведывательными кораблями окончательно нас погубит!

— Именно поэтому надо немедленно действовать! — провозгласил Хейуорт. — Пока марка еще хоть чего-нибудь стоит на Фондовой бирже. Если слишком промедлим, полученных в обмен кредиток никогда не хватит на приобретение труб для обходных туннелей и генераторов искривленного пространства, необходимых для разведывательного флота. Марка держится лучше, чем мы ожидали. Из чего я заключаю,

что игроки на Межзвездной фондовой бирже нам верят. И уверены, что мы справимся с нынешней ситуацией.

— Значит, они глупей, чем я думал, — пробормотал Крагер.

— Не смешно и несправедливо, — отрезал Хейуорт. — Вы не учли, что программа «Персей» заодно создаст рабочие места и временно стабилизирует налоговую систему. — Он вернулся на свое место рядом с Метепом. — Слушайте: это ставка в азартной игре. Я вас заранее предупредил, прежде чем приступить к изложению мысли. Может быть, самая крупная ставка в истории человечества. На кон поставлено будущее Империи и наша политическая карьера. Если б я видел другой способ, то, поверьте, испробовал бы. Лично мне абсолютно плевать на контакты с инопланетянами в ветви Персея. Только в данный момент это наша единственная надежда. Если нас ждет успех, стоит смириться с любым витком инфляции, возникшим в связи с программой «Персей». Со временем он, безусловно, окупится, благодаря установленным новым торговым связям.

— А если не получится? — спросил Метеп. — Если поисковые корабли пропадут? Или найдут лишь руины погибшей цивилизации?

Дейро Хейуорт с подчеркнутой небрежностью передернул плечами:

— Если не получится, через пять лет каждый житель внешних миров будет плевать при упоминании наших имен. А Земля через десяток лет вновь заявит претензии на руководство внешними мирами.

— А если мы ничего не предпримем? — спросил Метеп, опасаясь ответа.

— Произойдет то же самое, но плевать станут лет через десять, а Земля снова будет командовать внешними мирами через двадцать. Посмотрим фактам в лицо, джентльмены. Возможно, ничего не выйдет, но я не вижу альтернативы. И во всем будем мы виноваты...

— Я ни в чем не виновен! — воскликнул Крагер. — Постоянно предупреждал, что в один прекрасный день...

— И продолжали делать свое дело, старина, — скривив губы в усмешке, оборвал его Хейуорт. — Печатали все больше и больше денег. Покрикивали, но делали дело. Если б ваши возражения имели под собой хоть какие-то основания, вы давно бы подали в отставку. Тем не менее остались с нами и вместе с нами рухнете, если попытка провалится! — Он оглянулся на остальных: — Будем голосовать, господа?

Впервые на своей памяти Ла Наг обрадовался, видя Брунина. Вместе с доком Заком и Рэдмоном Сейерсом ждал его в складской конторке всю ночь до рассвета. Вечерний сброс денег прошел столь же гладко, как утренняя кража. Дела идут вроде неплохо — по крайней мере, революционные планы продвигаются по расписанию, и довольно удачно. Слишком удачно. Постоянно ждешь ответного удара, надеясь, что сумеешь его отразить. Вряд ли сегодняшнее совещание Метепы с Советом Пяти способно нанести подобный удар. У Империи больше нет выхода. Что бы руководство ни предпринимало, как бы ни старалось, ему неизвестен смысл действий Бедекера на Земле. Империя обязательно рухнет. То, что по плану делает Бедекер, позволяет Ла Нагу определить точную дату, скорость и силу эффекта крушения. То, что по плану делает Бедекер, гарантирует такой сильный эффект, что от трупа ничего не останется.

— Ну, что решили на совещании? — нетерпеливо спросил Ла Наг, как только Брунин появился в конторе.

— Ничего, — оскалился тот сквозь бороду. — Сплошная пустопорожняя болтовня. Вы даже не поверите, что они собираются делать после долгих тайных переговоров.

— Тратить деньги, конечно, — ответил Зак.

— Конечно, — кивнул Сейерс. — А на что?

— На разведывательные корабли! — Брунин оглядел недоуменные лица. — Именно на разведывательные корабли. Я же вам говорил — не поверите.

— Но зачем же, во имя Ядра? — озадаченно спросил Сейерс.

— На поиски инопланетян. Хейуорт хочет прыгнуть в соседнюю ветвь галактики и продавать инопланетянам всякое барахло. Твердит, будто их там полно и они могут спасти Империю!

Зак и Сейерс расхохотались вместе с Брунином. Вся троица захлебывалась от смеха, колотя кулаками по ручкам кресел, пока не заметила, что Ла Наг даже не улыбнулся. Напротив — тревожно нахмурился.

— Что с вами, Питер? — спросил Сейерс, прервавшись, чтобы отдышаться. — Вы когда-нибудь слышали столь смехотворную мысль?

Ла Наг отрицательно покачал головой:

— Никогда. Но она может все погубить.

— Каким образом...

Ла Наг перевел взгляд с репортера на Брунина:

— Когда начнут готовить корабли?

— Как я понял, немедленно.

— И кто этим займется — военные или гражданские ведомства?

— Гражданские. Управление по экспорту зерна.

— Кто будет контролировать действия?

Брунин вопросительно посмотрел на него. Озабоченность Ла Нага настораживала.

— Не понял...

— Кто будет обеспечивать обратную связь? Корабли-разведчики должны кому-то докладывать обо всем, какому-то нервному центру, координирующему их действия...

— Наверно, какому-нибудь единому центру связи в экспортном Управлении... Туда поступают сведения о гондолах с зерном, которые собираются в эшелон. Там имеется необходимое оборудование.

Ла Наг встал и прошелся по комнате.

— У тебя там есть кто-нибудь?

Брунин кивнул, Ла Наг продолжал допрашивать:

— Много?

— Один человек.

— Надо больше! Внедри в центр наших людей.

— Это не так-то легко. Поставки зерна сокращаются, связистов увольняют. Работы немного...

— Если понадобится, подкупи, попроси, пригрози... Делай все, что угодно, только чтобы в центре связи постоянно дежурили наши сторонники.

— Зачем? — поинтересовался Сейерс.

— Затем, чтоб я первым узнал о том, что обнаружат разведывательные корабли. И если мне не понравится то, что они обнаружат, Совет Пяти должен как можно позже об этом узнать.

Док Зак, сидя в кресле, насмешливо хмыкнул.

— Неужели вы действительно думаете, будто с какими-то инопланетянами можно наладить торговлю в таком масштабе, который восполнит ущерб, уже нанесенный Империей экономике, и окупит дорогостоящую разведывательную экспедицию? Позвольте мне, профессиональному экономисту, заявить, что на то не имеется ни малейшего шанса.

— Это я понимаю, — кивнул Ла Наг, стоя посреди кабинета.

— А тогда почему паникуете? Зачем, понимая это, твердите, будто дело может погибнуть?

— Меня не волнует торговля с любыми где-либо нашедшимися инопланетянами. Меня беспокоит, как бы при этом не рухнули все наши планы, а Метеп с Империей снова не получили единственный шанс на спасение. Уж вы-то, доктор, должны понимать, о чем речь.

Док Зак на секунду нахмурился, потом, побледнев, вытаращил глаза:

— Ух ты, черт побери!

ТОМ IV		НОМЕР I
ХРЕСТОМАТИЯ РОБИН ГУДА		
ТРИ ПРАВИЛА ПОЗИТИВНОГО ГРАЖДАНСТВА		
1) Гражданин не должен причинять вред Государству — непосредственно или в результате бездействия.		
2) Гражданин должен подчиняться установленным Государством законам, когда это не противоречит правилу первому.		
3) Гражданин вправе защищать свою жизнь в пределах, не противоречащих правилам первому и второму.		
При несогласии с чем-нибудь вышесказанным немедленно загляните в ближайшую общедоступную библиотеку.		
В библиотеку? Именно в библиотеку. Разъяснения последуют дальше.		
Экономический прогноз погоды		
ИНДЕКС ЦЕН (принимая за базовый (100) 115-й год существования Империи, когда имперская марка стала законным платежным средством)		
ДЕНЕЖНАЯ МАССА (МЗ)	219,7	2612,4
УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ	14,9%	
	Имперские марки	Солнечные кредитки
ЗОЛОТО (тройская унция)	502,1	133,2
Серебро (тройская унция)	29,6	6,3
Хлеб (буханка в 1 кг)	1,08	1,71

Часть третья

УСПР — ПРЕЖДЕ ВСЕГО

ГОД ЖАТВЫ

Глава 16

Хочешь стать невидимкой? Не думай о себе два года, и никто тебя уже не заметит.

Старая испанская пословица

— Мясо? — воскликнула Салли, переводя взгляд с лежавшего на столе куска ростбифа на мужа. — Где же ты его взял?

— Купил.

Венсан Стаффорд улыбался. Впервые за два года хоть немного гордился собой.

— Где? Мясо нынче так просто не купишь, разве что...

— Угу, — кивнул он. — На черном рынке.

— Там талоны не принимают, а денег у нас нет.

— Есть. Я сегодня нанялся пилотом в программу «Персей».

— Хочешь сказать, на разведывательный корабль? Ох, нет! Неужели? Ведь это опасно!

— Больше я ничего не умею, Салли. Там платят тридцать тысяч марок в год. Выдали половину авансом.

— Ты будешь совершенно один... там, где раньше никто никогда не бывал...

— За то и получил премию, подписав контракт. Управлять одноместным кораблем легко. Самое главное — в совершенстве владеть искусством навигации. А я им в совершенстве владею. Лучше меня никто не справится. Я должен был взяться за это. — Лицо его чуть омрачилось. — Пожалуйста, пойми. Нам нужны деньги... но главное — мне необходима работа.

Салли взглянула на мужа, хорошо понимая, что ему требуется работа, чтобы не чувствовать себя никчемным, снова чем-нибудь управлять, хотя бы крошечным разведывательным кораблем в неизведанной черноте меж ветвями галактики. Она хорошо понимала, что спорить бесполезно. Он подписал контракт, взял аванс, улетает. Надо помочь ему от всей души.

Она поднялась и поцеловала его.

— Ладно, давай приготовим то самое мясо.

«...снова вести с Земли насчет Эрика Бедекера, крупного магната горнорудной промышленности. По слухам, он только что продал свою сказочную усадьбу на летающем острове, которая досталась победителю самого фантастического на общей памяти аукциона. Насколько известно, она представляет

собой последнюю ликвидированную собственность Бедекера, уединившегося теперь неведомо где.

В итоге один из крупнейших в истории человечества товарных капиталов полностью переведен в денежный. Любопытный вопрос: хранится ли он для дальнейшего употребления или тайком вкладывается в другую собственность? Ответ знает один Эрик Бедекер, которого никто не может найти.

А у нас, во внешних мирах, идет по графику подготовка к осуществлению программы «Персей». Команда из горстки героев-кандидатов — в основном невысокой квалификации — укомплектована, осталось лишь построить крошечные разведывательные корабли...

Вновь и вновь повторяются старые споры, которые до тошноты надоели Брунину и каждому прочему. Ла Наг по-прежнему отказывается объяснять, к чему идет дело. Обещал рассказать к концу года, а Брунин хочет слышать сейчас. Док Зак с Сейерсом тоже. Даже у флинтеров не особо уверенный вид.

— Что ж мы *сделали*? — допытывался Брунин. — Инфляцию сама Империя раскрутила, док говорит, что до полного краха еще десять лет. Разве можно так долго ждать?

— Империя развалится через два года, — спокойно и непреклонно заявил Ла Наг. — От нее не останется даже следа на Троне и вообще во внешних мирах.

— А док считает, такого быть не может. Правда, док? — Брунин обратился за подтверждением к Заку, и тот неохотно кивнул. — А он специалист. Я его слову верю больше, чем твоему.

— При всем моем уважении, — отвечал Ла Наг, — он не имеет некоторой информации, которая мне известна, и поэтому не сумеет дать точный прогноз. Если б имел, подтвердил бы, что крах Империи последует через два года, если не меньше.

— Ну так дайте мне эту самую информацию! — воскликнул Зак. — Чертовски мучительно сидеть в полном неведении.

— В конце года все узнаете. Обещаю.

Судя по выражению лица дока Зака, ему хотелось услышать иной ответ. Брунин отошел назад, наблюдая за присутствующими, сдерживая одобрительную улыбку. Видно, что руководство движением начинает выскальзывать из рук Ла Нага. Установленные им жесткие правила поведения, отказ объяснить кому-нибудь точный характер революционного плана вызывают недовольство в рядах. Значит, у Брунина есть шанс снова выйти вперед, разыграть представление так, как оно должно быть сыграно.

— Мы боимся, как бы не вмешались земляне, Ла Наг, — вставил кто-то из флинтеров.

Брунину пришлось прищуриться, чтоб разглядеть, мужчина или женщина. С забранными в хвост волосами, красными кружками на лбу, в робах и портупях похожи на близнецов. Заметил грудь под хламидой. Канья.

— Да, — подтвердил Сейерс. — Я уверен, что в данный момент Земля планирует, когда и как вмешаться и взять верх.

— И я в этом уверен, — сказал Ла Наг, адресуя ответ молчаливым стоявшим фигурам Йозефа и Каньи. — Но Земля тоже рассчитывает, что Империя утонет в своих собственных марках через десять-двенадцать лет. Крах через два года застанет землян врасплох. Пока они что-нибудь организуют, шанса уже не будет.

— Но каким образом можно устроить столь быстрый крах? — выдавил сквозь зубы док Зак.

— В конце года узнаете.

На том собрание закончилось, недовольные участники расходились поодиночке, не сразу, через

разные выходы. Приняли только одно решение — отложить на время следующий налет Робин Гуда, пока контрабандой не будет доставлено новое приспособление, заказанное флинтерами в их родном мире. Они сами организовали доставку, которая ожидалась со дня на день. Тогда Вольные стрелки получают возможность грабить совсем иным способом. От обычных пришлось отказаться, ибо любое транспортное средство, хоть немного напоминавшее инкассаторский грузовик, усиленно охранялось. В последний раз имперскую охрану застали врасплох исключительно благодаря долгому перерыву между вторым и третьим налетами. Похоже, больше она зевать не собирается.

Брунин смотрел на двух флинтеров, стоявших у передних дверей в ожидании своей очереди на выход. Какой бы страх они в него ни вселяли, он все-таки бесконечно ими восхищался. Видел в них не людей, а оружие, прекрасно изготовленное и ухоженное, ошеломляюще эффективное. Смертоносные автоматы. Хорошо бы обзавестись таким. Набравшись храбрости, он приблизился к ним.

— Какие у вас планы на вечер? — Они взглянули на него, но не ответили. — Если никаких, может, сходим куда-нибудь, выпьем? Мне с вами надо кое-что обсудить.

— Заранее было условлено, — сказал Йозеф, — что нас не должны видеть друг с другом за стенами склада. Кроме тех, кто вместе живет.

— Ох, да это ж идея Ла Нага. Вы же знаете, он просто старая баба! Давайте...

— Прошу прощения, — оборвал его Йозеф, — у нас есть свои планы на вечер.

Он дотронулся до пояса, активировал голографический костюм, спрятавший облик флинтера под внешностью неприметного мужчины средних лет. Канья сделала то же самое. Оба повернулись и вышли, не сказав даже «как-нибудь в другой раз».

Брунин следил, как они шагают по улице в сгущавшейся темноте. Вокруг больше ни одного пешехода. По ночам улицы Примус-Сити принадлежат варварам. Уже плохо, когда на тебя нападают, обкрадывают и ударают голодные, пропавшие, отчаявшиеся, которым больше ничего не осталось. А ведь есть еще те, кого сломала, унизила и обидела жизнь, кто слишком часто был вынужден отступать и поэтому теперь нуждается в доказательстве, что он лучше других — лучше всех. Им необходимо поставить кого-нибудь на колени и просто пару минут посмотреть, как у них под ногами корчится от боли и страха другое человеческое существо. Ощущение власти над чужой жизнью, прежде чем ее уничтожить, на свой извращенный лад доказывает, что они распоряжаются своей собственной, хотя это нисколько не соответствует истине.

Брунин, качая головой, смотрел вслед двум усталым и слабым с виду фигурам, шаркавшим в сумерках, — сколько свежего мяса для голодного! Жалко хулигана, который вздумает броситься на эту парочку.

По импульсивному побуждению он решил проследить за ними. Чем флинтеры занимаются в свободное время? Где живут? Последнее быстро выяснилось. Канья с Йозефом вошли в дешевый многоквартирный дом в близком от склада квартале. Брунин еще немного понаблюдал, увидел вспыхнувший свет в окне на восточной стене на третьем этаже, которое тут же стало непрозрачным. Позволив себе минутку пофантазировать, он праздно гадал, применяется ли оружие и борьба в их сексуальных играх точно так, как во всей остальной повседневной жизни?.. И отбросил дальнейшие размышления на эту тему, заметив флистер стандартных размеров, поднявшийся с крыши дома и повернувшийся направо. Внутри видны две фигуры, обе неузнаваемые, но определенно мужская и женская. Интересно...

Не имея в своем распоряжении флитера, Брунин вынужден был беспомощно стоять и смотреть, как они улетают. Наверно, отправились за новым приспособлением для грабежа. Хорошо бы узнать, каким

образом флинтеры с легкостью доставляют на Трон контрабанду. Когда-нибудь в будущем эти сведения пригодились бы. А он торчит столбом на улице. Во всем, как обычно, Ла Наг виноват. Должен был позаботиться и обеспечить каждого персональным флитером. Брунину не позволено иметь флитер, поскольку он живет на пособие по безработице — по крайней мере, официально числится безработным, — а на пособие личный флитер не купишь. Без конца летая вокруг в одном и том же корабле, привлечешь к себе нежелательное внимание.

Впрочем, одно можно сделать — зайти в дом и проверить, там ли Канья с Йозефом. Он перешел улицу, вошел в подъезд, поднялся в пневмоподъемнике на третий этаж. Вычислил расположение квартиры по осветившемуся раньше окну, подкрался к двери, нажал на входную пластину. Индикатор не загорелся, значит, либо в квартире нет никого, либо ее обитатели не желают, чтоб их беспокоили.

Брунин повернулся с облегченным вздохом и опять направился к подъемнику. Конечно, тот факт, что дверь не открыли, еще не означает, будто в улетевшем флитере сидели Канья и Йозеф, но, по крайней мере, и не опровергает такую возможность. Теперь надо подняться на крышу, на взлетно-посадочную площадку, и ждать. Если вернутся сегодня, может, удастся выяснить, где были. Он сам не знал, что ему это даст. Скорее всего, ничего. Но идти некуда, никто нигде его не ждет, ему ни с кем быть не хочется, и, насколько известно, никому с ним не хочется быть. Точно с таким же успехом можно провести ночь на крыше, как в четырех стенах своей комнаты на другом конце города.

Ожидание оказалось недолгим. Только он подыскал удобное местечко в углу за автономными солнечными батареями, только устроился в дозоре, крышу сверху осветили посадочные огни. Тот самый виденный раньше флитер сел на свое место, появилась знакомая пара среднего возраста. Первая фигура внимательно огляделась вокруг. Убедившись, что никого нет на крыше, кивнула другой, и они вместе вытащили из кабины две коробки, одну большую прямоугольную, другую поменьше, кубическую. Подхватили с двух сторон большую коробку, на которую поставили маленькую, нырнули в дверь подъемника и исчезли.

Вот так. Брунин сидел и горько думал, зачем, во имя Ядра, он забрался на крышу. Чтобы поглядеть, как двое замаскированных флитеров выгрузили пару коробок? Насчет способа контрабанды известно несколько не больше, чем раньше. Расстроенный и усталый, он дождался, пока флинтеры спокойно запрутся в квартире, потом спустился прямо на улицу и направился к ближайшей монорельсовой станции.

Ужасающая ломота в полностью онемевшем теле во время вылета в реальное пространство и отчаянная бомбардировка нервной системы со всех сторон были почти приятными знакомыми ощущениями. Венсан Стаффорд совершил первый длинный прыжок в своем разведывательном корабле. Тошнота, обычно поджидавшая на входе и на выходе из подпространства, прошла незамеченной, сглаженная волной ликующего торжества. Он снова живет. Он свободен. Властвует над самой реальностью.

Испытывая благоговейный восторг, он через несколько секунд встряхнулся и принялся за работу. Проверил показания приборов, приготовил маяк к сбросу и запуску. Маяк должен посылать осциллирующие сигналы подпространстве иного лазера по направлению к радиопередатчикам в ветви Персея, а в реальном пространстве — простые ритмичные звуковые сигналы. Стаффорд считал последнее бесполезным — делая прыжки в подпространстве, он будет далеко обгонять звуковые сигналы, но, раз так велит руководство нового имперского Управления межпланетных исследований и контактов, пускай получает.

А вот мысль снабдить маяк подпространственным лазером неплохая. Если радиопередатчики действительно принадлежат другой межзвездной расе, которая доросла до создания

подпространственной технологии, сброшенные им и его товарищами маяки начертят в небесах расчетный зигзаг, проложат безошибочный след для любого обладателя соответствующей аппаратуры слежения. Будем надеяться, что какой-нибудь представитель той самой расы вычислит курс корабля, вышлет группу встречающих, которые после очередного прыжка будут поджидать на выходе в реальное пространство.

Тут Стаффорд призадумался. Если вдруг инопланетяне выберут его корабль для контакта, на него ляжет неслыханная ответственность. Какая-нибудь непоправимая ошибка беспомощного пилота разведывательного корабля может испортить, а то и навсегда погубить будущие отношения между человечеством и инопланетянами. Не хочется оказаться этим самым пилотом. Вполне можно прожить и без славы первооткрывателя. Надо просто сделать свое дело, и сделать его хорошо, потом в целости и сохранности вернуться на Трон.

В целости... Вот в чем суть проблемы. В ближайшие месяцы предстоит еще много прыжков, гораздо больше, чем за годы службы навигатором на транспортировке зерна. Вход в искривленное пространство всегда рискован, даже для самого опытного космолетчика. Разрывается сама материя, естественная кривизна пространства сводится к острому углу, прыгаешь по укороченному отрезку, появляясь за световые годы от стартовой точки. Разведывательные корабли маленькие, хрупкие. Иногда они не выходят из подпространства, теряются в кривизне, навеки замкнутые в безликой двухмерной серости.

Стаффорд передернулся. С ним ничего подобного не случится. Другие разведывательные корабли летали сюда, в пустоту между двумя галактиками, и не возвращались. А он вернется. Должен вернуться. Салли ждет.

— Старый фокус с «черным ящичком», а? — спросил док Зак, сидя в углу на месте, которое неофициально числилось за ним, когда они встречались в конторке на складе.

— Да, — улыбнулся Ла Наг, — только такого черного ящичка вы никогда не видели.

— И что это такое? — поинтересовался Сейерс.

— Машина времени.

— Ну-ка, постойте минуточку, — встрепнулся Зак. — Эксперименты Барского доказали невозможность перемещений во времени.

— Не невозможность, а непрактичность. Барский с коллегами обнаружили, что способны перемещать предметы во времени, но не могут скорректировать их положение с движением планеты в космосе. Поэтому объект, отправленный в прошлое, неизменно оказывается где-то в другом месте пространства.

Сейерс затряс головой, словно желая ее прояснить.

— Помню, об этом сообщалось когда-то, хотя не скажу, чтоб я что-нибудь толком понял.

Брунин почти не обращал внимания на беседу. Его больше интересовало местонахождение большой коробки, которую флинтеры выгрузили из своего корабля прошлой ночью. Сюда с собой принесли только маленькую, с чего и пошел бессмысленный разговор о путешествиях во времени. А большая где?

— Позвольте мне так объяснить, — начал Ла Наг. — Всякий объект находится в некой точке пространства и времени, верно? По-моему, можно принять это за данное. Аппарат Барского изменяет только временную точку, а пространственная остается фиксированной.

Сейерс поднял брови.

— А, понял! Поэтому она в конечном счете оказывается в межпланетном пространстве.

— Ну а я не понял, — отрывисто бросил Брунин, досадуя, что отвлекся на посторонние мысли. — Почему что-то, отправленное назад во времени, обязательно должно исчезнуть с планеты?

Ла Наг с максимальной терпеливостью продолжал:

— Потому, что в каждый данный момент ты находишься «здесь» и «сейчас» в пространственно-временном континууме. Аппарат Барского изменяет только «сейчас». Если мы отправим тебя на десять лет назад, «сейчас» изменится на «тогда», но в пространственном смысле ты по-прежнему останешься «здесь». А десять лет назад Трон находился за миллиарды километров отсюда. Десять лет назад его не было в этой точке пространства. Поэтому исследователи ни разу не сумели вернуть предметы, перемещенные во времени. Согласно теории Барского, дело именно в этом.

Брунин решил не выставляться идиотом, задавая дальнейшие вопросы.

— Ну, если тебе вздумалось с помощью этой штуковины послать меня или еще кого-нибудь в прошлое, лучше позабудь об этом. — Он сознательно старался произвести впечатление, будто выступает против Ла Нага от имени всех присутствующих. — Ничего подобного мы не позволим ни тебе, ни кому другому.

Ла Наг рассмеялся ему в лицо, не презрительно, а с искренним изумлением, что, однако, не смягчило оскорбления.

— Нет, людей мы не собираемся никуда посылать. Просто чуточку имперских денег.

Было абсолютно ясно сказано, что по окончании своей маленькой миссии Брунин должен вернуть флитер Ла Нагу. Никаких развлекательных прогулок. Нарушив какое-нибудь правило воздушного движения, он будет задержан и вынужден отвечать на массу вопросов, объясняя, откуда у безработного взялся собственный красивый новенький спортивный флитер. Выяснится, что тот принадлежит Ла Нагу, и служба безопасности выйдет на след. Чего любой ценой нельзя допускать.

Однако Брунин не видел в прогулке ничего развлекательного. Даже если бы видел, вряд ли остановился бы перед риском навлечь на себя недовольство Питера Ла Нага. Ему было поручено доставить машину времени Барского в маленьком черном ящике Эрву Сингу на западное побережье и передать инструкции Ла Нага. Следующий груз денег придет лишь на следующей неделе. Эрэв должен дожидаться нужного момента и установить ящик, как запланировано. Как только все будет готово, сообщить Брунину. Задание выполнено, остаток вечера свободен.

Уже на подлете к импортному складу Ангуса Блэка в голову вдруг ударила мысль, что сейчас как раз представился идеальный случай подкараулить флитеров. Брунина до сих пор терзала другая коробка, выгруженная той ночью на крыше дома. Воспоминание о том, как бережно они с ней обращались, зудело, словно недостижимый кусок кожи между лопатками.

Не сразу удалось найти с воздуха многоквартирный дом, но, проследовав вдоль улиц, по которым тогда шел за ними, он обнаружил знакомую с виду крышу. Флитер стоит на месте. Брунин покружил в темноте, отыскал на соседней крыше место для посадки. Выделил на все про все ровно час. Если к тому времени не появятся, пиши пропало. Не стоит заставлять Ла Нага чересчур долго ждать.

Просидел целый час, потом еще немного. Лишнее время потратил нечаянно. Сунул под язык таблетку торпорала, чтобы снять напряжение в неудобном пилотском кресле, и отключился. Окончательно очнулся, когда в щелки между сомкнутыми веками просочились мигнувшие огоньки. Поднявшийся с соседней крыши корабль начинал удаляться во тьму, выключив ходовые огни. Тот самый, в котором прошлой ночью улетели флитеры. Теперь Брунин по-настоящему заинтересовался.

Оставив включенными свои собственные ходовые огни, он взлетел в воздух, быстро забрался выше уровня, на котором, предположительно, останутся флитеры. Не видя их огней, упустил бы через

несколько километров. Остается единственная надежда — держать корабль под наблюдением сверху под множеством шаров, освещающих Примус-Сити. Над городом можно его незаметно преследовать, держась повыше и чуть позади. Если вдруг вылетит за город, что-нибудь придумаем.

Впрочем, флитер летел над городом, двигаясь к самому центру Имперского парка. Над парком возникли небольшие проблемы из-за слишком слабого по сравнению с жилыми кварталами освещения. Брунин лишь по счастливой случайности заметил, что корабль опустился среди самой густой купы деревьев. Сам он выбрал более приемлемую посадочную площадку приблизительно в двух сотнях метров к востоку и тихо сидел, не имея понятия, что делать дальше.

Жутко хочется выяснить, чего надо флитерам в Имперском парке среди глухой ночи, но не хочется вылезать из безопасной кабины. Если уж улицы Примус-Сити становятся по ночам опасными, то Имперский парк давно стал настоящими джунглями. Ступив ногой на землю, сразу будешь добычей любого прохожего. Конечно, вполне можно справиться с одним или даже с двумя злоумышленниками. У него при себе вибронож, он умеет им пользоваться с театральным эффектом. Да нынче хулиганы рыщут по парку шайками, столкнувшись с которыми не приходится питать иллюзий по поводу своей судьбы.

Брунин нерешительно поколебался единственную минуту и вылез в темноту, заперев за собой дверцу флитера. Если хорошенько подумать, шансы, может быть, на его стороне. Возможно, удастся пройти незамеченным. Приземлился он на возвышенности, особенно густо заросшей кустарником, без естественных тропинок. Вряд ли какая-то шайка выберет такое место для удачной охоты.

Он осторожно пробирался сквозь кусты, а наполовину настигнув флитеров, лег на живот и пополз. Полз и полз. Исцарапав, разбив до синяков грудь и живот, чуть не повернул назад, решив, будто сбился с пути, — вытянутая правая рука наткнулась на пустоту. Пошарив вокруг, сообразил, что находится на краю низкого каменного утеса. Снизу справа слышалось тяжелое дыхание, хриплые стоны. Он вытянул шею, видя корабль флитеров.

Лампа под козырьком скупо освещала сцену, но Брунин различил две фигуры, толкавшие и тянувшие огромный камень. Выбываясь из последних сил, они все-таки с долгим глухим страдальческим кряхтеньем его сдвинули. Еще чуть-чуть поднатужившись, одним последним рывком поставили на ребро камень, под которым открылась прямоугольная яма. Отдышались, посмеялись, прислонившись к поднятому камню, вернулись к флитеру, рядом с которым на земле лежала большая коробка... та самая, которую они прошлой ночью выгрузили на глазах у Брунина на крышу.

Оба вытащили из поясов небольшие белые диски — Брунин на расстоянии не отличал Канью от Иозефа даже в выключенных голографических костюмах — и по очереди сунули в боковую щель. После этого диски вновь были спрятаны за пояса. Флитеры осторожно, почти с опаской понесли коробку к дыре под камнем, опустили туда и присыпали тонким слоем земли. С меньшими усилиями и звуковыми эффектами повалили камень на прежнее место.

Потом сделали что-то совсем непонятное — взглянули друг на друга, отступили от камня и пристально уставились на него. Брунин по их позам не мог разобраться, виновато, горестно или так и сяк вместе. Чуть не сверзился с обрыва в тщетной попытке разглядеть выражение лиц. Вообще, что там внизу происходит? Что находится в той самой коробке и зачем хоронить ее в Имперском парке? Если требуется просто надежное место, без проблем можно найти тайник получше. Зачем Ла Наг велел проделать фокус скрытно от группы?

Вопросы терзали Брунина на обратном пути к флитеру сквозь кусты, выскочив из головы лишь на момент последнего броска из укрытия к кораблю и максимально быстрого взлета. При наборе высоты возник еще один вопрос: а вдруг эту коробку флитеры и от Ла Нага скрыли?..

Ла Наг остановился у дверей своей квартиры, растирая руками виски. Снова головная боль, правда, на этот раз не такая уж сильная. Как только план достиг точки воспламенения, боли, кажется, реже его беспокоят и становятся не такими жестокими. И сны не посещают уж несколько месяцев. Все вроде бы выстраивается в предсказанный ряд, все находится под контролем.

Однако в уравнении остаются еще переменные величины. Самая главная — Бедекер. Вдруг подведет? Ла Наг раздраженно сморщился при этой мысли, приложил ладонь к входной плате, которая, кроме него, открывала квартиру на прикосновение Каньи и Йозефа. Дверь раздвинулась, он вошел. До сих пор горнорудный магнат буквально следовал полученным указаниям, насколько, по крайней мере, известно Ла Нагу. Полностью распродал мало-мальски ценную недвижимость и, судя по другим свидетельствам, совершает дальнейшие, не столь значительные шаги в русле предписанной ему роли. Плохо, что, может быть, Бедекер все же идет к своей цели другими путями. И надежно скрывается. Очень уж не хотелось ему доверяться, да выбора не было.

Ла Наг дождался, пока дверь задвинется за спиной, но в комнату еще не шагнул. Неплохо себя чувствовал, несмотря на головную боль. Вдохновенное расположение духа медленно крепло в течение года, полностью утвердившись сравнительно недавно. На первых порах мысль о том, что он все крепче и крепче держит в своих руках судьбу внешних миров, тяготила его с силой как минимум в пяток «g». Грядущие события в той или иной степени отразятся на существовании миллиардов людей, рассеянных по всему освоенному космосу на множество световых лет. Даже Земля пострадает. Уже погружившиеся в глубокую депрессию сельскохозяйственные миры к моменту развала Империи вернутся к бартерной экономике и ощутимо почувствуют это на собственной шкуре. А что будет с тронским народом, когда общественная структура целиком развалится почти в мгновение ока?..

Вспомнился гневный вопрос Мора: какое он имеет право? Это его страшно мучило, несмотря на готовый ответ — ради самозащиты. Впрочем, больше не мучит. Вопрос теперь в любом случае чисто теоретический. План фактически вышел на стадию, откуда нет возврата. Даже если бы Мора сумела продемонстрировать или логически доказать, что он ошибался с самого начала, уже слишком поздно. Джаггернаутова колесница^[9] стронулась с места, ее не остановишь. Можно более или менее изменить ход, чуть подправить, смягчить удар — именно для этого Ла Наг остается на Троне, — но никто, включая его самого, остановить ее теперь не сможет. Эта мысль, как ни странно, радостно волновала его.

Почему вспоминается Мора? Неясно. До сих пор удавалось удерживать мысли о ней в дальнем уголке памяти, за исключением тех моментов, когда он отправлял или получал от нее голограмму. Связь была слишком краткой и редкой, сообщения шли слишком долго... Он скучает по ней, хотя не так, как в первое время. Наверно, привык жить без нее, что когда-то считал невозможным.

Подойдя к Пьеро, сидевшему на подоконнике, Ла Наг потрогал мох у корней деревца и заметил, что тот пересох. Надо поскорей полить, может быть, даже корни подрезать. Поскорей... поскорей принять меры. Ствол держится в нейтральной позе, то есть в промежуточной между токкан и банкан, а листья необычно тусклые. При близком рассмотрении обнаружилось несколько оголившихся нижних веток с шелушившейся корой — верный признак частичной местной гибели.

Что творится с Пьеро? Или на деревце отражается какая-то душевная гниль, разъедающая самого Ла Нага? Вот одна из досадных особенностей обладания родным мисё — вечно делаешь слишком далекоидущие выводы из его позы, цвета, состояния здоровья. Впрочем, сразу ищешь причину в себе, оглядываешься на себя, что полезно всегда. Кроме нынешнего момента. Впереди много дел.

Он отломил мертвые ветки, бросил в молекулярный дезинтегратор, стоявший в углу. Безусловно, не лишняя роскошь. Ла Наг взял за правило разлагать на молекулы все, что не составляет обычного

домашнего мусора. На складе есть другой аппарат, своевременно уничтожающий все отходы от выпусков «Хрестоматии Робин Гуда» и прочей жизнедеятельности. Недопустимо погубить революцию из-за оставшейся мелкой улики.

Он направился к раковине за водой для Пьеро, неожиданно уловив краем глаза что-то мелькнувшее в дверях спальни.

— Питер, это я...

— Мора!

Он прирос к месту, буруеваемый нахлынувшими противоречивыми чувствами. Должен был всем сердцем и душой возликовать при виде ее, броситься, с тиснуть в объятиях... Но не сделал этого, испытывая недовольство ее присутствием. Ей абсолютно не следовало вот так вот появляться... она начнет вмешиваться... помешает...

— Как же ты... — пробормотал он, обретая дар речи.

— Прилетела по научной визе. Якобы для занятий исследовательской работой в библиотеке Университета внешних миров. Канья впустила меня нынче утром. — Мора нахмурилась. — Что происходит?

— Ничего.

— Я видела тебя с Пьеро. Он ведь тут твой единственный друг?

— Не совсем.

— Ты постарел, Питер. — Да.

— Сильно постарел. — Хмурость сменилась улыбкой, которая не скрывала ее озабоченной болезненной реакции на отчужденность мужа. — Выглядишь почти на свои годы.

— Где Лайна?

Мора осторожно шагнула к нему, словно боясь, что он от нее шарахнется.

— У твоей матери. Она слишком мала, чтобы встать в ряды Вольных стрелков вместе со мной.

Смысл последнего замечания дошел до ошарашенного Ла Нага не сразу.

— Ох, нет! Даже не думай!

— Я постоянно думала об этом после твоего отъезда.

Она подошла ближе, нежно взяла за руку, отчего его дернуло электрическим током, парализовало до полной неподвижности.

— Я была не права... Это единственный выход для Толивы, для Лайны, для нас... Чеканка завершена, монеты готовы к отправке...

— Нет! На Троне воцаряется хаос! Я не хочу, чтоб ты здесь находилась в момент всеобщего развала. Это слишком опасно!

Он не хотел, чтоб она находилась здесь даже в безопасный момент.

Мора мягко, испытующе поцеловала его в губы.

— Я остаюсь. Так и будем стоять и спорить или возместим два с половиной года разлуки?

В ответ Ла Наг подхватил ее на руки, понес в соседнюю комнату. Нет сил больше сдерживать голод и жажду. Потом он отправит ее домой.

Венсан Стаффорд готовился выстрелить очередным маяком в звездную бездну. Сколько сброшено? Для точности пришлось заглянуть в записи. Полет превратился в нудную автоматическую процедуру — прыжок, сброс маяка, прыжок, сброс, прыжок... Кажется, даже сами прыжки уже не так травмируют. Можно ли к таким вещам привыкнуть? Он пожал плечами. Никогда не слышал ничего подобного, хотя, может быть, так оно и случилось. Случилось или не случилось — что из того? Он проделал больше половины пути к ветви Персея. Если долетит, не дождавшись контакта, можно поворачивать и отправляться домой. Пока неплохо.

Сзади раздался гудок. Оглянувшись, он увидел мигающий огонек на коммуникационной панели. Кто-то — или что-то — пытается связаться. Стаффорд подключился, не получая ни видео-, ни аудиосигнала. Значит, входящее сообщение передается на нестандартной частоте. Все это с каждой секундой нравилось ему меньше и меньше. Он нехотя запустил поисковое устройство, которое должно поймать поступающий сигнал и настроиться на его частоту.

Долго ждать не пришлось. На вспыхнувшем видеоэкране вдруг возникла голова, какой он никогда еще в жизни не видел. Нет, стой... есть что-то смутно знакомое... собачья морда, острые желтые зубы, пучки жесткой шерсти вокруг ушей... Семейство псовых. Точно. Морда определенно собачья. Однако не хотелось бы оказаться в одной комнате с такой собакой. Хорошо, что в разведывательном корабле только плоский экран. Голограммы подобного чудища можно было бы здорово испугаться. Тела не видно — и к счастью.

— Приветствую тебя, — сказала голова на межзвездном языке с искаженным гортанным произношением, недоступным человеческим голосовым связкам.

— К-кто ты? — глупо пробормотал Стаффорд. — Где ты?

— Я — эмиссар народа тарков, — по крайней мере, послышалось что-то вроде «тарков», лающее слово с резко подчеркнутой первой согласной. — Мой корабль находится приблизительно в двух ваших километрах по корме от тебя.

— Ты говоришь на нашем языке...

Стаффорд потянулся к кормовому монитору, желая взглянуть, что за команду выслали его встречать. Экран заполнило увеличенное изображение громоздкого яйцеобразного летательного аппарата. Сначала он решил, что эмиссар недооценил расстояние, но датчики свидетельствовали о присутствии крупной массы в двух километрах по корме. Пригляделся внимательно. Определенно не мирный конвойный корабль. Он не имел никакого понятия, как должно выглядеть оружие инопланетян, но, видя нацеленные в его сторону всевозможные трубки, решительно пришел к выводу, что корабль предназначен не просто для получения информации. Впрочем, с другой стороны, может быть, они попросту осторожничают. Пожалуй, на их месте он тоже прибыл бы вооруженным до зубов.

— Конечно, — подтвердил тарк. — Мы ведь за вашей расой довольно давно наблюдаем. Как только собрали достаточно доказательств существования в другой ветви галактики межзвездной расы, не стали, в отличие от вас, робеть и медлить, сразу выследили.

— Почему не вступили в контакт?

— Не сочли нужным. Угрозы для тарков ваша раса явно не представляет и пользы на таком расстоянии не принесет.

— А торговля?

— Торговля? Это слово мне незнакомо.

Эмиссар взглянул вниз вправо от себя, должно быть на справочную панель.

Стаффорд не удержался от подсказки:

— Обмен товарами... информацией.

— А, теперь понял. — Он — непонятно почему Стаффорд автоматически принял тарка за особь мужского рода — снова поднял глаза. — Тоже смысла не видно. У вас нет ничего интересного.

Тема торговли ему явно наскучила, и он перешел к другой:

— Зачем ты вторгся в пространство тарков? Зачем постарался, чтобы мы тебя засекли?

— Хочу предложить вам торговлю.

Раздался резкий высокий визг. Что это означает — смех? Раздраженный вопль?

— Пойми, мы ни с кем не торгуем. Если это обмен, значит, таркам придется отдавать одно за другое.

— Конечно. В том и есть суть торговли.

— Тарки не слабые. Своего не отдают. Если у тебя имеется что-то действительно нужное нам, мы его отбираем.

— Ты не понимаешь... — начал было Стаффорд, но голос его оборвался.

Он начал потеть с той минуты, как услышал зуммер, теперь пот ручьем тек по ребрам. Видно, тарки ровно ничего не соображают. А он еще — подумать только! — боялся нечаянно обидеть инопланетян при контакте... Дело гораздо хуже. Похоже, эти твари вообще отвергают понятие какого-либо обмена. Их ничем не обидишь.

Физиономия на экране, кажется, приняла решение.

— Выключай двигатель, приготовься причалить.

— Причалить? Зачем?

— Мы должны убедиться, что ты не вооружен и не представляешь угрозы для тарков.

— Чем я могу грозить такому чудовищу, как твой корабль? — спросил Стаффорд. — Ты способен целиком меня проглотить!

— Заглуши двигатель и готовься!

Стаффорд выключил звук. Теперь он испугался. Надо подумать, а этого не получится под звуки рычащего голоса, заполняющего кабину. Почувствовав резкий рывок, догадался, что на него направлен тянущий луч или что-нибудь в том же роде. Его подтягивают к тарканскому дредноуту. На секунду охваченный паникой, он стоял, замерев, посреди крошечной кабинки, не в силах что-либо сделать, не в силах придумать, что делать дальше.

Корабль попал в ловушку. В реальном пространстве он двигался на стандартной протон-протонной тяге в трубах с обшивкой из кристаллов Лисона. Этого мало. Слишком мало, чтоб вырваться из тянущего луча. Если включить сейчас двигатель, он только рванется в пространстве, таща за собой дредноут, и этот никчемный трюк продлится ровно столько, на сколько хватит горючего или терпения тарканского командира. Если сначала иссякнет последнее, разведывательный корабль превратится в мишень для тарканских орудий, которые легко развеют его в спиральное облачко пыли.

Есть, конечно, еще генератор искривленного пространства. Им можно было б воспользоваться для спасения, однако не сейчас, когда луч его тащит в такой близости от колоссальной массы инопланетного корабля. Мысль совершить в подобных обстоятельствах прыжок в подпространство пугает не меньше

мысли о сдаче на милость тарков.

Нет, меньше. Стаффорд убедился в этом, бросив быстрый взгляд на собачью морду, по-прежнему заполняющую экран монитора. Лучше погибнуть при попытке к бегству, чем отдать свою жизнь в лапы этой твари.

Он бросился в пилотское кресло, потянулся к выключателю генератора. Если тянущий луч вкупе с массой дредноута значительно повлияет на целостность искривленного поля, разведывательный кораблик застрянет между реальным пространством и подпространством. Специалисты до сих пор спорят о том, что при этом происходит, но преобладающая теория утверждает, будто атомная структура части корабля, проникшей в подпространство, меняет полярность на обратную. Что, конечно, приводит к гигантскому взрыву. Это жизненный факт для каждого космолетчика. Именно поэтому мощность генератора искривленного поля тщательно рассчитывается соответственно массе корабля. Именно поэтому никто никогда не пробовал совершить прыжок в подпространство в критической точке поля тяготения звездной системы.

Стаффорд снял предохранитель, коснулся пальцем кнопки активатора. В голове лавиной катились мысли. Он закрыл глаза, задержал дыхание... *Салли...* Если корабль взорвется, то и тарков хотя бы прихватим с собой... Салли... Такая судьба постигла разведывательные корабли, которые раньше сюда посылали и о которых с тех пор никогда больше не слышали?... *Салли...*

Он нажал на кнопку.

Глава 17

Из двух монет одинакового платежного достоинства в обращении остается та, которая меньше ценится в собственном качестве, тогда как другая откладывается или вывозится.

Закон Грешема

(авторская формулировка)

Плохие деньги вытесняют хорошие.

Закон Грешема

(популярная формулировка)

Мора не только отказывалась вернуться на Толиву, но и настаивала на собственном участии в следующем налете Робин Гуда.

— Назовите хоть одну основательную причину, — говорила она, переводя взгляд с мужа на Зака, флинтеров и Брунина. — Приведите хоть одну убедительную причину, по которой мне нельзя пойти с вами на дело.

Никто не хотел ее брать, хотя те, кто не придерживался успристской философии, противились исключительно потому, что она — женщина. За последнюю неделю все хорошо познакомились с Морой, которая очаровала каждого, в том числе и отсутствовавшего сегодня Сейерса. Даже кисло-сердитый Брунин смягчался в ее присутствии. Однако дело предстояло мужское, и Зак с Брунином, не сформулировав это ни мысленно, ни открыто, оба чувствовали, что женское участие как бы принизит их миссию.

ХРЕСТОМАТИЯ РОБИН ГУДА

*Имперская библиотека заслуживает
такого же доверия, как и сама Империя!*

В поисках подлинной истины обращайтесь к источнику: пойдите в местную библиотеку, просмотрите катушки на месте или попросите переписать на домашнее видео. Имперской библиотечной системе можно доверять.

Неужели? Взгляните на следующий фрагмент из старой памятной записки, разосланной всем библиотекарям имперского Библиотечного управления:

«К СВЕДЕНИЮ: «Волшебник страны Оз». Региональным и школьным отделениям Имперской библиотеки рекомендуется приобретать только специально пересмотренное издание классической сказки Л. Фрэнка Баума. Причина должна быть ясна каждому внимательному читателю оригинала. Государство в лице Волшебника изображается жульническим, некомпетентным, недееспособным, бессильным. Трусливый Лев, Страшила и Жестяной Дровосек (граждане) отправляются к Волшебнику (государству), чтобы тот наделил их достоинствами, которые у них уже в избытке имеются. Вывод: государство лишнее».

Нежелательно, чтобы наши дети усвоили подобную мысль! В пересмотренном издании Волшебник наделяет их храбростью, умом и сердцем до схватки со злой колдуньей, гарантируя успех.

*Имперской библиотеке можно доверять точно так же,
как самой Империи!*

Экономический прогноз погоды

ИНДЕКС ЦЕН (принимая за базовый (100) 115-й год существования Империи, когда имперская марка стала законным платежным средством)			257,6
ДЕНЕЖНАЯ МАССА (МЗ)			3103,4
УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ			17,1%
	Имперские марки	Солнечные кредитки	
ЗОЛОТО (тройская унция)	933,3	134,0	
Серебро (тройская унция)	41,1	6,2	
Хлеб (буханка в 1 кг)	1,15	1,70	

Флинтеры возражали потому, что она не боец, — ни больше ни меньше.

Ла Наг не соглашался по другим причинам. В присутствии Моры, неясно почему, испытывал легкую неловкость, не поддающуюся объяснению. Кажется, будто его разглядывают под микроскопом, наблюдают, оценивают. Мора ему внушает какое-то... чувство вины. Но за что?

— Знаете, я взрослая девочка, — заявила она, не дождавшись ответа на просьбу. — И стою любого из вас, даже самого лучшего, пока не надо пускать в ход оружие и причинять вред людям.

Зак с Брунином переглянулись. Внешние миры, кроме Флинты и Толивы, не признают равенства полов. Мужчины и женщины летели к звездам на равных, а когда в пионерских мирах начался общий технологический кризис, последние вновь превратились в домохозяек и нянек. Скоро они потребуют равноправия с мужчинами, однако движение еще не возникло. Мора это знала, явно подбирая слова, которые дошли бы до Зака с Брунином и напомнили флинтерам заодно с ее мужем о законах их предков.

— Со мной полетишь, — решил Ла Наг, положив конец спорам.

Он знает свою жену не хуже, чем она его знает. После стольких лет совместной жизни оба уже хорошо понимают, когда другой доходит до последней точки, с которой не отступит.

— Отлично. Когда отправляемся?

— Немедленно. И так потратили на обсуждение чересчур много времени. А время сейчас — главное.

Вчера Эрв Сингх связался с Брунином, сообщив, что наконец сумел сунуть ящичек Барского в подвал, полный старых, предназначенных к уничтожению денег. Добавил, что подвал набит доверху, чего еще никогда не бывало. Когда флитер поднялся в воздух над Примус-Сити, Ла Наг объяснил жене:

— Инфляция полностью обесценила банкноты в одну марку. Монетный двор старается срезать расходы, исключая их из обращения. Выпуск же крупных банкнотов наращивается. Постепенное исчезновение «хороших» денег служит первым предупредительным сигналом. В данный момент даже самый тупой житель Трона должен сообразить, что происходит нечто очень серьезное, раз мелкая монета изъята из обращения.

Они летели на затухающее оранжевое сияние солнца, тяжело висевшего над тронским горизонтом, над Имперским парком и окружающими его постройками, где находится бюрократическое чрево Империи, над городскими кварталами для безработных, которые расширяются с устрашающей скоростью, к огромной пустой площади в пятидесяти километрах за городом. Центр площади занимало неприступное здание из армированного синтестона, на девять десятых уходя под землю, как айсберг в тихом море.

Ла Наг остановил флитер над холмом, заросшим деревьями, с которого была видна площадь; второй корабль следом за ним пошел вниз. Первым оттуда вылез Брунин, за ним Зак с двумя флинтерами. Канья несла непревзойденный по точности электронный таймер флинтерской конструкции, поставила его на палубу корабля Ла Нага, вытащила из пояса круглый белый диск.

— Что это такое? — поспешно спросил Брунин таким тоном, что Ла Наг на него оглянулся.

Целый день ходил с кислой скучающей миной, теперь вдруг оживился, заинтересовался. Почему?

— Таймер, — ответила Канья, не поднимая глаз, сосредоточившись на вставке диска, в центре которого, как теперь было видно, располагалась красная кнопка в круглом углублении.

— Нет... Вот это, — кивнул он на диск.

— Активатор аппарата Барского.

— Они все такие? Активаторы, я имею в виду.

— Конечно, — покосилась на него Канья. — А что?

Брунин вдруг заметил, что все пристально на него смотрят, и нервно передернул плечами:

— Да просто интересно. — Он с заметным усилием отвернулся от активатора и посмотрел на Ла Нага. — Все-таки не понимаю, что дальше будет. Еще раз объясни.

— И мне тоже, — добавила Мора.

— Хорошо, — согласился Ла Наг скорее на просьбу жены, чем Брунина, наверняка точно знавшего, что будет дальше.

Любопытно, что в данный момент заваривается в его светлых, но совсем свихнувшихся мозгах?

— После включения ящичек Барского создаст вокруг себя в подвале ненаправленное поле временного смещения. То, что окажется в этом поле, переместится в прошлое ровно на одну целую и тридцать семь сотых наносекунды.

— И все? — переспросила Мора.

— Вполне достаточно. Не забывай: Трон вращается не только вокруг своей оси и главного светила, но и движется вокруг галактического ядра вместе с прочими звездными системами нашей ветви, а сама галактика удаляется от точки Большого взрыва. Поэтому планета очень быстро пройдет расстояние отсюда до Примус-Сити.

Мора на секунду нахмурилась, прикусив нижнюю губу:

— Как-то не хочется браться за вычисления.

— Флинтеры вывели формулу, испытывая аппарат Барского как средство передвижения. — Ла Наг улыбнулся. — Представь себе расчетное время прибытия в точку В до отправления из точки А. Пока, к сожалению, не удалось переправить ни одного живого объекта. Эксперименты продолжаются.

— А таймер зачем? — не унималась Мора.

— Затем, что аппарат необходимо включить с точностью до наносекунды в полном соответствии с осевым и общим положением Трона. Сегодня, по расчетам флинтеров, такой момент настанет между пятнадцатью двадцатью семью и пятнадцатью двадцатью восьмью. Никакие человеческие рефлексy не позволят послать сигнал в нужное время, поэтому используется электронный счетчик.

Мора, по-прежнему сомневаясь, потянула мужа в сторону от флитера.

— Все будет хорошо, — заверил Ла Наг, на ходу оглядываясь через плечо на Брунина, который вновь не сводил глаз с белого диска активатора.

— Вдруг в подвале окажутся люди? — спросила она, утащив его за пределы слышимости окружающих.

— Никого не будет, — уверенно ответил он. — Рабочий день кончился. Все ушли.

— А охрана?

— Немногочисленная.

— Откуда ты знаешь, где будут охранники при включении аппарата? Вдруг в поле кто-нибудь попадет?

— Мора, — терпеливо начал Ла Наг, — мы раздобыли единственный аппарат Барского, который нынче вечером должны включить...

— Почему же нельзя обождать и наверняка убедиться, что в подвале никто не погибнет?

— Потому, что собранные в подвале деньги будут уничтожены. Если их сожгут — вместе с ними сгорит аппарат Барского. А он у нас только один!

— Ну, давай тогда точно проверим...

— Да никак нельзя точно проверить!

Терпеливость сменилась отчаянием.

— Заглянуть в подвал невозможно, а значит, невозможно проверить, есть там кто или нет! Аппарат должен сработать сегодня между пятнадцатью двадцатью семью и пятнадцатью двадцатью восьмью или вообще никогда, потому что необходимое совпадение случится лишь через три дня!

— Неужели это так важно? Тебе очень нужны эти деньги? Почему бы на время о них не забыть?

Ла Наг замотал головой:

— Мне нужно еще одно выступление Робин Гуда, которое укрепит его авторитет, напомнит о нем народу. А при нынешней мощной охране инкассаторских грузовиков это единственный способ нанести последний сокрушительный удар.

— А если кто-нибудь будет в подвале? — закричала Мора.

Стоявшие у флитера соратники оглянулись.

— Ну, тогда плохо дело, — тихо сказал Ла Наг. — И я ничем помочь не могу.

Он повернулся, направился к флитеру. Так и знал, что она будет вмешиваться в его дела. Быстро

принялась мешать. Какое-то время и правда казалось, что будет стоять в стороне, а не у него на пути. Нечего было даже надеяться! Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился. Откуда у нее право...

На полпути к флитеру тошнотворно холодный ком притушил разгоревшийся гнев, закричал криком, требуя остановиться. Нерешительно — в высшей степени нерешительно — Ла Наг прислушался. Может, в конце концов, есть другой способ.

Подошел к Брунину и флитерам и приказал:

— Садитесь в другой флитер, штурмуйте ворота Монетного двора.

— С ручными бластерами? — ошеломленно охнул Брунин.

Ла Наг кивнул:

— Ваша задача — не совершать прорыв, а произвести диверсию. Выманить подвальную охрану к воротам. Один раз промчитесь, и хватит, а потом как можно быстрее возвращайтесь в Примус. Пока организуют преследование, успеете затеряться в кварталах для безработных.

— На меня не рассчитывай, — заявил Брунин. — Это безумие.

Ла Наг выразил все, что испытывал в данный момент, в самой что ни на есть безобразной ухмылке.

— Ну, правильно! — презрительно воскликнул он. — То ты рвешь и мечешь, считая мои действия слишком мягкими и осторожными, а когда тебе выпал шанс рискнуть, удираешь в кусты. Мне надо было бы догадаться. Попрошу дока. Может, он согласится...

— Нет! — Брунин схватил его за руку. — Профессор меня не заменит! Пошли, — бросил он, оглянувшись на флитеров.

Когда корабль Брунина взлетел, широкой дугой разворачиваясь к дальней стене Монетного двора, Ла Наг почувствовал на спине прикосновение чьей-то руки.

— Спасибо, — шепнула Мора.

— Посмотрим, что будет, — проворчал он, не глядя на нее.

— Все будет прекрасно.

— Хорошо бы.

Он очень холодно с ней обращался. Даже если она права, вмешательство раздражает несколько не меньше.

Корабль с Брунином и флитерами, набрав предельную скорость, скрылся из вида за Монетным двором и вдруг снова выпорхнул серебристой точкой, планируя над казармами прямо к приземистой цели. Ла Наг знал, что уже повсюду подняли тревогу, имперская охрана направляется на оборонительные позиции, охранники по коридорам бегут из подвала, сам подвал автоматически закрывается. У входа замелькали короткие вспышки, потом флитер исчез, помчавшись сломя голову к Примус-Сити.

Он взглянул на время — пятнадцать двадцать шесть, нажал кнопку в центре активирующего белого диска. Остальное должен сделать таймер.

В расчетный момент с точностью до наносекунды таймер сработал, послав, в свою очередь, сигнал прибору Барского в подвале. Лежавшие там деньги вместе с крошками синтестона со стен и полов вмиг исчезли. Вся куча целиком переместилась в прошлое на одну и тридцать семь сотых наносекунды и материализовалась в воздухе над Примус-Сити точно в том месте, где одну и тридцать семь сотых наносекунды назад находился подвал Монетного двора.

«...хотя официальные лица пуще прежнего хранят молчание, кажется, пролившийся нынешним вечером «денежный дождь» состоял из старых, вышедших из обращения бумажек, украденных из подвала самого Монетного двора. Насколько известно, ранним вечером одинокий флитер совершил короткую атаку на Монетный двор. По свидетельству охраны, до этого происшествия деньги лежали в подвале, а когда его приблизительно через час после исчезновения флитера снова открыли — исчезли. Подвал, о котором идет речь, расположен под землей на глубине тридцать метров. Стены не проломлены, подкопа не обнаружено. На сей раз в потоке бумажек по одной марке не было белых визитных карточек, хотя никто не сомневается, что это вновь дело рук Робин Гуда. Министерство финансов обещает провести тщательное расследование инцидента...»

— Деньги, деньги, деньги! — повторяла Мора, сидя в квартире и глядя на Рэдмона Сейерса на видеоэкране. — Тебя, кажется, не занимает ни один другой аспект революции. Разве власть — хорошая или плохая — не важнее, чем деньги?

— Не особенно. При любой власти, тоталитарной или представительной, политики тратят девяносто пять процентов времени на то, чтобы взять деньги в одном месте и передать в другое. Изымают деньги у граждан, потом начинают решать, кому выделить их по льготной привилегии, кому одолжить, кому добавить, кому заново дать...

— А законы о правах и свободах...

— Оговариваются заранее при формировании правительства. В тот момент свободы максимальные, а дальше начинается постоянный процесс сокращения прав личности и расширения прав государства. Есть, конечно, исключения, но столь редкие, что их вполне можно назвать отклонением от общего правила. Посмотри на Империю: в год принимается всего пара законов, имеющих непосредственное отношение к расширению или сокращению свобод — обычно к сокращению. Народ так и не догадывается, что его реально лишают свободы, ежедневно отнимая деньги ради создания или продолжения деятельности бесчисленных комитетов и управлений, которые следят за людьми и изобретают всевозможные правила и законы для защиты нас от самих себя. Все они требуют финансирования.

— Снова деньги.

— Правильно! Не давай правительству денег, и оно не будет сидеть у тебя на шее. Без необходимых средств ему не удастся держать тебя в узде. Дай деньги — оно найдет способы их потратить, причем обязательно тебе на горе. Позволь контролировать объем денежной массы, и рухнут все преграды — вскоре оно установит контроль над тобой! Надо ли объяснять?

— А как же культура? — Мора безнадежно махнула рукой. — Если во внешних мирах начала складываться какая-то единая культура, то сейчас она погибает. Что ты собираешься делать по этому поводу? В твоём плане это учитывается? Как ты связываешь культуру с экономикой?

— Никогда даже не собирался связывать. Мне не нужна культура внешних миров! Общая культура подразумевает однообразие человечества, к чему как раз и стремится Империя. Когда все одинаковы, центральной власти гораздо легче навязывать подданным свои законы. Я не хочу единой культуры внешних миров, пусть их будет великое множество. Пусть человечество развивается беспредельно во всех направлениях. Пусть никто никому не указывает, как жить, что думать, во что одеваться. Мне требуется разнообразие. Это единственный способ уберечь расу от застоя и деградации, что едва не постигло ее на Земле. Оставшись на единственной небольшой планете, мы сейчас пребывали бы в полном упадке, если бы вообще хоть что-нибудь осталось от человечества. А в подконтрольном обществе разнообразия не

дождешься. Управляя экономикой, власть распоряжается жизнью, сводя всех к наименьшему общему знаменателю. Выпалывает сорняки, искореняет новаторов. Заведи такой порядок во внешних мирах, и скоро увидишь рождение твоей «культуры». Тебе этого хочется?

Мора не сразу ответила. В возникшей паузе загудел видеофон. Узнав на экране Сефа Вулвертона, Ла Наг прошел в соседнюю комнату к другому аппарату.

— Известие от пилота разведывательного корабля, — не поздоровавшись, сообщил Сеф. — Контакт состоялся на полпути к ветви Персея. Враждебный. Судя по рапорту, весьма враждебный.

В животе у Ла Нага екнуло.

— Кому об этом известно?

— Никому, кроме вас, меня и дешифровщика подпространственного сообщения. Он наш сторонник.

Ла Наг вздохнул с минимальным облегчением. Дело плохо и может обернуться еще хуже. Гораздо хуже.

— Ладно. Отправьте ответ, как было условлено. Пусть пилот возвращается прямо на Трон, ни с кем не вступая в связь за пределами нашей звездной системы. Даже в ее пределах пусть не отвечает на вызовы, пока его не подхватит и не приведет на посадку орбитальный челнок. Проследите, чтобы сообщение было стерто в компьютере. Никто не должен знать его содержания. Ясно?

— Ясно, — кивнул Вулвертон.

Ла Наг отключился и, оглянувшись, увидел пристально смотревшую на него из дверей Мору.

— Питер, что случилось? Никогда не видела тебя таким взволнованным...

— На пути к ветви Персея разведчик столкнулся с враждебно настроенными инопланетянами.

— Ну и что?

— Если новость дойдет до Метепы, Хейуорта и прочих, они ухватятся за единственный рычаг, который позволит им удержать власть и даже, возможно, спасти свою шкуру... Начнут войну.

— Неужели?

— Конечно. Припомни историю. Война — испытанный и верный способ спасения экономически несостоятельного режима. И вполне эффективный! Перепуганное человечество сплотится перед враждебно настроенными инопланетянами...

— А если враждебно настроенные инопланетяне не вступят в войну?

— Это легко устроить, — мрачно усмехнулся Ла Наг. — Снова вспомни исторические примеры. Метепу и Совету Пяти достаточно послать в ветвь Персея «торговый караван» из пяти-шести грузовых кораблей, якобы для установления добрососедских отношений. Если инопланетяне действительно так агрессивны, как считает пилот разведывательного корабля, то либо попытаются их захватить на своей территории вместе со всем содержимым, либо сочтут вторжение человеческих кораблей откровенной угрозой... В любом случае неизбежно последует кровопролитие. Больше ничего не требуется. «Чудовища наступают! Безоружные торговые суда атакованы в межпланетном пространстве! Спасайте своих жен и детей!» И все сразу забудут о мелких проблемах, сплотятся и ринутся защищать человечество. В данный момент правительство прогнившей разваливающейся Империи — наша единственная надежда... Не будем на переправе менять лошадей... И так далее.

Он с заметным усилием прервал поток речей.

Мора во все глаза смотрела на мужа.

— Никогда не слышала от тебя таких слов, Питер. Что случилось с тобой за три последних года?

— Да пожалуй, много чего, — вздохнул он. — Сам иногда не знаю, тот ли я Питер Ла Наг, каким был. Однако полностью противоположен тем, кто представляет собой Империю. В конце концов, Империя существует не сама по себе — ее составляют люди, которые демонстрируют, что держат в руках практически все. И ради карьеры и места в истории пойдут на что угодно, включая звездные войны. Им глубоко плевать на погибшие жизни, губительные последствия для будущего, неизбежно грядущий хаос... Последствия лягут на плечи следующего поколения. К тому времени их уж не будет. — Он сделал короткую паузу и в конце концов принял решение. — Подам знак Бедекеру. Чуть раньше, чем планировал, но особого выбора не остается. К возвращению пилота все должно развалиться. Даже после того придется позаботиться, чтоб никто из имперских официальных лиц не проведал об инопланетянах из ветви Персея.

— Наступает Новый год, — тихо напомнила Мора.

— Да, для толивианцев. Через несколько дней начнется год Дракона. По-моему, и для жителей Трона придет год Дракона. Скоро они почувствуют его пламенное дыхание. Очень скоро.

ГОД ДРАКОНА

Глава 18

*...любому так называемому правительству следует
доверять и надеяться на его честные цели, только когда оно
целиком и полностью зависит от добровольной поддержки
граждан.*

Лизандр Спунер. Нет предательству

«...добрый вечер, с вами Рэдмон Сейерс. Наверняка каждый, кто смотрит нас в данный момент, осведомлен о катастрофических событиях, прокатившихся по всему освоенному космосу. Повторяю на случай, если кто-нибудь с раннего утра не слышал новостей.

Имперская марка рухнула! После того как в течение многих лет на Фондовой бирже держался довольно устойчивый обменный курс — две марки за солнечную кредитку, — сегодня в пять и семь по тройскому времени марка стала неуклонно падать. Как почти всем известно, межпланетная Фондовая биржа не закрывается никогда, но в семнадцать и две по тройскому времени торги имперской маркой были приостановлены. Вечером курс упал ужасающе низко — восемьдесят марок за солнечную кредитку... Неизвестно, до каких пределов скатилась бы официальная стоимость, если б не приостановка торгов.

До сих пор не выявлены породившие панику факторы. Пока ясно одно — нынче утром практически в каждую действующую на бирже брокерскую контору обратились многочисленные клиенты, имеющие на счете немалые суммы в имперских марках, приказывая продать все до последней, независимо от курса. В результате на рынок были одновременно выброшены миллиарды марок. Клиенты, по словам брокеров, весьма настойчиво потребовали удалить из портфелей имперские марки, охотно смиряясь с убытками. Представители Фондовой биржи обещают быстро и досконально провести расследование, подозревая сознательный заговор с целью наживы. Однако пока неизвестно, кто сколотил на падении марки огромные капиталы.

В импровизированном выступлении по видео Метеп VII заверил население Трона и других внешних миров, что опасаться нечего. Надо лишь сохранять спокойствие, верить в себя и в нашу дальнейшую независимость от Земли. «У нас и раньше бывали трудные времена, которые мы пережили, — заявил Метеп, — переживем и это...»

— Дело рук Эрика Бедекера? — спросил док Зак, когда лицо Сейерса растаяло на выключенном шаровидном экране.

Все сидели в квартире Ла Нага.

— Да. За последние три года он распродал недвижимость, обменивая кредитки на марки. Открыл за это время тысячи счетов на тысячи разных имен, отдав приказ брокерам скупать имперские марки при каждом снижении курса.

— Искусственно обесценив их до предела! — воскликнул Зак.

— Верно.

— Я, впрочем, не понимаю, — продолжал профессор, — как Эрику Бедекеру, даже с его легендарным богатством, удалось скупить столько имперских марок, чтобы спровоцировать нынешний крах? Сегодня

были проданы сотни миллиардов марок, а после возобновления торгов на рынок будет выброшено еще больше. Он, конечно, богат, но настолько никто не богат.

— Ему помогали другие, сами того не зная. Видите ли, он нарочно привлекал общественное внимание к продаже каждого своего крупного предприятия или недвижимости. Объявляя его сумасшедшим, коллеги-финансисты пристально за ним следили. Помня о нескольких прежних чувствительных ударах Бедекера, они изо всех сил старались узнать, что он делает с вырученными деньгами. И узнали. На Земле плохо хранятся секреты, поэтому живо интересующиеся обнаружили, что при любой возможности он тихо, анонимно скупает имперские марки. И в свою очередь принялись покупать марки, просто ради страховки — вдруг Бедекеру стало известно то, чего они не знают; вдруг во внешних мирах будут приняты некие меры, в результате которых стоимость имперской марки сравняется с солнечной кредиткой... На прошлой неделе я послал ему приказ продавать, к чему он был в любую минуту готов.

— Ясно! — воскликнул Зак. — Как только он выбросил марки на биржу...

— Все стали выбрасывать. Эффект снежной лавины. Каждый обладатель имперских марок хотел от них избавиться. Однако их никто не желал покупать. В данный момент имперская марка стоит в сорок раз меньше вчерашнего, а если б не приостановка торгов, подешевела бы в сотню раз. Ее стоимость до сих пор завышена.

— Блистательно! — восхищенно потрянул головой Зак. — Абсолютно блистательно!

— Чего тут такого блистательного? — проворчал Брунин, развалившись в шезлонге. Для разнообразия он на сей раз внимательно прислушивался к беседе. — Это и есть твой обещанный впечатляющий ход? Ну и что? Какая нам от этого польза?

Ла Наг собрался ответить, но профессор махнул рукой:

— Дайте мне объяснить. Кажется, я теперь целиком вижу картину... Поправьте, если ошибусь. Действия нашего друга с Толивы, Дэн, — обратился он к Брунину, — превратят каждого обитателя Трона в потенциального революционера. Все, кто вынужденно поддерживал Империю, от которой полностью или частично зависели их доходы, приходят сейчас к заключению, что Империя действует вовсе не в их интересах и не в интересах будущих поколений жителей внешних миров. Ее незачем больше поддерживать. Деньги, за которые она покупала лояльность граждан, обрели теперь свою реальную ценность — нулевую. Бархатная обшивка сдернута, под ней всем открылись холодные стальные цепи...

— Справедливо ли это? — спросила вдруг Мора, до тех пор молчавшая вместе с флинтерами. — Все равно что выключить двигатель в воздухе... Люди пострадают.

— В любом случае пострадают, — отрезал Ла Наг. — Не сейчас, так позже. С помощью Бедекера я только выбрал конкретный момент. Реальный неизбежный исход совершенно от этого не зависит.

— Вспомните, — подхватил Зак более мягким тоном, — люди во многом сами виноваты, десятки лет терпя подобное развитие событий. Особенно жители Трона, позволившие Империи принимать за них слишком много решений, полностью распоряжаться их жизнью, продаваясь за деньги, которые без конца обесценивались. Пришла пора подвести счета. Надо расплачиваться.

— Правильно, — подтвердил Ла Наг. — Если бы жители внешних миров не позволяли Империи обесценивать марку, то не дошли бы до нынешнего положения. Если бы марка имела реальное обеспечение, содержала определенное количество драгоценного металла и обменивалась соответственно, не представляя собой простую затейливо разрисованную бумажку, то не рухнула бы, сколько бы Эрик Бедекер их ни скупил и ни выбросил на межпланетную Фондовую биржу.

— Почему? — спросил Брунин.

— Потому что марка имела бы самостоятельную ценность, на которой нельзя спекулировать. Люди издавна спекулируют на колебаниях курса, время от времени чуть-чуть выигрывая, но постоянно помнят, что марка не обладает собственной ценностью, за исключением той, которую устанавливают кредиторы и биржевые маклеры.

— А почему Бедекер за это взялся? — полюбопытствовал Зак. — По-моему, совсем не тот тип, который охотно пожертвует всем своим состоянием исключительно ради обвала имперской марки.

— Он пожертвовал им ради мести, — ответил Ла Наг и поведал историю Лайзы Кирович. — Не имея прямого наследника, которому можно было бы передать капитал, потерял желание дальше его накапливать. Впрочем, не беспокойтесь за Бедекера — у него наверняка полным-полно кредиток на земных счетах, вдобавок он, скорее всего, продал немалое количество марок незадолго до краха.

— Все-таки не понимаю, как это связано с планами Робин Гуда, — допытывался Брунин, запустив пальцы в кудрявую черную бороду. — Одно с другим не склеивается.

— Косвенно связано, — сказал Ла Наг. — Пусть тронский народ осознает, что с ним на самом деле случилось, потом предложим ему выбор: Метеп или Робин Гуд.

— Что будем *делать*? — Метеп VII расхаживал туда-сюда вокруг восточного края стола заседаний, то стискивая, то потирая руки. Глаза на идеальном лице покраснели, взгляд загнанный. — Я погиб! И не просто погиб, а обречен остаться в истории Метепом, погубившим марку! Что делать?

— Не знаю, — тихо сказал Хейуорт со своего места.

Метеп остановился и вместе со всеми другими присутствующими вытаращил на него глаза. Впервые на их памяти у Дейро Хейурта не было плана на непредвиденный случай.

— Не знаешь? — переспросил Метеп, неуверенно шагнув к нему с перекошенной и панически побледневшей физиономией. — Что ты говоришь? *Должен* знать!

Хейуорт выдержал его взгляд.

— Никогда даже не представлял себе ничего подобного. Как и все прочие в этом кабинете. — Он оглядел стол, не видя ни подтверждения, ни отрицания. — В будущем, где-нибудь лет через десять, могла произойти катастрофа, если бы мы не нашли новых рынков для сбыта товаров из внешних миров. Но нынешнего краха никто не мог предвидеть. Никто!

— Его устроили земляне, — заключил Крагер. — Хотят снова прибрать к рукам внешние миры.

Хейуорт, взглянув на главу Министерства финансов, кивнул:

— Да, полагаю, такой подход нам и надо принять. Свалим вину на Землю. Пожалуй, получится... В конце концов, Фондовая биржа находится на Земле. Заявим, что имперская марка пала жертвой гнусных манипуляций в цинично спланированной попытке Солнечной системы снова установить власть над нами. Да. Направим народный гнев в другое русло, отведя от себя.

— Хорошо, — сказал Камберленд, беспокойно ерзая всей своей тушей в кресле, — такова официальная позиция. А что на самом деле случилось? По-моему, это важно знать. Нас в самом деле Земля разорила?

— Нет. — Хейуорт энергично потрянул головой. — Во-первых, внешние миры сильно ей задолжали в последние годы, а кредитки всегда переводятся в марки. Значит, сегодня наш долг составляет лишь два-три процента вчерашнего. Земля сильно проигрывает на крахе марки. Во-вторых, я не думаю, чтоб у кого-то из членов правительства Солнечной системы хватило ума разработать подобный план и храбрости

провести его в жизнь.

— Думаете, катастрофа произошла случайно?

— Я не знаю, что думать. События далеко превосходят мои самые страшные ночные кошмары... — Голос Хейуорта прервался.

— Вы вот здесь сидите и плачетесь, — саркастически вставил Крагер, — а что будет дальше с внешними мирами, и в частности с Троном? Мы больше не получим никаких кредитов. Официального объявления не последует, но во всем освоенном космосе Империя будет отныне считаться банкротом.

— Первым делом выпустим в обращение побольше марок, — объявил Хейуорт. — И немедленно. Пусть печатные станки работают в полную силу. Проведем масштабную деноминацию. Надо как-то поддержать торговлю...

— Цены взлетят до небес! — возразил Крагер.

— Цены взлетают, пока мы тут болтаем! Любой, у кого имеется сколько-нибудь ценный товар, не захочет отныне его продавать за имперские марки, требуя взамен либо больше и больше марок, либо что-нибудь равноценное рыночной стоимости товара. Поэтому, если вы не хотите, чтобы к концу недели Трон вернулся к бартерной торговле, лучше начинайте печатать деньги.

— Аграрные миры уже практически перешли к бартеру, — напомнил Камберленд. — Им не захочется...

— Пусть аграрные миры провалятся в ядро галактики, мне глубоко плевать! — рявкнул Хейуорт, впервые с начала совещания проявляя эмоции. — Сейчас они нам не нужны. Надо думать об одной планете — о Троне. Забудьте обо всех других внешних мирах. Им до нас не добраться. Чем скорей мы их выкинем из головы, всецело сосредоточившись на спасении Трона, тем лучше для нас. Пусть тамошние фермеры копаются в земле, они для нас не опасны. Тогда как население Трона, особенно Примус-Сити, может сильно осложнить нам жизнь.

— Массовые беспорядки, — понимающе и почти благодарно кивнул Метеп. Бунт — понятное дело, с ним вполне можно справиться. А экономические рассуждения... — Ждешь серьезных волнений?

— Ожидаю волнений, серьезность которых будет зависеть от наших действий в ближайшие недели. Хотелось бы заранее исключить возможность бунтов, но, когда они начнутся, хотелось бы иметь под рукой как можно больше сил. — Хейуорт повернулся к Метепу: — Ты, Джек, отзовешь все имперские гарнизоны из внешних миров. Мы все равно не сможем их там содержать, а если дело обернется плохо, пусть они лучше плотно нас окружают.

Раздался общий одобрительный хор.

Хейуорт оглядел стол заседаний.

— Лето будет долгим и жарким, джентльмены. Постараемся удержать в руках развитие событий, пока какой-нибудь разведывательный корабль не вступит в контакт с инопланетянами в ветви Персея. Может быть, это наша единственная надежда.

— Есть какие-нибудь известия? — спросил Метеп.

— Никаких.

— А если никогда не будет? — уточнил Камберленд. — Если корабли вообще не вернуться?

— Что ж, тоже неплохо.

— Пятьдесят марок за буханку хлеба? Возмутительно!

— Если, по-вашему, пятьдесят — возмутительно, обождите до завтра, — лаконично ответил мужчина с ручным бластером на бедре, прислонившись спиной к сплошной синтестоновой стенке, перед которой на складном столике был разложен товар — буханки хлеба без обертки. — Дождетесь пятидесяти пяти.

Салли Стаффорд была перепугана и абсолютно беспомощна. Никаких известий от Вена и других пилотов-разведчиков, никто из руководства программы «Персей» не знает, когда они вернутся. И вообще вернутся ли. Она жила одна в Примус-Сити, ежедневно видя признаки упадка: удлинявшиеся и расширявшиеся трещины в общественном фундаменте. Страшно хочется, чтобы рядом был Вен, заверяя — все будет хорошо, он о ней позаботится. А его нет.

Денег тоже. Прочитав в «Хрестоматии Робин Гуда», вышедшей сразу после того, как марка слетела с катушек, что надо немедленно забрать деньги из банка и сразу все потратить, Салли ни секунды не колебалась. Вен непоколебимо верил авторам листовок, кем бы они ни были, и в конце концов она тоже поверила. Особенно после долгого ожидания на заднем дворе их бывшего дома, когда она посмеивалась над почти детской наивной верой Вена, после чего с неба правда посыпались деньги. Не тратя на этот раз времени на насмешки, Салли на другое же утро первым делом отправилась в банк и забрала остатки аванса, выплаченного Вену при подписании контракта на разведывательный полет.

Этот совершенный месяц назад поступок был самым разумным во всей ее жизни. Через три дня после краха имперской марки в Примусе закрылась добрая половина банков. Они не прогорели — Империя предупредила подобный исход, позаботившись, чтоб каждому клиенту полностью выплатили хранившуюся на счете сумму красивыми, только что напечатанными бумажками, — а начисто лишились вкладчиков.

С недальновидностью, которая сейчас кажется невероятно глупой, Салли повиновалась внутреннему голосу. Вместо того чтоб закупить товаров на все снятые десять тысяч, как советовала «Хрестоматия Робин Гуда», дрогнула и потратила лишь половину. Остальное спрятала в квартире. И теперь осознала ошибку — за прошедшие недели цены взлетели на одну-две тысячи процентов. Овощи в стерильной упаковке и основные продукты питания, которые в то время можно было купить за пять марок — астрономическую, по ее мнению, цену, — сейчас стоили пятьдесят-шестьдесят, и люди еще радовались, когда их находили. Настоящее сумасшествие! На припрятанные четыре тысячи марок можно было бы закупить еды, которая нынче обходится в пятьдесят тысяч. Она проклинала себя за то, что не последовала совету Робин Гуда буквально. Жители Примус-Сити поняли наконец смысл листовок на личном горьком опыте. Подешевели только продуктовые талоны — торговцы смеялись над теми, кто их предъявлял.

Салли струхнула. Что будет, когда кончатся деньги? Звякнула в Управление программы «Персей», где сказали, что вторую половину — пятнадцать тысяч — могут выдать лишь после возвращения Вена. А что такое сегодня пятнадцать тысяч? Ровно ничего.

— Берете, леди? — спросил мужчина.

Держа между ногами большую коробку с деньгами, он непрестанно оглядывал улицу в обе стороны, мысленно оценивая платежеспособность каждого прохожего.

— Кроме марок, что-нибудь принимаете?

Торговец прищурился:

— Золото, серебро, платину, если они у вас есть. Можно их обменять на товары или на целую кучу марок, в зависимости от того, что предложите.

— У меня нет ничего.

Она даже не знала, зачем спрашивает. Собственно, этот хлеб ей не нужен. Его выпекают на

континентальных или далеких фермах, не добавляя консервантов, которые негде взять. Он слишком быстро плесневеет, чтобы одинокая женщина платила пятьдесят марок за булку.

Торговец окинул ее с головы до ног взглядом, как бы проникающим сквозь одежду, и ухмыльнулся:

— Не трудитесь предлагать то, что есть. Сегодня столько предлагали, что мне за всю жизнь не управиться.

Салли почувствовала, что краснеет, глаза наполнились слезами.

— Я вовсе не то имела в виду!

— Зачем тогда спрашивать?

Ответа не нашлось. Она думала о будущем — о ближайшем будущем, когда кончатся деньги. Как после этого жить? Работодатель не может повысить зарплату — говорит, дело, видно, идет к тому, что придется закрыть магазин и сидеть дома.

Салли повернулась, пошла прочь, а торговец вслед крикнул:

— Эй, слушайте!., простите... мне ведь тоже надо семью кормить. Самому приходится летать за продуктами. Вы же знаете, транспортные профсоюзы отказываются работать, пока не повысят зарплату...

Она это знала. Видео без конца сообщает дурные вести, описывает ухудшавшуюся ситуацию. Прекратились поставки товаров. Предприниматели не имеют возможности быстро повышать зарплату, которая обеспечивала бы прожиточный минимум.

Оглянувшись через плечо, Салли увидела, что хлеботорговец уже позабыл про нее, занявшись каким-то мужчиной с охапкой свежих овощей.

Как быть? Жизнь ее совершенно не подготовила ни к чему подобному — постепенно выясняется, что не подготовила практически ни к чему, кроме рождения и воспитания детей. Она едва знакома с элементарной арифметикой, необходимой для нынешней почасовой работы, где ей в любую минуту найдется замена. С детства привыкла рассчитывать на опеку мужчин — отца, братьев, впоследствии Вена. До сих пор все было нормально, потом пошло вразнос, а отец с братьями на другом краю планеты, ни им до нее, ни ей до них не добраться. Она вдруг осталась совсем одна, до смерти напуганная, ни на что не способная.

Почему я такая, задумалась Салли... И цинично фыркнула — почему жизнь такая? Почему деньги Вена ничего не стоят?

Вен... Перед глазами встало суровое лицо мужа, изборожденное озабоченными морщинами, в последние годы как бы навечно застывшими. До сих пор она не понимала, что его мучило все это время. Много лет он служил неким буфером между ней и реальной жизнью, принимая на себя, смягчая удары, чтобы жена почти не ощущала отдачи. Глушитель исчез вместе с ним. Теперь она сама познакомилась с болезненным чувством бессилия, которое так отразилось на психике Вена. Она, словно в ловушку, загнана в мир, которого не создавала. С виду знакомый, но полностью переменившийся. Ни Салли, ни окружающие ее на улице люди не властны над происходящим — бессильны, беспомощны.

Сами виноваты, решила она. Никто из нас не строил этот мир, все лениво посиживали или раздумывали о других путях, пока нас толкали на этот. Давно можно было остановиться, пока не пришли к катастрофе. А теперь уже поздно. Возникло фантастическое ощущение, будто некие гигантские силы вновь пришли в равновесие и не знают, что сбросить, чтоб та или другая чаша весов перевесила.

Она справится. Злость поможет. Злость на вредоносную Империю, злость на себя и на общество, которое научило ее решать исключительно семейные проблемы. Сколько женщин попало сейчас в то же

самое положение? Сколько из них потерпит поражение?

Салли не проиграет. Способная ученица. Потратила нынче последние марки из оставшихся четырех тысяч, пока дальше не обесценились. Не все сразу. Чутьочку тут, чутьочку там, без конца возвращаясь в квартиру и пряча покупки в белье. Если кто-то подумает, будто она закупает продукты, наверняка решится на ограбление. Нет, она скупает все, что под руку подвернется, все, что более или менее можно продать, тащит домой, откуда выходит только на работу и по насущной необходимости. Да, Салли выживет и продержится до лучших времен, до возвращения Вена... Как-то верится, что последнее произойдет раньше первого.

А если настанут когда-нибудь лучшие времена, — она решительно стиснула губы, — обязательно надо как-нибудь постараться, чтобы в будущем не случилось ничего подобного. Очень хочется завести полноценную семью, но ребенка растить в таком мире нельзя.

Никогда, мысленно повторяла она. Такого никогда не должно больше быть!

Сидевший неподвижно до окончания съемки Ла Наг поднялся, потянулся:

— Ну вот. Дело сделано.

Он взглянул на Рэдмона Сейерса, который молча выключил видеокамеру. На складе, кроме них, никого не было.

— Что с вами, Рэд?

— Ничего, — буркнул Сейерс, вытаскивая и протягивая ему отснятую катушку. — Просто это, по-моему, бесполезно.

— Почему? — переспросил Ла Наг. — Людям предлагается сделать выбор, поэтому они должны ознакомиться с альтернативными вариантами.

— По-моему, вы должны посмотреть и с другой стороны. Не слишком ли полагаетесь на эти записи? Честно сказать, меня они не впечатляют.

С трудом удерживаясь от язвительного ответа, раздраженный Ла Наг спокойно спросил:

— До сих пор во мне сомневаетесь? Я по уши нахлебался упреков от вас и всех прочих, а когда марка рухнула, вдруг оказался «блистательным гением». Поймите, в конце концов, что я много лет разрабатывал и подготавливал план, потратив на размышления гораздо больше времени, чем вы, Зак, Метеп или члены Совета Пяти. У меня все продумано. Я хорошо знаю, что делаю.

— Не сомневаюсь, — кивнул Сейерс. — Вы не раз это доказывали. Что, впрочем, вовсе не означает, будто вы непогрешимы, не способны принять неверное решение, ошибиться в расчетах, подобно любому из нас... Неужели ничего не приходилось переоценивать задним числом?

— Конечно, приходилось...

— Тогда вот что я вам скажу. Заключительный пункт плана слишком сомнительный, слишком опасный лично для вас, поэтому не следует суеверно надеяться на весьма слабую, по моему профессиональному мнению, убедительность выступления...

— Понимаю вашу озабоченность, — тихо сказал Ла Наг после короткой паузы.

Сейерс пристально в него взгляделся:

— Но ничего менять не намерены.

Собеседник кивнул:

— Я намерен огласить свои заявления. До сих пор они точно оправдывались, так что теперь никто их не проигнорирует. — Он вытащил из кармана жилетки бумажку в пять фунтов и протянул ее Сейерсу. — Смотрите!

— На что? — Тот осмотрел купюру, не найдя ничего примечательного.

— Переверните.

Обратная сторона оказалась пустой.

— Фальшивка! — воскликнул репортер.

— Нет. В таком виде сегодня печатает деньги Монетный двор. Ему не хватает не только бумаги, но и типографской краски. Стыд и позор. Самой мелкой стала купюра в пятьдесят марок. Всего через три месяца после обвала марка почти достигла своей реальной стоимости — стоимости бумаги, на которой она напечатана! Через три месяца! Никто из вас не верил, что это случится так быстро, поэтому я и сейчас не надеюсь ни на чье доверие. — Он взмахнул записанной катушкой. — Но гарантирую — запись сработает!

— А вдруг не сработает?

— Сработает. И положит конец всяким спорам. Только помните, Мора и остальные ничего не должны знать о следующем пункте плана, пока он не осуществится. Особенно Мора!

Сейерс как раз собирался сделать следующее замечание, но ему помешал Брунин, ворвавшийся в боковую дверь.

— Сеф Вулвертон сейчас сообщил, — пропыхтел он, увидев коллег, — что, по сведениям центра связи программы «Персей», несколько минут назад в нашу звездную систему выскочил разведывательный корабль, который направляется к Трону. Вроде буквально следует инструкции.

Ла Наг молча выругался. Еще бы хоть месяц! Империя к тому времени развалилась бы, никто уже не грозил бы войной с агрессивными инопланетянами... Не вышло. Впрочем, может быть, возвращение разведчика в данный момент даже выгодней. Если лично с ним встретиться в обход других — досадно близоруких, сомневающих, неуверенных, — побеседовать с глазу на глаз, дело, возможно, удастся поправить.

— Хорошо, — вздохнул он. — Передай Вулвертону, пусть по возможности придерживает известие о прибытии корабля. Долго, конечно, не утаишь. На подлете его засекут все радары. Нам нужно хоть какое-то время на подготовку.

— Может, попросту сбить его в воздухе? — усмехнулся Брунин. — Проблема, по-моему, начисто и аккуратно решится.

Ла Наг минуту молчал, с ужасом соображая, что такое же точно решение еще раньше пришло ему в голову. Разумеется, он его сразу отбросил, но при мысли, что хоть на секунду его рассуждения совпали с мнением Дэна Брунина, мороз прохватил по коже.

— Сначала встретимся с пилотом, — сказал он, как бы не слыша высказанного предложения. — Надо перехватить его, посадить, позаботиться, чтоб об этом никто не узнал. После краха Империи пусть объявляет всему освоенному космосу, с чем он встретился в ветви Персея.

— Нелегкое дело... — заметил Сейерс.

— Ничего, — оборвал его Ла Наг. — Я все устрою. Предоставьте мне дело. Я обо всем, как всегда, позабочусь.

Тут ему на миг показалось, что он сам себя не узнает. Вместо него выступает какой-то нетерпеливый

безмозглый осел, не принимающий никаких возражений, отвергающий всякие взгляды, не совпадающие с его собственными. Возникает вопрос: не закралась ли в душу дьявольская гниль, которая угрожает не только ему самому, но и революции, всем, для кого он старается? Он прогнал его, как назойливое насекомое. Чепуха. Революция совершается. Победа близка. Ничто уже его не остановит. Ничто!

Глава 19

Отчески заботливое Государство внушает народу чувство безопасности. Но уверенное в себе и в своей безопасности население противится всякому продвижению — особенно вперед.

Из «Второй Книги Успр»

Трон уже походил на любую другую планету земного класса — голубую, коричневую, с белыми завитушками. Не особенно впечатляющая, но родная картина. Там Салли. Венсан Стаффорд гадал, что происходит дома. Определенно что-то нехорошее. Неизвестно, что именно и насколько серьезно, но творятся какие-то хитрые фокусы. Чем еще объяснить идиотские указания?

Первая часть инструкций логична — лететь с максимальной скоростью прямо к Трону, ни в коем случае не останавливаясь; о прибытии в звездную систему немедленно сигнализировать узким направленным лучом в центр связи.

ПОСЛЕДНИЙ

ВЫПУСК

ХРЕСТОМАТИЯ РОБИН ГУДА

Не соглашайтесь на перевыборы Метепи!

По Трону ходят разговоры о перевыборах Метепи и всей его шайки. Не слушайте! Составляются петиции — не подписывайте!

В результате «свободных выборов», инициированных успешным движением за перевыборы, вы получите три-четыре клона Метепи VII с разными именами, разными лицами, разными генотипами, но, как только они придут к власти, начнут проводить ту же самую глупую безответственную и опасную политику, которая привела внешние миры к нынешнему положению.

НЕ ГОЛОСУЙТЕ! При действующей избирательной системе это бессмысленное занятие, даже если скрупулезно подсчитывать голоса. Ведь ни на одном избирательном участке у вас нет возможности высказаться *против всех* кандидатов. Если нельзя сказать — никого не хотим, голосование попросту не имеет значения, абсолютно нелепо.

Не соглашайтесь на перевыборы Метепи...

Требуйте перевыборов Империи!

— Экономический прогноз погоды —

ИНДЕКС ЦЕН (принимая за базовый (100) 115-й год существования Империи, когда имперская марка стала законным платежным средством)			12 792,4
ДЕНЕЖНАЯ МАССА (МЗ)			167 322,7
УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ			31,0%
	Имперские марки	Солнечные кредитки	
ЗОЛОТО (тройская унция)	21 500,2	133,3	
Серебро (тройская унция)	132,7	6,2	
Хлеб (буханка в 1 кг)	51,0	1,71	

Никаких вопросов. Он ожидал подобных распоряжений и сам собирался действовать именно так. Одной встречи с тарками вполне достаточно, большое спасибо.

Дальше полный бред сумасшедшего.

Как только центр связи его обнаружит, велено пулей мчаться на Трон и выйти на орбиту, проходящую

над восьмидесятой северной широтой и девяностой восточной долготой планеты. И ни в коем случае — что было подчеркнуто и дважды повторено — ни с кем не связываться. Вообще ни с кем. Кто бы ни пытался наладить связь, никому не отвечать и никого не слушать. Постараться, чтобы никто его не опознал. Достаточно того, что о прибытии и местонахождении знает центр связи программы «Персей». Его встретит челнок на орбите и доставит вниз для разбора полета.

Что-то случилось, а что — непонятно. Бояться, как бы внизу не поднялась паника, если он распустит жуткие слухи о тарках? Начальству следовало бы знать его лучше. Может, просто осторожничают, хотя меры предосторожности кажутся чрезвычайными. В чем дело?

Стаффорд пожал плечами. Приказы получены из центра связи программы «Персей», от непосредственного руководства. Это не его забота. Не его дело гадать о причинах. Хочется просто почувствовать под ногами прочную землю Трона, найти Салли, получить за контакт премию... лишних двадцать тысяч марок. На них можно долго прожить.

Как приятно вернуться домой!..

На следующее утро в ранний час по корабельному времени он по плоской траектории скользнул в поле тяготения Трона. Двигатели легкой посадки замедлили ход, мягкие, но неуступчивые пальцы планетного тяготения сомкнулись вокруг корабля, удерживая на расстоянии вытянутой руки. Стаффорд тщательно планировал и рассчитывал посадку в течение трех дней перед прибытием в звездную систему и теперь с улыбкой производил последние незначительные поправки курса. Отлично! Разведывательный корабль вышел на орбиту с точно заданными координатами, не отклонившись ни на секунду. Не зря потрачены годы на обучение в навигационной школе!

Экран чуть мигнул. Он включил усилитель изображения, навел фокус... Вот — орбитальный челнок поднимается навстречу. Прибавил яркость. Странно... без имперской эмблемы. Впрочем, вполне совпадает с другими безумными странностями. Если руководство программы «Персей» хочет держать прибытие разведчика в такой тайне, ничего удивительного, что за ним прислали корабль без опознавательных знаков.

Индикатор системы связи опять замигал, что регулярно случалось в последние полтора дня. Но Стаффорд — хороший солдат, — подчиняясь приказу, упорно его игнорировал. Сперва чувствовал сильное искушение совсем выключить связь, а потом передумал. Пускай себе мигает. Кому какое дело? Он вернулся домой.

— С корабля по-прежнему нет ответа? — спросил Хейуорт.

Крошечная голова на видеоэкране отрицательно покачалась.

— Нет, сэр.

— Нет никаких признаков, что корабль неуправляем? Может быть, сбился с курса? Может, что-то случилось с пилотом?

— Если с ним что-то случилось, сэр, хотелось бы мне посмотреть, как он летает в добром здравии. Корабль идет точно заданным курсом. Может, система связи вышла из строя, хотя там столько предохранителей, что это вряд ли возможно, если, конечно, аппаратура совсем не разбита. С виду корабль в полной целостности и сохранности. Даже не знаю, что вам сказать, сэр.

— Почему его присутствие в звездной системе раньше не было обнаружено?

— Не знаю, сэр.

— Вам платят за то, чтобы знали! — Хейуорт скрипнул зубами. — Какой от вас прок, если ничего не знаете?

Дерзкое пожатие плеч хорошо было видно даже на миниатюрном экране.

— По-моему, платят не так уж и много.

Усмешка тоже дерзкая. Видно, уже никто ни к кому не испытывает почтения.

— Скоро узнаем. — Хейуорт подавил приступ гнева. С этим типом потом разберемся. Он запомнил фамилию — Вулвертон. — Немедленно пошлите туда челнок и доставьте пилота прямо ко мне. Я сам с ним поговорю. Досконально все выясним.

— Челнок уже вылетел. Вам это должно быть известно, сэр.

Хейурорта вдруг на мгновение мороз по коже прохватил.

— Откуда?

— Вы сами его отправили. — Мужчина на экране взглянул вниз на что-то невидимое. — Я только что получил с челнока сообщение. Там сказано, что по вашему непосредственному приказу он должен перехватить на орбите разведывательный корабль и доставить к вам пилота.

— Я такого приказа не отдавал! Остановите челнок!

— Не знаю, удастся ли, сэр. Похоже, он уже совершил контакт.

— Тогда перехватите его до посадки! — Он всмотрелся в бесстрастное лицо на экране и вдруг принял решение. — Нет. Ничего не надо. Я сам все устрою.

Хейуорт без предупреждения прервал связь и принялся набирать код главнокомандующего имперской охраной. Если придется послать целый флот перехватчиков, так и сделаем. Надо допросить пилота!

Возникший в шлюзе мужчина не служил в имперской охране. Он был в ярко-зеленых лосинах, кожаной куртке и в шапочке с перьями. А в руке держал бластер.

— Скорей сюда! Пойдем на посадку, — сказал он, не шевеля губами.

Стаффорд заколебался.

— Что происходит?..

— Пошевеливайся!

И тут он точно понял, с кем имеет дело. Картинки на видео часто мелькали: это либо сам Робин Гуд, либо один из его Вольных стрелков. Приглядевшись поближе, заметил, что контуры фигуры едва ощутимо подрагивают — верный признак голографической маскировки.

— Ты Робин Гуд? — уточнил он, уже двигаясь к люку.

Ничего не боялся, несмотря на пугающий бластер. Собственно, бластер служит веским основанием для послушания.

— Потом узнаешь. Быстрее!

Стаффорд нырнул в люк, пробрался через тесный проход в еще более тесную кабину с одним креслом.

— Пристегнись, — велела фигура. — Может быть, перед нами ухабистый путь.

Дверца плотно задвинулась и, понятное дело, была заперта. Последовал рывок — челнок отстыковался от разведывательного корабля, стал набирать скорость, — Стаффорда швырнуло назад. Он решил пристегнуться. Частенько летал в челноках, но даже не припомнит, чтоб какой-нибудь так разгонялся.

— Мы их упустили, — ровным тоном сообщил главнокомандующий Тинмер.

Судя по тону, он был на грани нервного срыва, поэтому Хейуорт удержался от лишних упреков. Главнокомандующий наверняка ищет объект для разрядки, хочет на ком-нибудь зло сорвать. Пусть побережет его для пилотов-перехватчиков, явно проваливших порученное им дело. Кроме того, главнокомандующего лучше иметь на своей стороне.

— Как это могло случиться? — спросил главный советник, маскируя под озабоченное огорчение нараставшее раздражение всеобщей некомпетентностью, с которой встречался на каждом шагу.

— Во-первых, тот челнок нестандартный. Видно, с каким-то особым двигателем... Принялся совершать головокружительные маневры, а наши ребята торчали на месте, словно в катере на воздушной подушке. Кое-кто считает, что это такой же челнок, как тот, за которым мы гнались после налета на инкассаторов и тоже не догнали. Так или иначе, сел он где-то на западных пустошах. Туда уже направлены поисковые команды. Впрочем, даже если отыщут, на борту, конечно, никого не будет.

Хейуорт в молчаливом бешенстве на секунду закрыл глаза. Что происходит? Все идет не так, как надо! Он взглянул на главнокомандующего:

— Найдите пилота! Нам абсолютно необходимо с ним встретиться и выяснить, что он знает. Установите идентификационный номер разведывательного корабля, свяжитесь с центром программы «Персей», пусть сообщат его имя и адрес. Разыщите его, приведите ко мне и больше не допускайте никаких ошибок! Можете мобилизовать всю имперскую охрану, какая имеется в вашем распоряжении, прикажите прочесать каждый куст, обыскать каждый дом. Его *надо* найти.

Командующий заметно напрягся.

— Будет сделано все возможное.

— Позаботьтесь об этом, Тинмер.

Дейро Хейуорт тупо смотрел на погасший экран. Понятное дело — пилота никто никогда не найдет. Искать его будут ни на что не годные охранники, которыми битком набит Примус-Сити и близлежащие гарнизоны. Делать им нечего, они дохнут от скуки, а чем меньше служебных обязанностей, тем меньше им хочется их исполнять. По крайней мере, имперской охране гарантирована крыша над головой, еда и одежда, чего сегодня не скажешь о большинстве гражданского населения. На ее содержание уходит куча денег, но войска надо держать наготове... Вопрос о введении военного положения теперь лишь дело времени. Причем очень *скорого*.

Вчера уже показалось, что время настало, — в столичном квартале для безработных начался первый голодный бунт. Клянусь Ядром, было страшно! Хейуорт вспомнил, как на Земле в студенческие годы его чуть не захлестнули разъяренные толпы, которые тогда частенько выплескивали гнев. Если бы рядом не оказался приятель-землянин, шестым чувством, благодаря долгой практике, чувший приближение бунта, не затащил бы его в какой-то подъезд... Не стоит гадать о возможной судьбе хорошо одетого представителя внешних миров, очутившегося среди потока обезумевших представителей человечества. Впрочем, вчерашний бунт утихомирили несколько низко летевших транспортных кораблей гарнизона и несколько точно рассчитанных предупредительных лучевых выстрелов.

В следующий раз так легко не отделаешься. Продуктовые талоны нигде больше не отоваривают, безработные голодают. Законодательная машина не успевает повышать пособие за растущими ценами. Поскольку теперь все безработные, Монетный двор с трудом справляется с выпуском денег... Хейуорт слышал о галопирующей инфляции, но никогда не думал увидеть собственными глазами. То, что он когда-либо читал, близко даже не отражает реальности. Ничего. Как будто насмерть изголодавшаяся собака грызет собственный хвост... Бездна ведет к фатальному исходу.

Поэтому первым делом надо заботиться об охранниках. Раньше безработные со своими голосами представляли немалую силу, теперь их голоса никому не нужны. Скоро выйдет закон, разрешающий носить бластеры. Необходимо, чтоб их обладатели были довольны и счастливы. Пусть будут веселы, сыты, готовы бежать и стрелять из любимых игрушек, умирняя чернь. Больше они ни на что не годятся.

Пилота, естественно, не найдут. Дерзость похищения — если это, конечно, действительно похищение, — точный расчет времени, отчаянные маневры при бегстве... Все указывает на Робин Гуда, соответствует его образу действий. Теперь выясняется, что Робин Гуд не просто подрывает экономику и протестует против налогов, а все больше смахивает на полноценного революционера. Не бомбометатель с диким взглядом, а тонкий конспиратор, предвидевший постигшие Империю беды и обративший их в свою пользу. Как он мог предвидеть несчастье? Откуда мог знать? Разве что...

Просто смех! *Один* человек не способен обрушить имперскую марку! Даже Робин Гуд...

Ах, вот если б его удалось отыскать! Империя получила бы настоящий подарок. Убери Робин Гуда со сцены или лучше оставь на сцене и воспользуйся этим с выгодой для Империи — может быть, что-нибудь удалось бы спасти. Хорошо было бы посидеть с Робин Гудом — кем бы он ни был, — ведя долгие беседы, расспрашивая, откуда у него столько денег, каковы конечные цели... Безусловно, это были бы самые занимательные беседы в жизни Хейуорта. А договорив до конца, было бы очень приятно убить Робин Гуда.

— Ты Робин Гуд? Я имею в виду, *тот самый* Робин Гуд?

Ла Наг улыбнулся, радуясь благоговейному страху и откровенному обожанию, написанным на лице пилота.

— По правде сказать, мы никого конкретно не выбирали на роль Робин Гуда. Нас много.

— Похоже, ты главный. Сам придумал прикинуться Робин Гудом?

— Ну да.

— Тогда ты — он самый и есть. — Пилот протянул руку. — Очень рад познакомиться.

Ла Наг пожал протянутую руку, выполняя древний церемониал доброжелательного приветствия, и принялся наблюдать за пилотом разведывательного корабля, который прохаживался кругами, разглядывая склад Ангуса Блэка. Невысокий, худой, темноволосый, с симпатичной мальчишеской физиономией, в данный момент преисполненной озадаченностью любопытства.

— Это оперативный центр? Здесь планируются налеты и печатается «Хрестоматия Робин Гуда»? Никогда даже не думал своими глазами увидеть. — Он оглянулся на Ла Нага: — А зачем меня сюда привезли?

Ла Наг взял его за плечо и направил к конторке.

— Чтобы ты не попал к Хейуорту. Поймав тебя и получив информацию, он с ее помощью пригрозил бы внешним мирам войной и заставил бы их подчиняться Империи. В первую очередь внушил бы жителям Трона, будто Империя защищает его от опасности с неба, а не накликала ему на голову все нынешние

беды. Этого нельзя допустить. Дело близится к завершению.

Входя перед Ла Нагом в конторку, Стаффорд открыл было рот для ответа, который так и остался открытым, но не издал ни единого звука при виде присутствующих. Двое Вольных стрелков, которые пересадили его из разведывательного корабля в челнок и доставили на склад, зашли в этот самый кабинет, а теперь исчезли. Вместо них сидят две фигуры в черных хламидах.

— Флинтеры!

Стаффорд прищурился, стараясь разглядеть красноречивую расплывчатость контуров.

— Это не голографические костюмы, — сказал Ла Наг, пристально следя за реакцией пилота. — Тебе неприятно, что Робин Гуд связан с флинтерами?

Стаффорд поколебался, а потом сказал:

— Да нет... Значит, делаешь настоящее дело, а не просто в игры играешь, не стараешься привлечь к себе внимание. — Наконец он отвел взгляд от Каньи и Йозефа и посмотрел на Ла Нага. — Хочешь сказать, что я пленник?

— Гость, — поправил Ла Наг. — На несколько недель тебя удобно устроят, будут всемерно заботиться. Ты ни в коем случае не должен попасть в руки Хейуорта.

Лицо пилота вытянулось.

— Да ведь я же ему ничего не скажу! Если, по-твоему, он использует информацию для сохранения собственной власти, позабочусь, чтоб он ее не получил...

— К сожалению, ничего гарантировать невозможно, — устало улыбнулся Ла Наг. — Хейуорт знает, что тебе *что-то* известно, и после единственного укола ты подробно ответишь на любой вопрос. Я в твоей порядочности уверен, но Хейуорт безжалостен.

— А моя жена...

— Доставим ее сюда и поселим вас вместе. Сделаем все возможное, чтобы вы хорошо себя чувствовали.

— Но я *вынужден* здесь оставаться, — пробормотал Стаффорд. Горло у него перехватило. Он отвернулся, шлепнулся в кресло, уставился в пол.

— Что с тобой? — спросил Ла Наг.

— Почему-то казалось, все будет иначе, — тихо вымолвил он. — Увидел в челноке Вольных стрелков и подумал, что без Метепы и прочих настанет другая жизнь... Будет лучше. Нет. Лучше никогда не будет, правда?

— Не понял.

— Я имею в виду, ты хочешь стать очередным Метепом, не так ли?

— Ничего подобного!

— Отпусти тогда меня домой.

— Не могу. Ты, видно, не понимаешь, что я...

— Я одно понимаю. — Стаффорд встал и сердито взмахнул руками. — При Метепе мне жилось лучше. Можно было свободно ходить по улицам, а теперь нельзя.

— Если Хейуорт найдет тебя, ты никогда уже не выйдешь на улицу, — ответил Ла Наг. — Подумай об этом.

— Единственное, о чем могу думать, — я в плену, ты мой стражник. Нисколько не лучше любого другого в Империи. Фактически — хуже.

Слова его больно уязвили Ла Нага. Он мысленно подыскивал возражения, но в конце концов признал, что ради революции забыл все, во что верил, все, что унаследовал.

Вспомнился наказ Адринны.

Прежде всего — успр. Забудь о ней, стараясь победить врага, и сам станешь врагом... хуже прежнего, который просто не знал, что способен на лучшее.

— Неужели я... враг? — пробормотал он, чувствуя слабость и тошноту. Стаффорд вопросительно посмотрел на него. — Тебе не понять, — потряхнул головой Ла Наг, оглянулся на Канью и Йозефа, видя сочувствие, но не получая помощи.

Ему предназначено вести бой, тот самый, который можно выдержать лишь в одиночку.

Близка, близка победа, вот-вот будет достигнута главная цель... Как же он до этого дошел? Вот в кого превращаешься, дорвавшись до власти. Ужас. Он всегда был уверен, будто устоит перед искушением... будто он выше соблазна. И вдруг взял и поставил себя над другими, готовясь и желая использовать их для достижения своей конечной цели. Сделал точно то же самое, за что всей душой ненавидел Империю.

Невозможно сказать, когда дрогнул. Процесс пошел совсем незаметно — он так и не разглядел перспективу. Хотя при атаке Монетного двора должен был осознать, что ради своевременного включения аппарата Барского способен пожертвовать жизнью охранников. С каких пор налеты Робин Гуда стали важнее человеческой жизни? В тот момент надо было сообразить. Да, придя к твердому заключению, что «нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц», он поставил внешние миры на край губительной пропасти. Никогда раньше не верил, что цель оправдывает средства. Почему же теперь оправдала?

Если б Мора в тот раз не вмешалась, из-за него погибли бы люди. Тогда как революция вообще затевается ради жизни — ради свободного и беспрепятственного продолжения жизни. А чтобы революция стала поистине всенародной, она должна совершаться в том числе и в интересах имперской охраны, которой вместе со всеми прочими тоже надо дать шанс на лучшее будущее. Мертвецы и запертый на складе пилот не свободны.

Хорошо бы рвануть сейчас, выскочить в дверь, убежать в ночь. Только не к Море — куда угодно, лишь бы не к ней. Он до того стыдится самого себя и особенно своего обращения с нею в последнее время, что даже не посмеет взглянуть ей в глаза... пока не исправит дело.

— Можешь идти, — сказал он едва слышно, прислонясь к дверному косяку.

Стаффорд неуверенно шагнул вперед:

— Что? Правда?

Ла Наг кивнул, не глядя на него:

— Иди. Но помни: Примус-Сити совсем не тот, из которого ты улетаешь. На дворе ночь, на улицах хозяйничают сильные и отчаянные. Тебе там не понравится.

— Я должен найти жену.

Ла Наг снова кивнул и отошел от двери.

— Ищи. Если пожелаешь, веди ее сюда или лови удачу в городе. Сам выбирай. Не забывай, что Империя тебя ищет повсюду, а мы предлагаем тебе и твоей жене надежное убежище.

— Спасибо, — поблагодарил Стаффорд, глядя в пространство между Ла Нагом и флинтерами.

Сперва нерешительно, а потом все увереннее прошел мимо них через весь склад к боковой двери. И трижды оглянулся, прежде чем скрыться из вида.

Ла Наг немного помолчал, собираясь с мыслями. Стремительно ускорявшийся график предписывал очередной шаг.

— Проследите за ним, — приказал он Канье и Йозефу. — Пусть сам сделает выбор. Если захочет сдаться охранникам, не мешайте. Если решит остаться с нами, позаботьтесь, чтоб ему не помешали.

Флинтеры кивнули, радуясь возможности заняться делом, вместо того чтобы сидеть и ждать. Включили голографические костюмы, преобразившись в пару среднего возраста, и направились к двери.

— Еще одно, — добавил вслед Ла Наг. — Сюда его не приводите. Доставьте их с женой ко мне на квартиру. Сюда — ни в коем случае.

Он не видел выражения лиц под голографической маской, но догадывался, что оно озадаченное.

— Поверьте, я знаю, что говорю. — И сам почувствовал затхлый вкус этой фразы.

Вскоре после ухода флинтеров явился Брунин.

— Где пилот разведывательного корабля? — спросил он, крутя головой в поисках Стаффорда.

— Его нет.

Ла Наг сел в то кресло, в котором сидел раньше пилот.

— Где ты его спрятал?

— Я его отпустил.

До Брунина не сразу дошло. Сначала он принял ответ за неудачную шутку, потом пристально взгляделся в лицо Ла Нага.

— Что?

— Не считаю возможным держать под стражей ни в чем не повинного человека.

Малая часть лица Брунина, не закрытая волосами и бородой, побагровела.

— Дурак! Идиот! С ума сошел? Известная ему информация может все погубить — ты же сам говорил!

— Знаю, — с полным хладнокровием кивнул Ла Наг. — Но не могу допустить, чтобы единственный неприятный факт подорвал самую крепкую в его жизни веру.

— Веру?

Брунин пробежался по кабинету.

— Мы говорим о революции, а не о вере! — Он подскочил к письменному столу и принялся лихорадочно выдвигать ящики.

— Ты во что-нибудь веришь? Хоть во что-нибудь...

Выхватив из ящика ручной бластер, Брунин развернулся, прицелившись прямо в лоб Ла Нага.

— Я верю в революцию, — объявил он, тяжело дыша. — И уничтожу каждого, кто попытается подорвать мою веру!

Ла Наг понадеялся, что выглядит совершенно спокойно.

— Без меня не будет революции. Останется новая могущественная Империя.

В паузе, показавшейся бесконечной, не слышалось даже дыхания. Наконец Брунин опустил бластер,

без единого слова прошагал к задней двери и вышел на улицу.

Ла Наг поднял перед глазами левую руку. Пальцы дрожали. Даже не помнится, чтобы он когда-нибудь в жизни становился объектом столь бешеной злобы. Уронил руку на колени, тяжело вздохнул. Не последний случай. Прежде чем дело кончится, вполне можно еще ближе столкнуться с еще более страшной физической угрозой. Даже погибнуть. Но другого пути нет.

Он с усилием поднялся с кресла, пошел к письменному столу с выдвинутыми ящиками. Пора двигаться дальше. Сделать очередной намеченный шаг.

— Может быть, успокоишься? — проворчал Метеп VII, сидя в кресле-трансформере и глядя на кружившего по кабинету Хейуорта.

Советник с трудом сдерживал возбуждение, постоянно нараставшее с того самого момента, как он переступил порог.

— Не могу! Только что получено сообщение комиссара муниципальной полиции. Им стало известно, где находится Робин Гуд...

— После первого налета на инкассаторов мы без конца это слышим. Сплошное вранье. Доносят либо злопыхатели, либо шутники.

— Похоже, комиссар не сомневается, — заметил Хейуорт. — Звонивший назвал адрес склада, который, по его словам, является оперативным центром деятельности Робин Гуда. Сказал, будто можно найти там его самого и улики, которые мертвеца убедят. — Хейуорт инстинктивно потер руки. — Если это правда... Ох, *если бы!*..

Метеп поперхнулся, вдохнув желтый дым из кальяна. Всегда любил опьяняющие газы, а с недавнего времени, когда пошли разговоры о переизбрании, употреблял их чаще и больше. Зазвучавшие недавно требования о вотуме доверия законодательным органам лишь углубили депрессию.

— Я не совсем уверен, что именно комиссару следует поручить это дело. В конце концов, муниципальная полиция в последнее время...

— Знаю, — оборвал его Хейуорт. — И поэтому приказал обождать, пока Тинмер, наш замечательный главнокомандующий имперской охраной, не пришлет подкрепление, искупив неудачу с упущенным челноком нынче утром.

— Будем надеяться, — вздохнул Метеп. — Кстати, насчет челнока: пилота продолжают искать?

— Разумеется. Я вдобавок послал людей на квартиру, если он направится к жене. Хорошо бы, — улыбнулся Хейуорт, — взять до рассвета самого Робин Гуда и беглого пилота-разведчика. Сразу было бы совсем другое дело.

Венсан Стаффорд никогда не видел темных улиц Примуса. Раньше круглые фонари постоянно разгоняли тени, теперь кто-то расколотил все шары до единого вверх и вниз по дороге, а заменять никто не трудился. Попутные неосвещенные перекрестки мрачно свидетельствовали, что пострадали и другие улицы. Кругом тьма, обрамленная бессмысленными пьедесталами, на которых покоятся неузнаваемые обломки.

В городе он был не один. В подъездах кучковались неясные фигуры, глубоко нырявшие в тень. Впереди и позади чувствовалось присутствие прохожих — малочисленных, но все-таки позволявших рассчитывать на какую-то помощь в случае чего.

По пути возникло отчетливое ощущение пристальной и неотступной слежки. Кто же его преследует?

Никого не видно за спиной. Ощущение вскоре исчезло, сменившись назойливым страхом.

Робин Гуд сказал правду. Примус-Сити совсем не тот, из которого Вен улетел год назад. Прежний город был оживленным и светлым; по окраинам, правда, грязным, но не до такой же степени. В нынешнем улицы не освещаются, наземный транспорт исчез полностью, в ночном небе всего пара флитеров. Через два километра пропала всякая надежда поймать такси. Придется идти к монорельсовой станции.

Торговый район города поражал еще больше. В магазинах темно, пусто, витрины разбиты, торговые залы разгромлены, выжжены... Свет горит в нескольких уцелевших закрытых витринах. Заглянув в одну, Стаффорд увидел мужчину, тихонько сидевшего возле дальней стены, держа на коленях широкодиапазонное лучевое ружье ближнего боя, которое мигом взметнулось к плечу. Вен отпрянул и двинулся своей дорогой.

На всей улице был открыт лишь один магазин. До отлета в этот вечерний час каждый работал, в каждом было полно покупателей. Теперь освещенные окна открытого продуктового магазина сияют на улице, словно маяк. Перед ними толпится народ. Одни с тележками, другие с сумками, остальные с пустыми руками.

Идя на свет, к людям, Стаффорд решил краем глаза взглянуть, что их там привлекает. Подойдя, заметил у входа охранников, а внутри еще больше. Приглядевшись поближе, увидел, что почти все покупатели тоже вооружены.

Не собираясь входить в магазин, легко протиснулся к витрине. Внимательно прищурившись, обнаружил один-единственный товар, выставленный на продажу, — муку, наваленную на полу в прозрачной цилиндрической упаковке. По прикидке кило пятьдесят в каждой. Людей запускали по одному, каждый взваливал мешок на плечо и выходил в заднюю дверь.

Сначала, конечно, расплачивались. Вооруженный мужчина слева у прилавка пересчитывал кипы денег, складывал бумажки, засовывал в стоявший перед ним мешок. Мешок наполовину полон, другой позади набит доверху, наготове ждет третий. Над мешками охранник с оружием. Еще один охранник обыскивал покупателей одного за другим, изымал в дверях оружие и возвращал на выходе. Охранники очень похожи на владельца магазина — скорей всего, отец с сыновьями.

Стаффорд какое-то время зачарованно наблюдал за процессией, рассматривая пустые сумки покупателей, пачки денег на прилавке, наполнявшийся второй мешок. Тут в магазин впустили сразу двоих мужчин. Оба были с пустыми руками. Первый покупатель вызвал за прилавком существенное волнение, предъявив горсть старых серебряных марок, исчезнувших из обращения лет пятьдесят назад. Хозяин их пристально разглядел, взвесил, принялся по одной вкладывать в анализатор. Видно удовлетворившись, кивнул двоим мужчинам. Оба подхватили по мешку и вышли через черный ход.

— Потрясающе, что нынче может сделать горстка серебра, — заметил кто-то за спиной у Стаффорда, прилипшего к витрине. Тот отступил на шаг, чтоб рассмотреть получше, и увидел мужчину в обносках, среднего телосложения, с сальными волосами, оценивающим взглядом окинувшего его летный костюм. Под пиджаком что-то выпячивалось — видно, оружие, — в левой руке он держал битком набитый портфель, откуда торчало несколько марок.

— Почем у вас мука? — любопытствовал долго отсутствовавший навигатор.

Мужчина пожал плечами, глядя в витрину:

— Около десяти тысяч марок, как я слышал.

У Стаффорда челюсть отвисла.

— Знаю, дороговато, зарплата за целый рабочий день, да только надо радоваться, что мука есть,

когда профсоюзы наземного и воздушного транспорта снова бастуют.

— *Снова* бастуют?

— Хотя я их не виню, — добавил мужчина, глядя как бы сквозь собеседника, продолжая монотонную речь. — Мне тоже не хотелось бы получать понедельную плату. Работать в таком случае просто не стоит. — Ни с того ни с сего по щекам его потекли слезы, он заплакал. — Да в любом случае работать не стоит. Деньги обещениваются быстрее, чем успеешь потратить... всем уже на все наплевать... все просто попусту тратят время... я с большим удовольствием работал в Управлении... любил дом... семью... теперь это не имеет никакого значения, потому что не знаю, надолго ли удастся сохранить собственный дом...

Смущенный столь откровенным проявлением полного отчаяния, Стаффорд отскочил от витрины и ринулся в переулок с единственной тревожной мыслью в голове. Салли! Где она? Сумела ли в одиночестве выжить в этом безумии? Не умерла ли с голоду? Остается единственная надежда, что как-нибудь добралась до родных или они до нее. Не надо было ее оставлять! Он пустился бегом. Поскорее бы попасть в квартиру...

Монорельсовая станция находилась на следующем перекрестке. Прежде всегда ее окружавшие круглые фонари были разбиты, точно так же, как и остальные встречавшиеся на пути, но наверху на платформе, где должна стоять билетная касса, виден свет. Направляясь к пневматическому подъемнику, Стаффорд прошел мимо пяти-шести праздных парней, оглядевших его без особого интереса. Ускорив шаг, уже собрался прыгнуть в желоб, как вдруг остановился на самом краю, вытянул руку, не чуя движения воздуха. Должна быть тяга. За спиной раскатился презрительный смех.

— Чуть-чуть не навернулся!

Бездельники точно знали, что подъемник не работает, однако предпочли обождать, посмотреть, как лопух рухнет в шахту. Стаффорд через две ступеньки помчался по лестнице, поднялся на платформу, попросил у кассира билет до своей станции на другом конце города.

— Пятнадцать сотен, — пробубнил голос из пуленепробиваемой будки.

— Марок? — охнул Стаффорд.

— Нет, булжников, — насмешливо буркнул кассир.

Стаффорд повернулся и медленно зашагал вниз по лестнице. В кармане всего сорок марок. Придется пешком топать. Путь неблизкий, уже навалилась усталость — за год, проведенный в разведывательном корабле, несмотря на искусственное тяготение и основательную программу физических упражнений, потерял форму, выносливость... Впрочем, ничего больше не остается.

Только сначала надо миновать лодырей, выстроившихся внизу поперек лестницы.

— Красивый у тебя костюмчик, — заметил один, стоявший спереди. — Хотя я бы сказал, мне он больше пойдет, чем тебе. — Парень улыбнулся без всякого дружелюбия, скорчив гримасу.

Стаффорд ничего не сказал. Оглянувшись, увидел — на помощь звать некого.

— Ну, давай. Простоними и отдай — деньги тоже, — тогда мы тебя только чуточку поколотим. Попробуешь удрать — больно сделаем. — Бандит бросил красноречивый взгляд на монорельсовую платформу на десятиметровой высоте. — Проверим, правда ли ты умеешь летать в своем модном летном костюме.

— У меня денег нет, — объявил Стаффорд со всей строгостью, на какую был способен. — Даже на билет не хватило.

Улыбка исчезла.

— В таком наряде без денег никто не разгуливает. — Парень шагнул вверх по лестнице. — Слушай, похоже, ты нарываешься на неприятности.

Вен перескочил через перила, грохнулся оземь, помчался очертя голову, налетел на фонарный столб. Не успел подняться на ноги, как на него набросились — в лицо, в пах, по почкам ударили кулаки и ноги.

Потом вдруг удары ослабли, замедлились и совсем прекратились. Цепляясь за столб, он с трудом поднялся, тяжело дыша. Как только смертельная боль от жестоких пинков утихла до терпимого уровня, открыл глаза, огляделся вокруг.

На месте схватки словно взорвалась бомба, причем он стоял в эпицентре взрыва. Разлетевшиеся во все стороны агрессоры плашмя валялись на мостовой, на кучах мусора, висели на лестничных перилах. Кто-то или что-то оторвало их от него и расшвыряло в разные стороны, немилосердно поколотив при этом. Никто не шевелится... нет, тот самый, что вел разговор, медленно приподнял с земли голову. Стаффорд захромал вперед, чтоб проверить, не будет ли дальнейших осложнений. Очевидно, не будет. Бандит нечленораздельно пошевелил окровавленными губами и снова рухнул без сознания.

Вен повернулся, направился прочь, постепенно ускорившись приблизительно до трусцы. О случившемся можно только гадать, хотя, видя на складе у Робин Гуда двух флинтеров и зная, что Робин Гуд заботится о его безопасности, логично предположить, что он обзавелся двумя чрезвычайно надежными телохранителями. Будем надеяться, они проводят его до квартиры мимо Имперского парка.

После чего, будем надеяться, не понадобятся.

Путь превратился в расплывчатый сюрреалистический бред. Руки-ноги наливались свинцом, воздух обжигал легкие. Но Стаффорд не сдавался, несмотря на физические страдания, не шедшие ни в какое сравнение с душевными муками от поджидающей неизвестности дома. Упорно двигался по городу, утратившему всякое сходство с тем, где он жил много лет, мимо людей, несколько не похожих на тех, кого когда-либо видел. Время от времени в голове, подернутой туманом от нехватки кислорода, мелькало подозрение, что его разведывательный корабль сел не на ту планету.

В конце концов, запыхавшись и выбившись из последних сил, чувствуя тошноту, подступавшую к горлу, он очутился перед подъездом многоквартирного дома. Дверь открылась, по-прежнему среагировав на отпечаток ладони. За ней лежал теплый светлый оазис, предоставлявший убежище от темноты, молча буйствовавшей за спиной. По пути к подъемнику показалось, будто за спиной что-то движется, но, оглянувшись, он ничего не увидел, кроме медленно закрывавшейся двери подъезда.

Подъемник работал, в очередной раз подтвердив мудрость старых проектировщиков, которые настаивали на установке автономной энергетической системы, — каждый дом оборудован собственными коллекторами и усилителями солнечной энергии. Оказаться в данный момент в антигравитационном поле физически необычайно приятно. Стаффорд с большим удовольствием провел бы в подъемнике остаток ночи, если б так не боялся за Салли. Их квартира на пятом этаже. Он ухватился за перекладину, вывалился в реальный мир тяготения и инерции.

Распознав отпечаток ладони, дверь справа скользнула, открылась. Прямо перед глазами сидит в кресле Салли, смотрит видео. Увидев его, она, охнув, вскочила, но не подошла. Поэтому он сам шагнул к ней, нерешительно обнял, озадаченный ее холодностью.

— Ну как ты?.. Как сумела одна справиться?

— Справилась.

Салли упорно отводила глаза.

— В чем дело?

Она покосилась куда-то вправо. Стаффорд оглянулся. Из дальнего угла комнаты выскочили два вооруженных имперских охранника.

— Венсан Стаффорд? — уточнил первый. — Мы вас поджидаем. Вы арестованы за преступления против Империи.

— Пилот задержан, сэр.

Хейуорт чуть не завопил от радости. Надо сохранять лицо. В конце концов, на экране простой солдатик, зеленый юнец.

— Очень хорошо. Где он?

— С нами, у себя на квартире.

— То есть его еще не доставили в комплекс? — повысил он голос.

— Нам было приказано доложить лично вам, сэр, как только его арестуем.

Действительно, он сам отдал такой приказ.

— Ладно. Сколько вас там?

— Всего двое.

— Он не сопротивлялся?

— Нет, сэр. Просто пришел, и мы его взяли.

Хейуорт обдумал ситуацию. Как бы ни хотелось поскорей допросить пилота, сомнительно, стоит ли доверять конвоирование паре необученных имперских охранников. Кто бы мог подумать, что ему хватит глупости возвращаться к себе на квартиру?

— Ждите там, пока я пришлю подкрепление. Нам ни к чему досадные случайности.

— Слушаюсь, сэр.

Охранник, кажется, не возражает. Ему тоже ни к чему досадные случайности.

Хейуорт распорядился послать к дому Стаффорда дополнительную охрану, потом обратился к Метепу, хлопнув в ладоши:

— Отличный вечер! Пилот уже у нас, а через час в наших руках будет и Робин Гуд!

— Почему такое промедление с Робин Гудом? — спросил чересчур накутившийся Метеп, с трудом ворочая языком.

— Я не оставил ему ни малейшего шанса. Городские карты тщательно изучены в поисках возможного подземного пути для отступления. Каждое здание вокруг склада занято имперской охраной, блокирована каждая улица, закрыто даже воздушное пространство над складом. Когда мы на конец замкнем капкан, оттуда даже комар не вылетит без нашего позволения. Вот так, Джек! Сегодня мы снова возьмем положение дел в свои руки!

Метеп VII пыхнул дымом и вновь поднес к носу сосуд.

— Хорошо.

На звонок один из охранников осторожно подошел к двери. Для подкрепления слишком рано. В глазок он увидел двоих стоявших за дверью людей среднего возраста и довольно убогого вида. Они топтались на месте, без конца оглядываясь.

— Мы знаем, мистер Стаффорд, что вы дома, и хотим получить свои деньги.

Охранник не понял, кто из них это сказал. Парочка постоянно вертелась, то и дело выскакивая из поля зрения.

— Уходите! Стаффорд арестован.

За дверью раздался смех.

— Это что-то *новенькое*!

— Правда! С вами говорит имперский охранник.

Снова хохот.

— Не поверим, пока не увидим!

Стражник сердито распахнул дверь.

— Ну, теперь...

Он вдруг очутился на полу, чья-то фигура прыгнула в дверь, нацелив глушитель в голову второго охранника. Ни налетчик, ни охранник, ни оружие не издали ни единого звука, но солдатик закрыл глаза и присоединился к лежавшему на полу сослуживцу.

— Если желаешь отправиться с нами, пошли, — сказал налетчик женским голосом, сунув в кобуру оружие. — Мы здесь лишь для того, чтобы дать тебе возможность выбора. Если хочешь, тебе и твоей жене предлагается надежное убежище. Не хочешь — жди, когда они очнутся.

— Мы с вами пойдем, — без колебаний ответил Стаффорд.

— Вен! — воскликнула Салли.

Он оглянулся на нее:

— Все в порядке. С ними мы будем в полной безопасности. Я знаю, кто они такие.

Салли не ответила. Просто прильнула к мужу, лишившись физических сил и чувств, глядя, как незнакомцы закрывают дверь квартиры и аккуратно укладывают охранников на полу.

Летевший в пневматическом подъемнике Брунин придержался за перекладины рукой и ногой, высунул в коридор голову, быстро глянул вверх-вниз, снова отпрянул в желоб. Неизвестно, что происходит за дверью квартиры Стаффорда, а обязательно надо узнать. Позаботиться, чтоб пилот ничего не рассказывал — никогда, никому.

Приготовившись выскочить в коридор, он услышал, как тихо открылась дверь... в той самой стороне, где находится искомая квартира. Есть две возможности: отцепиться от перекладин, взлетев на следующий этаж, или выйти, встретившись с выходившими, кто б они ни были.

Он выбрал последнее. Если что, на его стороне внезапность и оружие наготове. Уткнувшись правой ногой в заднюю стенку желоба, Брунин оттолкнулся и вылетел в коридор.

Его чуть не стошнило при виде эскорта Стаффорда. Слишком хорошо знакомы голографические костюмы. Впрочем, уже поздно — надо действовать.

— Стоять на месте! — крикнул он, целясь из бластера в грудь пилоту. — Еще шаг, и ему конец!

Все четверо остановились — пилот, женщина, двое сопровождающих флинтеров.

— Брунин, что ты делаешь? — проговорил мужской голос, вроде бы слева. Голос Йозефа. — Сейчас

сюда направляется в подкрепление рота имперской охраны. Не осложняй ситуацию, пропусти нас.

— Вас троих пропущу, — осторожно сказал Брунин, пристально следя за каждым движением флинтеров.

Позиция у него отличная — он стоит достаточно далеко, чтоб успеть выстрелить, прежде чем кто-нибудь его достанет, и слишком близко, чтобы промахнуться. Сцену надо разыграть очень точно. Времени хватит лишь на один выстрел, потом флинтеры его схватят. Ну и ладно, пристрелит пилота и сразу же бросит оружие. Есть шанс, что его оставят в живых и отведут к Ла Нагу, а тот, как обычно, ничего не сделает. По крайней мере, пилот будет мертв. Только ни в коем случае нельзя попасть во флинтера — после этого не угадаешь, что другой с тобой сделает.

— То есть как это «троих»? — переспросила Канья.

— Пилот должен умереть.

— На этот счет можешь не беспокоиться, — сказал Йозеф. — Он решил остаться с нами. Мы ведем его к Ла Нагу.

— Плевал я на его решения и на то, куда вы его ведете. Вдруг он передумает и опять уйдет... или Метеп публично предложит ему огромную награду за возвращение. — Брунин покачал головой. — Нет... нельзя рисковать. Он может погубить все дело. Вы же знаете.

Он слишком поздно понял, что происходит. Во время его речей флинтеры придвигались ближе и ближе к Стаффордам. Потом оба одним быстрым шагом сомкнулись перед ними, полностью загородив намеренную мишень.

— Не смейте! Отойдите!

— Лучше отдай оружие, Брунин, — посоветовала Канья.

Флинтеры вместе начали приближаться к нему шаг за шагом.

— Стреляю! — крикнул он, страстно желая отступить, но чувствуя, что словно прирос к полу. — Уложу вас обоих, а потом его!

— Ты можешь убить только одного из нас, — предупредил Йозеф. — И это будет твоим последним поступком. Последним в жизни.

Бластер вдруг вылетел из руки. Брунин увидел его у Каньи, даже не поняв, как это произошло.

— Скорее теперь, — бросил Йозеф Стаффордам, увлекая их к подъемнику. — Подкрепление прибедет с минуты на минуту.

На ходу Канья сунула Вену бластер Брунина.

— Держи за поясом и позабудь о нем, пока мы не скажем.

— А я? — спросил Брунин, больше всего в жизни страшась ответа.

Канья с Йозефом только глянули на него равнодушно, бесстрастно под голографическими масками и вместе с пилотом и его женой нырнули в подъемник. Он поспешил следом. Если сейчас явятся имперские охранники, совсем ни к чему, чтоб его тут застали, попросив объяснить, почему пуста квартира пилота. Брунин неся по желобу прямо за ними и, выскочив на улицу, очутился лицом к лицу с ротой охраны, высаживавшейся из грузового флитера. Командир мгновенно узнал Стаффорда, портрет которого после первого исчезновения у каждого охранника, естественно, запечатлелся в памяти.

— Что тут происходит? — заорал командир, вскинув бластерное ружье. — Где остальные? Кто это?

Канья с Йозефом направились к ним. Голос Йозефа прозвучал тихо, но слышно:

— Успокойтесь, стойте на месте, предоставьте нам дело. Их всего шестеро.

— Я вас спрашиваю! — повторил командир, обращаясь к любому, кто слышал. — Где два имперских охранника, которые должны стеречь арестованного?

— Уверяю вас, мы не понимаем, о чем идет речь, — пожал плечами Йозеф. — Мы сами по себе.

Командир роты в него прицелился, остальные пять членов команды выстраивались у него за спиной.

— Предъявите документы. Лучше настоящие, иначе мы все вместе поднимемся и заглянем в квартиру.

На Брунина нахлынула паника, перекрыла доступ воздуха, удушила. Вот так вот — сейчас их либо прикончат, либо бросят к Метепу в тюрьму. Одно несколько не лучше другого. Надо что-то делать. Он увидел, что Стаффорд стоит чуть впереди и левее его, осторожно прикрыв грудь руками. Жена цеплялась за его левую руку, все внимание пилота устремлено на нее. Из-под правого локтя торчит дуло конфискованного у Брунина бластера.

Рука последнего автоматически, бессознательно дернулась, выхватила оружие. Оно ему жизненно необходимо. Это обломок кораблекрушения в штормовом море, шанс на выживание. Спасения не гарантирует, но больше у него ничего не имеется в данный момент.

Стаффорд инстинктивно вздрогнул, почуяв рывок, и схватился за пояс.

— Эй!..

Вполне подходящий момент, чтоб покончить с проклятым пилотом, поэтому Брунин нажал на спусковой крючок сразу, как только нащупал. Однако Стаффорд быстрее среагировал, толкнув его под локоть, Салли взвизгнула, лазерный луч ушел вверх, никого не задев.

Не повезло только Йозефу. Услыхав женский крик, увидев нацеленный и стреляющий бластер, командир роты выстрелил в ответ. Между ним и Йозефом сверкнула короткая вспышка, осветившая лицо флинтера, смыв на миг голографическую маскировку. Йозеф рухнул без единого звука. При падении что-то выскочило из патронташа, пробившись сквозь голографический костюм, словно прямо из тела, и покатилося по мостовой.

Все сразу бросились ничком на землю, включая Брунина. Кроме Каньи. Она ринулась на охранников, принялась вытворять нечто немыслимое, отвешивая пинки и удары, кружась и ныряя так, что никто не мог открыть огонь, опасаясь подстрелить сослуживца. Брунин снова сообразил, что у него в руках собственный бластер. Стаффорд упал, прикрыв телом жену, оба они безнадежно обхватили голову руками. Брунин собирался раз навсегда ликвидировать опасного пилота, но тут в глаза ему бросилось нечто лежавшее на мостовой.

Белый диск с красной кнопкой в центре рядом с неподвижным телом Йозефа. Под камуфляжем не разберешь, насколько тяжело ранен флинтер, жив ли вообще. Крови вокруг тела не видно, хотя нанесенные тепловым лучом бластера раны не сильно кровоточат. Решив рискнуть, Брунин пополз на животе, схватил диск, попятился назад. Взглянул через плечо, увидел, что Канья уже заканчивает расправляться с отрядом, поднялся на ноги, шмыгнул в другую сторону, в безопасную темноту, помчался вниз по улице.

Держа в левой руке диск, в правой бластер, он с предельной скоростью, на которую были способны гудевшие ноги, бежал по дальним закоулкам, через пустые автомобильные стоянки, перебежал с одной улицы на другую, менял направление, постепенно удаляясь от центра города, от Имперского парка и

Имперского комплекса вокруг него. Больше ему не понадобится ни Ла Наг, ни флинтеры, ни кто другой. В левой руке он держит судьбу Империи.

Глава 20

При нынешнем постоянном общении люди боятся одиночества до такой степени, что не находят ему иного применения... кроме наказания для преступников.

Серен Кьеркегор

— Йозеф мертв?..

Ла Наг едва не закричал во все горло. Нет больше спокойного рассудительного человека, пробывшего рядом почти пять лет, постоянно ходившего на волосок от гибели и все-таки в душе мягкого, миролюбивого... Легко принять флинтеров за смертоносные автоматы, живое орудие, без каких-нибудь признаков личности, без всякой индивидуальности. Но это живые существа, искушенные в философии, глубоко нравственные на свой собственный лад, человеческие, смертные...

— Как это произошло?

Канья объяснила спокойно и кратко. На лице, светившемся на видеоэкране, не отражалось никаких эмоций. Типично для флинтеров: никто из них не выставляет переживания напоказ. Горевать она будет потом, в одиночестве.

— Хотела доставить тело на склад, пока не возникнет возможность вернуть его на родину, — сказала Канья в заключение, — да не смогла подобраться. На всех домах вокруг через каждые двадцать метров установлены инфракрасные мониторы на земле и в воздухе. Меня обязательно засекли бы.

— Бедный Йозеф, — пробормотал Ла Наг, пока еще мысленно не желая мириться с известием о его гибели. — Всей душой, всем сердцем сочувствую...

Он всмотрелся в изображение на экране. Как утешить флинтерку? Хорошо бы обнять ее, чувствуя под руками не камень, не сталь, а отзывчивую податливую плоть. Чувствуется, как ей больно. Положила б ему на плечо голову, выплакалась... Но это невозможно, даже если бы Канья стояла сейчас рядом с ним. Флинтеры от рождения обладают полным эмоциональным контролем. Обучаясь сотням, тысячам способов убивать, об эмоциях надо забыть навсегда.

И теперь Канья продемонстрировала этот самый контроль.

— Слышишь меня? Ты в ловушке. Мы должны тебя вытащить.

Ла Наг отрицательно покачал головой:

— Я знаю, что вокруг происходит. За мной следят. Жду ареста... не стану оказывать сопротивление. Что с пилотом?

— Он вместе с женой у Моры, в полной безопасности.

— А Брунин? Точно больше не натворит беды?

Канья на миг помрачнела, сверкнула глазами.

— Пока не знаю. Скоро смогу гарантировать.

Ла Наг инстинктивно напрягся:

— Что ты от меня скрываешь?

— Йозеф погиб по его вине, — ровным тоном объявила она. — Не задержи он нас в доме пилота, мы бы успели уйти до прибытия имперской охраны. Даже когда нас остановили на улице, не началось бы

никакой стрельбы. Если бы он послушался указаний и оставался на месте, Йозеф был бы жив и стоял сейчас рядом со мной.

— Оставь его, Канья. Пусть идет куда хочет. Теперь никому уже не навредит, кроме самого себя. Разберешься с ним, когда горе немного утихнет.

— Нет.

— Канья, ты поклялась меня слушаться до конца революции.

— Его надо немедленно отыскать.

У Ла Нага возникло тревожное ощущение, будто она чего-то недоговаривает.

— Почему? Что за срочность?

— Мы опозорились, — сокрушенно призналась она, впервые опутив глаза. — Не спросив твоего разрешения, припрятали в Имперском парке аппаратуру для подстраховки на случай провала.

Ла Наг закрыл глаза. Вот это уж совсем ни к чему.

— Какую аппаратуру?

Возникло тошнотворное ощущение, что ответ ему известен.

— Ящик Барского.

Именно этого он и боялся.

— Большой? Каков радиус поля смещения?

— Три километра.

— *Ох, нет!* — Он снова открыл глаза, и Канья опять взглянула на него. — Усомнились во мне?

— Всегда есть вероятность, что ты ошибаешься. Вдруг Империя вновь возьмет верх, вдруг Земля развернется быстрее, чем предполагалось... Нам нужен был способ, который наверняка гарантирует полную гибель.

— Да ведь при таком радиусе поражения на Троне произойдет глобальная катастрофа!

— Все равно, никому уже не будет грозить ни Империя, ни сменившие ее земляне.

— Ценой миллионов жизней! Революция вообще затевалась ради спасения жизни!

— Мы старались помочь! И включили бы аппарат только в случае твоего поражения. Если власть перейдет к новой Империи или к Земле, они обязательно вторгнутся на Флинт и Толиву. Каждый из нас готов умереть, защищая родную планету. Это *тоже* будет стоить миллионов жизней *флинтеров*! Мы предпочитаем гибель Трона. Никогда никому не позволим посягнуть на наш образ жизни. *Никогда!*

Ла Наг взмахнул руками, остановив ее:

— Хорошо! После обсудим. В чем проблема с Брунином?

— У аппарата два активатора. Один сейчас у него.

Долгую минуту Ла Наг сидел в молчании. А потом молвил:

— Ищи его.

— Найду.

— Как? Кто знает, куда он направился...

— Во все активаторы встроены сигнальные маяки, чтобы не потерялись. Куда б он ни направился, я

его выслежу.

— Он сумасшедший, Канья. Пустит в ход аппарат просто ради забавы. Его обязательно надо остановить! — Ла Наг вновь замолчал, на этот раз ненадолго. — Почему ты мне не поверила?

— Любой план, даже самый идеальный, может провалиться. Вдруг ты где-нибудь ошибся в расчетах?

Ла Наг невольно разгорячился.

— Где? Когда? Разве мы отстали от графика? Разве не все идет как намечено?

— В плане намечена гибель Йозефа?

— Если бы ты хоть чуточку больше мне верила, — сказал он, пряча острую боль, которую причинили ему эти слова, — над нашей головой не нависла бы сейчас угроза!

— Если бы ты не так упорно держался за Брунина, несмотря на общее мнение окружающих...

— Он был нужен на первых порах. Я... думал, что сумею переубедить его, перетянуть на нашу сторону...

— И ошибся. Поэтому Йозеф погиб.

— Канья, мне очень жаль.

— И мне тоже, — холодно бросила флинтерка. — Но я позабочусь, чтоб Брунин больше не погубил никого.

Вздернув плечи, она потянулась к выключателю видеопередатчика.

— Не убивай его, — попросил Ла Наг. — Он многое пережил вместе с нами... во многом помог. В конце концов, не его выстрел сразил Йозефа.

Непроницаемое лицо Каньи на миг вспыхнуло и погасло на экране.

Ла Наг обмяк, сгорбившись в кресле. Она вправе его ненавидеть не меньше, чем Брунина. В конечном счете на нем лежит ответственность за смерть Йозефа. На нем лежит ответственность за дурацкие выходки Брунина и за смерть последнего в руках Каньи, если та его все-таки решит убить. Конечно, она сочтет месть справедливой. Брунин — просто бешеный пес.

Фактически во всем виноват сам Ла Наг. Во всем. Разве можно быть таким идиотом? У них с Брунином была общая цель — крушение Империи. Он надеялся прийти с ним к согласию. Не вышло. Теперь ясно, что никогда не было ни малейшей надежды. Никакого согласия быть не могло. Никогда.

На первых порах разногласия между ним и Брунином казались предпочтительнее расхождений между флинтерами и толивианцами. Обе цивилизации породила одна философия — успр; обе двигались к общей цели — полной свободе личности. Со временем разница усугубилась. Толивианцы уклоняются от опасности, отступают в безопасное место, дерутся лишь в случае крайней необходимости: *оставьте нас в покое или мы уйдем*. Флинтеры выбрали более смелый подход. Никому не угрожая, готовы броситься в бой при первом признаке агрессии: *оставьте нас в покое или пожалеете*. Тем не менее обе планеты неплохо сработались, когда в конце концов Толива тоже решила ввязаться в бой.

Раньше верилось в возможность сотрудничать и с Брунином. Когда-то Ла Наг даже намеревался уговорить его сдаться Империи в образе Робин Гуда, к чему сейчас готовился сам. Он горько усмехнулся в душе. То ли свалил полного дурака, то ли слишком поверил в якобы самое верное и убедительное решение...

Надо признать, очень хочется, чтобы кто-то другой — *кто угодно* — сидел сейчас вместо него в пустом складе в ожидании имперской охраны и ареста. Сдаться Империи, оказаться в капкане, в запертой

тюремной камере... Сама мысль в дрожь вгоняет. Тем не менее это необходимо сделать... совершить обязательный шаг... выполнить очередной, самый важный пункт плана... который никому другому нельзя поручить.

Теперь уже скоро. Да Наг перетащил кресло в самый центр и уселся, спокойно скрестив на груди руки, олицетворяя полное умиротворение и спокойствие. Офицеры, командующие поисковым отрядом, постараются хорошенько науськать подчиненных. Им предстоит захватить знаменитого Робин Гуда — говорить даже нечего, какая награда за него назначена.

Он неподвижно сидел, ничем никому абсолютно не угрожая. Не стоит никого провоцировать на опрометчивые поступки.

— Его *обязательно* надо живым взять. Понятно? Имперская охрана в последнее время катастрофически проваливает любое задание! Это ее последний шанс доказать свою дееспособность. Если вы сейчас не справитесь, может быть, никому из нас не представится другой возможности!

Хейуорт прервал тираду, надеясь, что затронул верные струны. Пригрозил, посулил и пустил бы слезу, если б знал, что подействует. Главнокомандующий Тинмер должен полностью уяснить критическую важность поставленной перед ним задачи.

— Если на складе действительно сидит Робин Гуд, если там действительно располагается оперативный центр, на что определенно указывают свидетельства, того, кто там находится, следует обязательно взять *живым*, до последней крохи собрав доказательства, что именно *он* и есть Робин Гуд. Еще раз подчеркиваю: *абсолютно* необходимо живым взять, даже если при этом погибнут охранники.

Не находя других или, точнее, более убедительных слов, Хейуорт выключил монитор с изображением Тинмера, лично ответственного за арест Робин Гуда, взглянул через плечо на Метепу, глубоко спавшего наркотическим сном в своем кресле, рядом с которым на полу стоял опустевший кальян, и, презрительно покачав головой, опустил в собственное кресло.

Избранный правителем Империи внешних миров Метеп VII катится в пропасть быстрее самой Империи. Ничего удивительного. Хейуорт и другие влиятельные имперские деятели всю жизнь старались слепить во внешних мирах общество, соответствующее своим собственным представлениям, как бы ни сопротивлялась глина. И в основном преуспели. Заложили прочные основы власти, обрели контроль практически над любыми жизненными аспектами. Головокружительное могущество. Только испробуй — захочется больше и больше...

И вот власть уплывает из рук. Джек Милиан, полностью вжившийся в главную роль Метепу, болезненно переживает потерю. Империя мало-помалу лишала народы внешних миров возможности распоряжаться своей судьбой, а теперь сама лишается такой возможности. Кругом творится сплошное безумие. Почему? По несчастной случайности или по заранее задуманному и детально проработанному плану? Хейуорт ошарашен при мысли о том, что один или даже несколько человек способны погубить то, что он стремился построить. Хочется — *необходимо* — верить в случайное стечение обстоятельств.

И все-таки... в глубине сознания присутствует смутное ощущение, впотьмах безобразным червем ворочается догадка о сознательном *заговоре*... Последние события слишком напоминают сознательный *план*... Обстоятельства, ожидавшиеся через годы, складываются за недели и месяцы... *По плану*... Каждое бедственное событие, каждая губительная ситуация возникает в самый удачный момент, постоянно усугубляя катастрофические эффекты предшествующих событий и ситуаций... *По плану*...

Если это действительно заговор, существует единственный вероятный агент: тот, кто высмеял Империю, унизил, выставил напоказ ее глупость, на каждом шагу избегая поимки, — Робин Гуд.

Может быть — есть вероятность, — что человек или люди, известные под именем Робин Гуда, сегодня будут схвачены. Почему-то это несколько настораживает. Почему именно сегодня? Почему сведения о местонахождении Робин Гуда получены в тот момент, когда кажется, что Империя безвозвратно погибла? Неужели это очередной ход в заговоре против нее?

Он стукнул кулаком по подлокотнику кресла. Какие-то нездоровые рассуждения. При таком образе мыслей начинаешь бояться действовать. Повсюду видя заговор, спланированные и рассчитанные действия, считая, что тобой манипулируют, дергают за ниточки, впадаешь в состояние паралича. Нет... скорей всего, Робин Гуд в конце концов ошибся. Кто-то из подчиненных разочаровался и бросил его или, чем-то другим недовольный, пошел на предательство. Вот как обстоит дело.

Нынче вечером, если все будет сделано правильно, если имперская охрана вновь не допустит дурацкой промашки — тут Хейуорт покачал головой, по-прежнему не в силах поверить, что пилот разведывательного корабля дважды за один день выскользнул у нее из рук, — он встретится лицом к лицу с Робин Гудом. Узнает, заранее ли спланированы события. Если да, то и сам этот факт обернется на пользу Империи. Не только выяснится, с кем и с чем он борется и как им удалось его победить, но и будут получены неопровержимые доказательства, что Империя не виновата в нынешнем развале. Найдется козел отпущения, который ему страшно нужен.

Робин Гуд — последний шанс отвести от Империи назревающий гнев. Видно, отвлечь его с помощью информации, полученной от пилота-разведчика, уже не удастся. Спасти утопающих может один Робин Гуд. Причем только живой-. Мертвый станет бесполезным мучеником...

Дверь распахнулась с грохотом, прокатившимся по пустому складу. В клубах поднявшейся и разлетевшейся во все стороны пыли ворвались имперские охранники, так внимательно оглядываясь в поисках снайперов и минных ловушек, что какое-то время не замечали Ла Нага. Впрочем, вскоре он попал в центр внимания.

— Кто вы такой? — спросил кто-то, оказавшийся офицером, целясь ему прямо в лоб, так что он во второй раз за день очутился под дулом бластера.

— Меня зовут Ла Наг. Питер Ла Наг. Я здесь один.

Он положил руки на колени, чтобы не дрожали, стараясь говорить ровным тоном. Не хочется выдавать разрывающий душу ужас.

— Вы хозяин склада?

— Не совсем. Я его арендую.

К офицеру подскочил взволнованный молоденький охранник:

— Место то самое, сэр! Никаких нет сомнений!

— Что обнаружили?

— Высокоскоростные печатные устройства, пачки разных выпусков «Хрестоматии Робин Гуда», коробки, полные тех самых карточек, что летали с деньгами... Плюс около дюжины голографических костюмов. Может, включить какой-нибудь, посмотреть, что получится?

— Не вижу необходимости, — проворчал офицер и повернулся к Ла Нагу. Остальные члены излишне многочисленного отряда медленно бродили вокруг, и командир задал вопрос, который у каждого был на уме: — Это вы Робин Гуд?

Ла Наг кивнул. Горло сжалось, как бы отказываясь произнести слово признания. Наконец он выдал:

— Время от времени я выступаю под этим именем.

По рядам охранников, словно по лесу, пробежал благоговейно-испуганный шепот. Офицер быстрым гневным взглядом принудил команду к молчанию.

— Вы арестованы за преступления перед Империей, — объявил он. — Где ваши соучастники?

Ла Наг посмотрел ему прямо в глаза:

— Оглянитесь вокруг.

Тот оглянулся на своих солдат, старавшихся заглянуть друг другу через плечо, пробиться вперед, рассмотреть Робин Гуда. И вдруг понял.

— Разойтись по местам! — рявкнул он. — Немедленно собирайте вещественные доказательства!

Отдав приказание, препоручил завершение обыска склада своему подчиненному, а сам принялся лично командовать ротой, которой предстояло доставить Ла Нага в Имперский комплекс.

Сознательным усилием воли подавив все эмоции, он позволил себя увести. Преодолевая неожиданно возникшее пугающее предчувствие, что никогда больше сюда не вернется, покосился через плечо в последний раз, видя, что собравшиеся на складе охранники бросили дело, глядя вслед уходившему Робин Гуду.

Наконец!.. Наконец хоть что-то получилось!

— Доказательства собраны? — уточнил Хейуорт. — Неопровержимые?

— В десять раз больше, чем потребуется любому суду, — подтвердил сияющий Тинмер.

— Никакого суда не будет. Откуда известно, что именно *он* Робин Гуд, а не просто какой-нибудь его прислужник? Наверняка сплел хорошую байку, объясняя, по какому случаю очутился на складе.

— Вовсе нет. Сам признался. Так прямо и сказал, что он — Робин Гуд.

Восторженное чувство победы, мурашками бегавшее по каждому нерву, вдруг споткнулось, замедлилось.

— Добровольно?

— Да! Заявил, что зовут его Питер Ла Наг, сам выпускал листовки, устраивал налеты. Хотя в компьютерных результатах переписи человека с таким именем и фамилией не значится. Никакие личные данные не совпадают с данными жителей Трона.

— Значит, он из внешних миров.

— Или с Земли.

Хейуорт усомнился, особенно вспомнив оружие, которое спасло жизнь Метепу VII почти пять лет назад, приблизительно одновременно с первыми выпусками «Хрестоматии Робин Гуда». Оружие, изготовленное на Флинте. Наконец все сошлось воедино.

— Запросите другие планеты — те, кто с нами еще разговаривает. И Землю.

Наверняка отовсюду придут отрицательные ответы, но Хейуорт решил занять Тинмера делом.

— Собираетесь сразу его допрашивать?

Главный советник заколебался. Может быть, пленник рассчитывает, что его спешно доставят в комплекс и немедленно накачают наркотиками, развязывая язык. Пусть лучше обождет, решил он.

Проведет ночь в тесной камере, страдая от клаустрофобии, гадая, с чего начнется предстоящий допрос. Пусть полежит без сна, пока Хейуорт спокойненько отдохнет, в чем чрезвычайно нуждается.

— Обеспечьте строжайшую охрану, прикажите своим людям обращаться с ним не слишком грубо. Мне хочется, чтобы завтра он мог говорить.

— Тут никаких проблем не возникнет, — мрачно, кисло буркнул Тинмер. — Они с ним обращаются как с заезжим уважаемым высокопоставленным гостем, как... с офицером!

В душе вновь шевельнулась тревога, мурашки пробежали по коже, словно кто-то на миг открыл и закрыл в ночи дверь. Нехорошо, что охранники почтительно обходятся с человеком, который столько лет ловко водил их за нос. Они должны его ненавидеть, желать покуситься. Видимо, у них такого желания нет. По правде сказать, поведение неподобающее. Почему это так его беспокоит? Хейуорт разъединился и медленно отвернулся от экрана.

Не потрудился разбудить Метепу, сообщить ему новости. Отложим до завтра, придя в надлежащую форму. Он совсем выдохся. Одолела усталость после долгого, тяжелого, хлопотливого дня. У Робин Гуда шансов не осталось... Ну, хватит называть его Робин Гудом. Теперь это Питер Ла Наг. У него появилось имя, как у любого другого, пора приниматься развенчивать миф. У Питера Ла Нага нет никаких шансов бежать из усиленно охраняемой зоны. А Хейуорту больше всего сейчас надо поспать. Доза какого-нибудь стимулятора удержала бы на ногах, но, когда речь идет о его организме, он не прибегает к искусственным средствам, кроме косметических. Более или менее лечебный эффект оказывает только альфа-колпак, надеваемый на ночь. Колпак гарантирует желаемую продолжительность сна разной глубины в заданные периоды времени, пробуждая носителя по расписанию полным сил и энергии.

Несмотря на усталость, Дейро Хейуорт легко шагнул к своим временным апартаментам в Имперском комплексе, куда в прошлом месяце пришлось перебраться членам Совета Пяти и другим высокопоставленным государственным деятелям. По официальной версии — чтобы отдать все силы борьбе с поразившими Империю недугами, а на самом деле ради спасения от банд рыцарей по стране мародеров, которые осаждают роскошные особняки и усадьбы имперской бюрократии высшего ранга. Сегодня он не возражает против тесной квартирки. Завтра, пролежав шесть часов в колпаке, будет свеж и полностью готов встретиться лицом к лицу с Робин Гудом... *Нет!* С Питером Ла Нагом.

Проведя в камере час, Питер Ла Наг был вынужден признать, что дело в общем не так уж и плохо. Пожалуй, жуткий страх при мысли о тюремном заключении был чрезмерно преувеличен. Все шло по рутинным общепринятым правилам: до Имперского комплекса добрались без событий, дошли пешком до усиленно охраняемой секции; сняли отпечатки пальцев и глазной сетчатки, взяли образцы кожных клеток и крови для определения генотипа — тихо-гладко. Сюрприз поджидал лишь при входе в особую секцию.

Система тайной тюремной связи явно осведомлена гораздо лучше самых авторитетных средств массовой информации. На воле никто еще не слышал об аресте, а при первом же шаге по центральному коридору меж трехъярусных камер его приветствовал громкий долгий сиплый хор. Заключенные просовывали сквозь решетки руки, изо всех сил тянулись, стараясь дотронуться, схватить за локоть, за плечо, хлопнуть по спине. Мало кому удавалось, однако смысл ясен: даже в усиленно охраняемой зоне Имперского комплекса, максимально изолированной от повседневной жизни внешнего мира, Робин Гуда знают... и любят.

Не совсем тот слой троянского общества, к которому я обращаюсь, рассуждал Ла Наг, заняв место в одиночной камере нижнего яруса, глядя, как из пола вырастает решетка, с потолка спускается другая. Механические сталактиты и сталагмиты в рукотворной пещере сошлись и прочно сомкнулись на уровне

груди.

Как только доставивший его конвой удалился, Ла Нага со всех сторон принялись бомбардировать вопросами. На некоторые он ответил, от большинства уклонился, откровенно признавшись лишь в том, что он действительно тот самый Робин Гуд. Чувствуя смертельную усталость, забился подальше, прилег в стенной нише, закрыл глаза.

Вскоре в усиленно охраняемой секции воцарилась тишина. Прибытие знаменитости быстро пережили и приняли к сведению. Тут особенно не побеседуешь. Усиленно охраняемый блок предназначен для психопатов, убийц, насильников, рецидивистов... а отныне еще для врагов государства. Последнюю преступную породу решено изолировать, отделить от прочих заключенных и вообще от общества. Каждому отведена одиночная камера, синтестоновая коробка, огражденная пятью глухими плитами и открытая только спереди, где в зубастой ухмылке смыкаются решетки, верхняя и нижняя, ограждая обитателей от центрального коридора и друг от друга.

Никаких шансов на бегство, никакой надежды на спасение извне. Ла Наг хорошо это знал, передав сообщение, приведшее к аресту. Слишком прочные стены взорвать невозможно, не убив при этом заключенных. Единственный выход из блока опутан мелкой сетью ультразвуковых лучей необычайной мощности. Любой попавший в нее человек на втором шагу потеряет сознание. А сеть состоит из пяти слоев. На случай серьезных беспорядков в усиленно охраняемой секции другая система полностью зальет помещение неслышным звуком, погружающим всех в забвение на полчаса.

Впрочем, в данный момент в любом случае он не намерен покидать тюрьму. Будем сидеть и надеяться, что Метеп с Советом Пяти подыграют, Сейерс сумеет выпустить запись в эфир, люди откликнутся... Сколько неопределенных величин в уравнении... Пожалуй, слишком много. Пошатнуть доверие жителей внешних миров к Империи удалось, теперь его надо опять завоевывать, перекраивая в радикально новом стиле, из совершенно другой ткани. Получится ли?

Где-то в душе гнездится ледяной ком страха и сомнений, по силам ли это кому-нибудь.

Ла Наг почти задремал, что умел делать в любых обстоятельствах, когда слышал шаги в коридоре, остановившиеся у его клетки. Он осторожно взглянул из ниши сквозь решетку. За ней стоял тюремный охранник с плоским прямоугольным контейнером на ладони. Ла Наг тихонечко протянул правую руку к левой щиколотке, нащупав под кожей крошечный бугорок, отчаянно надеясь, что нажимать его сейчас не придется.

— Проголодался? — спросил охранник, разглядев лицо заключенного в темной нише.

Тот слез на пол и с опаской двинулся к решетке.

— Немного.

— Хорошо.

Охранник набрал код на какой-то коробочке, висевшей у него на поясе. Ла Наг знал, что этот самый код меняется трижды в день. Центральные прутья решетки вдруг щелчком разломились пополам, верхняя половина поднялась, нижняя опустилась, открыв щель приблизительно сантиметров в двадцать. Сунув в нее контейнер, охранник опять набрал код, и щель снова закрылась.

Это был судок с едой. Ла Наг включил нагревательный элемент, отодвинул контейнер в сторонку.

— А я думал, кухня закрыта.

— Закрыта, — улыбнулся охранник, высокий, худой, в плохо пригнанной форме. — Только не для тебя.

— Почему? — Он мигом преисполнился подозрений. — Приказ сверху?

— Ну как же, дождешься! — хмыкнул охранник. — Нет, просто мы все сидим и думаем, что за подлость сажать тебя вместе с этими типами. То есть у них на совести, почти у каждого, как минимум одно убийство либо попытка убийства. И почти каждый снова убьет, если будет возможность. Мы их друг к другу даже не подпускаем, не говоря о порядочных людях. Такой, как ты, не должен тут сидеть. То есть ты ж не убил никого и не ранил за столько лет. Просто выставил крупных шишек полными недоумками, потом, к общему удовольствию, всех засыпал деньгами... Нет, мистер Робин Гуд, на наш взгляд, тебе тут не место, и, хотя мы практически не способны помочь тебе выбраться из особого блока, позаботимся, чтобы никто тебя не обидел.

— Спасибо, — от всей души поблагодарил Ла Наг. — Вы всегда сомневаетесь в действиях вышестоящего начальства?

Охранник на секунду задумался.

— Если хорошенько припомнить, то нет. Ты первый заключенный, о котором я вообще подумал. Всегда считал тебя — Робин Гуда — чокнутым. Надо же столько денег выкидывать! Я никогда не брал. Сестра однажды собирала, а я в ночную смену работаю, ни разу возможности не было. Листовки читал... Принял в то время за бред сумасшедшего, а как только увидел своими глазами, что творится вокруг, сразу понял — ты не сумасшедший. Никогда не был чокнутым. Это все остальные рехнулись.

Похоже, он сам удивился и слегка озадачился собственными словами. Махнул на судок, из которого пошел пар.

— Ешь лучше, пока горячее.

Ла Наг отвернулся, охранник придвинулся ближе к решетке и снова заговорил:

— Еще одно. Нельзя этого делать, однако...

Он просунул правую руку сквозь прутья. Ла Наг крепко ее пожал.

— Как тебя зовут?

— Стин. Чаре Стин.

— Рад познакомиться, Стин.

— А уж я-то как рад!

Охранник повернулся и быстро направился к двери в конце коридора.

Ла Наг постоял, глядя на судок с едой, искренне тронутый небольшим, но многозначительным проявлением солидарности со стороны охранников. Видимо, удалось расшевелить людей сильнее, чем он думал. Уселся перед судком, снял крышку. Собственно, есть не хочется, но надо. В конце концов, подарок.

С усилием проглотив кусок-другой, он замер, вспомнив Мору. С самого момента ареста изо всех сил старался не думать о ней и теперь потерпел поражение. Вскоре она узнает, что муж в тюрьме, — будем надеяться, не из видеонюстей. Ни в коем случае нельзя было заранее подготовить ее к подобному исходу. Она обязательно любым способом постаралась бы остановить его или сдать с ним вместе, хотя он в последнее время чудовищно с ней обращался.

Объяснением послужат маленькие катушки с записями. Трусливый, но единственный способ. Полностью потеряв аппетит, Ла Наг вывалил остатки еды из судка в унитаз, посмотрел, как они закружились в водовороте, снова заполз в нишу, заставил себя заснуть. Все лучше, чем воображать, как сейчас себя чувствует Мора.

— Как вы это могли допустить? — кричала Мора, лихорадочно размахивая руками, ерзая в кресле в поисках удобного положения. Удобного положения не находилось. Голова и так шла кругом после известия о смерти Йозефа, а теперь еще вот что свалилось!

— Как же я мог ему помешать? — оправдывался Рэдмон Сейерс, стоя с ней рядом в квартире Ла Нага.

Он дожидался, пока пилот с женой заснут в соседней комнате, чтоб прокрутить записи, — пусть Ла Наг сам объясняется.

— Надо было сдать кого-то другого! Поставить на его место кого-нибудь из *верных*, — ей самой не понравилось почти прорывавшее слово, — соратников! Никто в Империи не знает в лицо Робин Гуда...

— Он никогда в жизни не отправит никого другого в тюрьму под видом человека, которого в первую очередь разыскивают по всем внешним мирам. Честно сказать, я за это его уважаю.

Неохотно кивнув, Мора поникла в кресле. Несправедливо с ее стороны обвинять Сейерса или сомневаться в преданности Вольных стрелков. Она хорошо знает Питера — впрочем, судя по тому, как он с ней обходился на Троне, может быть, и не так хорошо, как казалось. Но Питер никогда ни к кому не обращается за одолжением, не просит даже самой простой услуги, которой вполне заслуживает. Предпочитает сам обо всем позаботиться, не перекладывая на других. Ему никогда даже в голову не пришло бы попросить кого-то рискнуть жизнью, выдав себя за Робин Гуда.

— Прошу прощения, — пробормотала она, подавляя вздох. — Однако я предполагала — была уверена, — что в роли известного всем Робин Гуда он что-то другое задумывал...

— Наверно, нарочно старался внушить эту мысль ради вашей же пользы.

— Наверно. Что нам теперь делать?

Сейерс выудил из кармана три записанные катушки:

— Дождемся возможности выпустить их в эфир.

— Что там? — подскочила Мора.

— Выступление вашего мужа... с предложением населению Трона сделать выбор между Метепом и Робин Гудом.

— Ну и что из этого выйдет? Кого убедит? — Ей не нравилось выражение лица Сейерса.

— Не знаю. — Он не сводил глаз с бобин у себя на ладони. — Народная поддержка во многом зависит от фактического признания, что он и есть Робин Гуд. Новости вот-вот разнесут сообщение, хотя их вряд ли кто-нибудь смотрит. Тем не менее к завтраку весь Трон узнает.

— Дайте посмотреть.

— Их три, в зависимости от вероятного, по его мнению, развития событий.

— Прокрутите все.

Сейерс послушно принялся совать катушки одну за другой в стоявший в комнате голографический приемник. Мора смотрела и слушала с нарастающим смятением и испугом, невидимый кулак крепче и крепче стискивал в груди сердце, сжимал все сильнее и сильнее, пока не показалось, будто оно вот-вот остановится. Питер обращался к народу Трона, абсолютно продуманно и обоснованно разоблачая имперскую тиранию в бархатных перчатках и описывая неизбежные последствия. Любой свидетель постигшей Трон экономической катастрофы подтвердил бы его правоту. Все доводы основаны на законе и прагматизме. Но в речах недостает чего-то жизненно важного.

— Он погиб, — безнадежно заключила она, чувствуя полное опустошение.

Третья бобина закончилась, голографическое изображение Питера Ла Нага, сиречь Робин Гуда, сидевшего за письменным столом и спокойно предлагавшего каждому слушателю встать и раз навсегда покончить с Империей внешних миров, погасло.

Сейерс надул щеки, медленно выдохнул.

— То же самое я говорил ему во время записи. Он и слушать не стал.

— Конечно... разумеется. Понадеялся, что вся галактика откликнется на доводы чистого разума, когда ему в конце концов удастся привлечь к себе всеобщее внимание. — Мора ткнула пальцем в экран. — Толивианцы и флинтеры поймут, активно среагируют на любую катушку. А тронцы?..

Она направилась к окну. Пьеро стоял на подоконнике, тяжело накренившись над краем горшка в скорбной позе кенгай. Мора поливала деревце, говорила с ним, но, несмотря на все старания, оно так и не распрямлялось. Она смотрела на темные пустые улицы, ожидающие рассвета, и думала о Питере. Покинув Толиву, он стал другим человеком — холодным, далеким, деловым, безжалостным. А эти катушки... совсем уж дурацкие!

— Почему он вас не послушался, меня не спросил, хоть с кем-нибудь не посоветовался? Выступления сухие, педантичные, дидактические, эмоционально пустые! Может быть, кто-то кивнет, согласится, сидя в безопасной квартире, но не выскочит на улицу, не станет размахивать кулаками и кричать во все горло, требуя покончить с Метепом и с его прогнившей Империей! — Мора круто повернулась к Сейерсу. — Пустая затея!

— Больше у нас нет ничего.

Она бросила взгляд на три бобины, стоявшие в ряд у приемника, схватила одним быстрым движением, швырнула в дезактиватор в углу и включила его.

Сейерс метнулся вперед, но было уже слишком поздно.

— Нет! — Он недоверчиво вытаращил глаза. — Понимаете, что вы наделали? Это были единственные экземпляры!

— Отлично! Придумаем что-то другое.

Мора умолкла. Катушки следовало уничтожить. Пока они были целы, верный долгу Сейерс отыскал бы возможность пустить их в эфир. А теперь, когда записи безнадежно погибли, будет действовать самостоятельно и слушать ее. Уже ясно, какие изменения необходимо внести в базовый план Питера. Только для этого понадобится помощь — помощь флинтеров. Йозеф мертв, Канья куда-то бесследно исчезла — придется обратиться к другим. Они неподалеку — на протяжении нескольких последних недель просачивались непрерывным потоком, расселялись отдельными анклавами в ожидании момента, когда возникнет нужда в их услугах. Найти их нетрудно.

Почти добрался. Тяжело дыша, Брунин остановился на склоне, оглядываясь на слабое свечение Примус-Сити. В прошлом году на таком расстоянии освещалось полнеба, но круглые уличные фонари быстро исчезли с лица планеты, подобно обреченному на вымирание виду, и город превратился в бледный призрак былой столицы. Он присел на минуту, разглядывая местность за своей спиной, высматривая, не шевельнется ли что-нибудь, пока легкие нагнетали в организм воздух.

Успокоился после долгого пристального наблюдения. Привыкшие к темноте глаза не увидели никого идущего по следу, даже животного. Он проделал длинный путь, мышцы в данный момент протестуют не

меньше, чем на Земле. Снова позволил себе расслабиться... надо взять себя в руки, собраться. Еще чуть подальше от города, и он в безопасности.

Активатор у него в руках, хотя пусковая кнопка заблокирована. Никаких проблем... Со своим многолетним опытом он быстро справится с любым маленьким предохранительным устройством. Можно даже поспорить, что это не настоящий предохранитель... скорее всего, простая блокировка. В надежном безопасном месте наверняка удастся снять ее с минимальным трудом.

С трудом поднявшись на ноги, Брунин заставил возмущенные мышцы двигать тело вперед. Уже недалеко. Уже скоро. Потом — прощай Империя! Сначала он собирался явиться на склад с активатором, используя его в качестве разменной карты в нескончаемой битве с Ла Нагом. Теперь вопрос отпал. Где-то по пути при бегстве из Примуса пришлось остановиться передохнуть в круглосуточной таверне на границе города. Он обычно пил эль, а там эля не было. Впрочем, в любом случае почти все наличные ушли на крошечный кусочек сыру. В таверне и прозвучала новость об аресте Ла Нага.

Сначала он ее принял за розыгрыш или ошибку, но в проекционном поле голографического видео во всю ширь красовалось знакомое лицо. Сообщалось, что он взят с поличным и под усиленной охраной доставлен в Имперский комплекс. Тут Брунин выскочил из таверны, на всех парах убегая из Примуса.

С революцией покончено. Без руководства Ла Нага она непременно споткнется, остановится и погибнет. Как ни противно признать, от горькой правды не уйдешь: только Ла Наг способен распоряжаться разными силами, необходимыми для свержения ненавистой Империи. Один он является авторитетным командиром для флинтеров и прочих неизвестных резервов. Один он знает, что должно произойти на заключительной стадии революции.

А у Брунина нет ничего, кроме активатора большого ящика Барского, захороненного у него на глазах в Имперском парке. Хотя этого вполне достаточно, чтоб буквально обезглавить Империю, отправив Имперский парк вместе со всем окружающим его Имперским комплексом в какую-нибудь неизвестную точку пространства и времени. Где бы все это ни оказалось в конечном счете, наверняка уберется подальше от Трона. Все, кто находится в комплексе, — Метеп, Совет Пяти, мириады послушных прирученных бюрократов, — заодно с немногочисленными утренними прохожими, завернувшими на свою беду в парк, исчезнут без следа и без предупреждения.

Вдруг возникло настоящее желание сейчас же остановиться, найти способ привести активатор в действие и *немедленно* включить ящик. Но результат выйдет не совсем удовлетворительный. Надо дожидаться, когда утро будет в разгаре, когда кругом будут кишмя кишеть блохи, которые крутят гигантскую бюрократическую машину. Уничтожив Имперский комплекс раньше, рискуешь упустить ключевую персону — чего доброго, даже самого Метепа.

Надо ждать, сидя где-нибудь подальше от города. Как бы страстно ни хотелось увидеть исчезнувший с глаз и из существования комплекс со всеми его обитателями, лучше держаться на безопасном расстоянии от центра событий, а потом уж отправиться в Примус, взглянуть на зияющую дыру, где прежде билось сердце Империи.

И тут Брунин с улыбкой подумал, что с таким же большим удовольствием посмотрит на пустое место, где раньше находился Питер Ла Наг.

Хейуорт вдруг проснулся. Видеофон автоматически выключил альфа-колпак, и он мигом пришел в сознание. Сорвал колпак, потянулся к аппарату, ответив на звонок сразу, как только увидел, кто его вызывает.

— Дейро! — воскликнул Метеп VII, вышедший в конце концов из ступора. — Ты меня слышишь?

Он нажал кнопку, чтобы правитель видел своего главного советника.

— Да, Джек, слышу. В чем дело?

— Почему мне немедленно не сообщили о задержании Робин Гуда?

Вид надменный, тон холодный. Снова обиделся, что сначала его не спросили, как бывает всегда, когда Метепу кажется, будто Хейуорт и члены Совета слишком часто выносят самостоятельные решения. К счастью, подобное настроение длится обычно недолго.

— Когда пришло известие, ты сидел в двух метрах от меня, — спокойно напомнил Хейуорт, стараясь, однако, чтобы смысл дошел до собеседника быстро и точно. — Только был в бессознательном состоянии.

— Надо было привести меня в чувство! День выдался тяжелый, я просто задремал в ожидании новостей... Надо было мне сразу сказать!

Хейуорт пристально взгляделся в лицо на экране. Неожиданная реакция... Как правило, беглого замечания о чрезмерном пристрастии Джека к тому или другому газу было вполне достаточно, чтобы утихомирить его, заставить нервно рассмеяться и сменить тему. А тут что-то новенькое. Самолюбие, видно, упало ниже обычного уровня, если он перестал реагировать на язвительные уколы. Советник встревожился.

— Ну, не так уж это важно, — легкомысленно бросил он. — Самое главное...

— Нет, *это* важно. В первую очередь важно, чтобы Метеп знал о каждом происходящем событии, особенно когда дело касается врагов государства. Меня надо было немедленно разбудить. Драгоценное время потеряно попусту.

— Извини, Джек. Больше не повторится. — Интересно, задумался Хейуорт, чего он сейчас нанюхался. Похоже, действительно думает, будто держит в руках ситуацию! — Я сейчас чего-нибудь поем и сразу приступлю к допросам. Разузнаем все, что нужно, тихонько осудим его и покончим на этом.

— Нельзя так долго ждать! — вскричал Метеп, кривя губы. — Его надо судить и приговорить *сегодня же!* Публично! Я уже распорядился созвать во второй половине дня судебное заседание в Зале Свободы.

Хейуорт вновь испытал то же самое непонятное ощущение, которое накатывало вчера вечером при сообщении, что задержанный добровольно признал себя Робин Гудом, а потом при известии об уважительности, оказанной ему охранниками. Почти слышался треск, чувствовалось дрожание гигантских бревен, которые рушатся одно за другим под действием колоссальной невидимой космической силы.

— Нет! Хуже ничего невозможно придумать! Этот тип уже стал в своем роде народным героем! Не добавляй ему популярности!

— Смешно, — ухмыльнулся Метеп. — Самый обыкновенный преступник, которому популярность совсем не на пользу... — Лицо его вдруг смягчилось, он вновь превратился в прежнего Джека Милиана. — Разве не видишь, Дейро? Я получаю последний шанс спасти свою репутацию! У нас полно доказательств, что он — Робин Гуд, надо только чуть-чуть постараться, связать его с происками Земли, обвинить в галопирующей инфляции, которая нас погубила. Тогда все мы сорвемся с крючка!

— Я созову Совет, — пригрозил Хейуорт. — Не позволю тебе это сделать!

— Так я и знал. — Метеп вновь сурово нахмурился. — И поэтому сам созвал Совет. Если думаешь, будто получишь больше голосов в поддержку, чем я, ошибаешься!

И лицо на экране погасло.

Брунин проснулся на рассвете, замерзший, с затекшим телом. Растерялся на миг, не поняв, где находится, потом вспомнил. На протяжении нескольких последних дней уносил ноги на всех парах, убрался из города, не подцепив за собой никакого хвоста. Теперь все будет хорошо. Быстренько рассмотрев активатор при дневном свете, обнаружил предохранительный механизм устаревшей конструкции, предотвращавший скорее случайное, чем сознательное включение. Легко справиться. Надо только...

Активатор внезапно вырвался из рук и растаял. Брунин оглянулся, насколько позволяло сидячее положение, одновременно выхватил бластер... который тоже мгновенно исчез, выскочив из-за пояса. Когда он увидел, кто стоит у него за спиной, непроизвольно опорожнился кишечник.

Бросив активатор и бластер себе под ноги, Канья нанесла такой удар прямо в лицо, что он ткнулся носом в собственное дерьмо. Попытался встать на ноги и удрать, она его перехватила и снова швырнула на землю. Мельком поглядывая на нее, Брунин каждый раз видел одно и то же выражение: равнодушное, абсолютно бесчувственное, в глазах ни злобы, ни жалости — только холод, полнейшая сосредоточенность и молчание. Канья не издавала ни звука, обрушиваясь на него мстительным ангелом смерти.

Как только он пробовал встать, вновь и вновь заставляла плашмя расплываться на земле, с безошибочной точностью нанося удары в еще нетронутые места. Сначала он ее умолял — она словно оглохла. Вскоре оставил мольбы, а потом и попытки спастись. Канья вздергивала его с земли, чтоб опять грохнуть оземь, о камень, о стволы деревьев, непрестанно колотя, сильнее и сильнее калеча. Все-таки он не терял сознания, превратившись в марионетку на порванных нитках в руках обезумевшего кукольника, беспомощно скачущую из левой кулисы в правую.

Глаза вскоре распухли, закрылись — даже если б Брунин захотел, не увидел бы Канью. Систематическое избиение продолжалось. Видя, как она перед первым ударом бросила бластер, он побоялся, что флинтерка хочет забить его до смерти. А теперь боялся, что не хочет.

Глава 21

Вождь... вот что, среди прочего, отличает чернь от народа.

Он определяет уровень человеческой индивидуальности.

*Когда отдельных личностей слишком мало, народ
превращается в обезумевшую толпу.*

Стилгар

Окинув единственным взглядом стол заседаний, Хейуорт понял, что зря тратит время. Члены Совета склоняются к поддержке Джека не только потому, что он действующий Метеп, но и потому, что считают его своим. А главный советник всегда остается для них чужаком. Испуганные и озадаченные не меньше Джека, они к нему прислушиваются. Поэтому Совет Пяти целиком — *кроме Дейро Хейурорта* — твердо стоит на стороне Метеп VII. Главный советник подумывал развернуться в дверях — пускай себе слепо верят правителю, — но заставил себя перешагнуть порог. Надо попытаться. Слишком уж много лет добивался нынешнего положения, чтоб без всякой борьбы от него отказаться.

— Теперь, когда мы здесь все собрались, — начал Метеп, как только вошел главный советник, — вопрос ставится на голосование.

Даже не собирается ждать, пока он усядется.

— Без обсуждения?

— Мы уже все обсудили, — объявил Метеп, — и единогласно признали единственным разумным решением самый скорый публичный суд. В данный момент готовятся документы, неопровержимо доказывающие связь Робин Гуда с Землей. Продemonстрируем, что его нанимала и финансировала Земля, покажем, что спираль инфляции раскрутили украденные именно им миллионы и миллионы имперских марок. А чтобы народ вспомнил, что я им по-прежнему управляю — *сильной рукой*, — *сам* буду председательствовать в суде.

Хейуорт сел, прежде чем отвечать.

— Кому-нибудь из вас хоть когда-нибудь в голову приходило, что ему только того и надо?

Сквозь поднявшийся ропот — смешно... чепуха... — Метеп провозгласил:

— Ни один здравомыслящий человек добровольно под суд не пойдет. По-моему, ты должен признать, что этот самый Робин Гуд — Ла Наг, если не ошибаюсь, — вовсе не сумасшедший. И вовсе не дурак.

— И вовсе не Робин Гуд.

Бормотание стихло. Все внимание обратилось на Хейурорта.

— Да ведь он же признался!

— Очень хорошо, — улыбнулся советник. — Ну, давайте я *тоже* признаюсь. Только мое признание абсолютно не означает, будто я — Робин Гуд. Кто-то из так называемых Вольных стрелков вполне мог добровольно сыграть роль Робин Гуда. Вспомните — нам вообще неизвестны физические приметы этого персонажа. Могу поспорить, что Ла Наг врет. Могу поспорить, что ему приказано нас одурачить, спровоцировать публичный суд, приговор к наказанию, после чего он представит неопровержимые доказательства, что во время налетов его на Троне вообще не было. Подумайте — опознать арестованного попросту невозможно. Невозможно даже доказать, что его действительно зовут Питер Ла Наг, не говоря

уже о Робин Гуде!

Хейуорт вглядывался в лица членов Совета, которые осмысливали его слова. Говорил тихо, мягко, сдерживая внутреннее напряжение. Не верил ни единому только что произнесенному слову, только знал — публичное судилище надо любой ценой отменить, поэтому выкладывал все, что взбрело в голову, все, что может замутить воду, сбить с толку членов Совета. В душе абсолютно уверенный, что Ла Наг и есть Робин Гуд, он именно поэтому не желает его выставлять на публичное обозрение.

— Но нам *необходимо*, чтоб он был Робин Гудом, — заявил Метеп в наступившем молчании. — Он *должен быть* Робин Гудом! Только так можно будет хоть *что-то* спасти... — Тон его стал умоляющим. — В ходе суда внимание общественности переключится с нас на него... Возмущение будет направлено на него и на Землю. Мы получим время для передышки...

— Никакого суда, — твердо отрезал Хейуорт. — Его надо тихонечко допросить, потом тайно казнить, а потом объявить, будто мы его освободили за недостаточностью улик и продолжаем поиски настоящего Робин Гуда. Публичный суд не даст нам никакой передышки.

— Тогда мы ничего не получим, кроме того, что имеем сейчас! — пробормотал Метеп дрожащими губами. — Разве не понимаешь? Все решат отозвать меня! А когда меня свергнут, и вы поголовно погибнете вместе со мной...

— В связи с экономическим кризисом можно ввести военное положение, — подсказал Хейуорт, видя, что Метеп впадает в истерику. — Тогда снова вернешься.

— Я не желаю прославиться в качестве единственного Метепа, который остался у власти с помощью вооруженной охраны! Конечно, объявлю военное положение, если придется. Но суд...

— Но суд *станет для всех нас смертельным капканом!* — крикнул Хейуорт, вскочив на ноги, выплеснув внутреннее раздражение, которое накапливалось с того самого момента, когда Метеп разбудил его нынче утром. Вдобавок у него остается последний единственный шанс. — Неужели нельзя вдолбить в ваши тупые головы, что мы столкнулись с гением? Мне точно известно, что именно Робин Гуд — кто б он ни был — виновен в постигших нас бедах. Не знаю, как он их накликать, не знаю зачем, не знаю, что будет делать дальше, но совершенно уверен, что ему *нужен* публичный суд. Не устраивайте публичного суда! Дайте мне побеседовать с ним пару дней. Точно отмеренная доза медикаментов заставит его разговориться, и он нам все откроет — может быть, даже личность настоящего Робин Гуда. — Главный советник остановился, переводя дух и оглядывая бесстрастные лица. — Слушайте... согласимся на компромисс. Как только я с ним до конца разберусь, устраивайте свое маленькое представление, если вам этого еще захочется. Только сначала дайте его расспросить!

— Суд состоится сегодня. Немедленно, — непреклонно объявил Метеп. — Все согласны? — спросил он, подняв правую руку и даже не потрудившись взглянуть на присутствующих за столом. Остальные четыре члена Совета тоже проголосовали.

Хейуорт, круто развернувшись, направился к двери.

— Пусть вина падет на ваши головы! Я в этой безумной выходке не принимаю участия.

— Куда же ты собрался? — ровным холодным тоном поинтересовался Метеп.

— Подальше от Трона, пока вы его в дым не развеяли.

— Уж не на Землю ли? — уточнил Крагер, радостно морща физиономию при виде поражения Хейурта.

— Ты останешься под домашним арестом, — решил Метеп. — До суда посидишь в комнате, которую

тебе предоставили в комплексе, а оттуда охрана тебя отведет в Зал Свободы. Точно зная, что ты постараться переиграть нас, не допущу ничего подобного. В первую очередь надо внушить народу, что мы по-прежнему едины.

— Ничего у тебя не выйдет!

Метеп с бледной улыбкой нажал на столешнице кнопку.

— Не выйдет?

В открывшейся двери стояли два имперских охранника.

— Взять его.

Перед камерой стоял охранник. Ла Наг большим и указательным пальцами нащупал бугорок на щиколотке, готовясь нажать.

— Ну, мистер Робин Гуд, — проговорил мужчина, весьма упитанный, в отличие от тощего Стина, — то самое дерьмо, что сидит наверху, собирается тебя подвергнуть жестокому испытанию.

Ла Наг крепче сжал пальцы на щиколотке.

— Что это значит?

— Суд назначен на сегодня после обеда. В Зале Свободы. По видео все время талдычат.

— Да ну?..

Он выпустил из пальцев шишечку, которая фактически представляла собой желейную горошину в непроницаемой капсуле, и успокоился, изо всех сил удерживаясь от радостного хохота и торжествующей пляски по камере. Страшно было даже думать, что придется раздавить горошину. Теперь, кажется, необходимость отпала. В горошине содержится нейролептик. Как только капсула будет раздавлена, он проникает в подкожную жировую прокладку, откуда постепенно поступает с кровью в единственную подверженную его влиянию область организма — в околообонятельное поле Брока в левом полушарии мозга, — где вызывает мембранную дисфункцию нейронов, эффективно парализуя речевую функцию на две недели. При этом невозможно сформулировать ни одну мысль, любой словесный вопрос воспринимается как бессвязное сочетание звуков, письменные вопросы представляются бессмысленным набором неких знаков, и сам допрашиваемый, если б ему велели, нацарапал бы что-нибудь невразумительное. Подобное состояние называется рецептивной и экспрессивной афазией. Какими бы препаратами следователи его ни накачивали, Ла Наг не сказал бы ни правды, ни лжи.

— Ядром клянусь! — заверил охранник. — Ни когда не видел, чтоб кого-нибудь так поспешно судили. Видно, правда собрались устроить показа тельный процесс, извини за выражение.

— А ты чего ждал?

Охранник покачал головой:

— Ты все правильно сделал, насколько я мог; судить. Только откуда знал, что получится имен но так?

— Из истории, — объяснил Ла Наг, с трудом удержавшись от цитаты из Сантаяны^[10]. — На Земле уже было такое. Дело чаще всего заканчивается разрухой и временным застоём. Иногда зверской жестокостью. Надеюсь на сей раз избежать обоих вариантов.

— Боюсь, до конца разъяснить это ты не успеешь, — с сожалением заметил охранник.

— Тебя как зовут?

— Букер. А что?

— Ты можешь мне помочь.

Букер сокрушенно потрянул головой:

— Не проси тебя выпустить — не смогу, даже если б решился рискнуть. Никак не получится. — Он улыбнулся. — Знаешь, меня могут уволить за то уже, что я с тобой заговорил. Ну и ладно. Все равно на мою зарплату детей не прокормишь. Если б я кое-чего не таскал из столовой пару раз в неделю, мы бы умерли с голоду. Можешь себе представить — я получаю в час тысячу марок и постоянно теряю в весе! Вчера нам вообще не платили... Если еще раз не заплатят, потребуем выдавать деньги дважды в день или уйдем. Вот когда у них возникнут настоящие проблемы! А выпустить тебя не могу. Даже если отдам тебе собственный бластер, все равно остановят. Скорей позволят тебе пристрелить меня, чем пропустят.

— Я ничего подобного не прошу. Присмотри только, чтобы я дожил до трибунала.

Букер рассмеялся:

— Никто тебя не собирается убивать, по крайней мере до вынесения смертного приговора. — Он вдруг помрачнел. — Слушай, прости меня за такие слова. Я не хотел...

— Знаю. Но прошу серьезно. Вдруг кому-то захочется, чтоб я перед судом вообще не предстал.

— Да что ты...

— Окажи мне единственную услугу. Договорись с другими охранниками, кого знаешь, кому доверяешь, и хорошенько присматривайте. В конце концов, я прошу не больше того, за что вам Империя платит: охранять заключенного.

Букер прищурился:

— Ладно. Если это тебя успокоит, то я постараюсь.

Он пошел прочь, через каждую пару шагов оглядываясь через плечо и качая головой, словно убедившись, что знаменитый Робин Гуд, в конце концов, все-таки сумасшедший.

Ла Наг шагал по камере. В кровеносной системе кипел адреналин, сердце бешено колотилось, подмышки и ладони вспотели. Почему? Все идет по плану. Откуда же ощущение неумолимой обреченности? Откуда смутное пугающее предчувствие чего-то ужасного? Собственной смерти...

Он остановился, медленно и глубоко дыша, уверяя себя, что все в полном порядке, просто стрессовая реакция на скорый суд. Все решится во время суда, когда Сейерс прокрутит записи, передав народу заранее записанное обращение Робин Гуда. И тогда станет ясно, не зря ли потрачены последние пять лет. Если зря, то Империя не оставит Ла Нагу никакого времени.

Двенадцати наверняка хватит, думала Мора. Даже если бы здание было битком набито вооруженной охраной в полной боевой готовности, двенадцати флинтеров более чем достаточно. На самом же деле, согласно Сейерсу, по трем этажам студии бродят лишь несколько ничего не подозревающих представителей службы безопасности без оружия. Проблем не возникнет.

Ее страшит не это, а собственная роль в небольшой эскападе, которая вот-вот начнется. Не перегнула ли палку? Может, не стоило уничтожать катушки Питера? Может, она была слишком строга к выступлениям? Питер, в конце концов, всегда прав, может быть, и теперь он все правильно сделал? Мора стиснула зубы, закрыла глаза в молчаливой решимости. Прочь сомнения! Надо действовать. Мосты за собой сожжены, остается один путь — вперед. Питер определенно ошибся, и одной ей хватило смелости как-нибудь поправить дело.

Она взглянула на бесстрастные лица шести закутанных в робы фигур, теснившихся вместе с ней в крошечной кабинке флитера. Еще шесть летят в другом позади. Все в полном церемониальном боевом снаряжении и отлично знают, что само их появление произведет сокрушительный эффект.

От напряжения ей стало плохо. Не привыкла к таким приключениям. Почему же остальные с виду спокойны? Если подумать, она с виду тоже спокойна. Буря бушует глубоко внутри. Интересно, волнуются ли в душе сидящие за спиной флинтеры? Наверняка нет. Флинтеры по определению таких чувств не испытывают.

Пора. Два корабля ринулись к крыше студии, флинтеры высыпали, хлынули в верхнюю дверь, которую Сейерс позаботился оставить открытой. Каждому предстоит выполнить свою задачу, а всем вместе — расчистить путь для Моря.

Сейерс ведет специальный выпуск новостей о Робин Гуде, заранее широко объявленный и разрекламированный, из своей студии на втором этаже, подробно обозначив ее расположение. Флинтеры освободили дорогу, поэтому никто не спрашивал, как и зачем сюда попала Мора. Выскочив из подъемника, она свернула налево. Стоявший у дверей студии флинттер ткнул вперед пальцем. Добралась. Сейчас Сейерс представит ее миллионам жителей Трона. Голова вдруг совсем опустела. Что сказать? От ее действий в следующие минуты зависит жизнь мужа.

Я стараюсь ради тебя, Питер, мысленно объявила Мора, переступая порог. Все мы сильно изменились, взявшись за это дело, но, даже если я поступаю неправильно, только таким способом могу сказать, что по-прежнему верю в тебя.

Среди дня в коридор выскочил Букер, держа что-то в руке.

— Ты женат? — прокричал он на полпути.

Озадаченный и одновременно испуганный Ла Наг растерялся.

— Да, — наконец выдавил он. — А что?

— По видео выступает какая-то женщина, называется твоей женой! — кричал Букер, переходя на бег. — Ей грозят крупные неприятности!

Охранник, пыхтя, подбежал к решетке, поднял плоский миниатюрный экранчик размером с ладонь. На нем светилось лицо Моря.

Ла Наг с нарастающим ужасом слушал, как она просит всех, кто верит Робин Гуду, прийти ему на помощь. В основном повторяет то, что он сам предварительно наговорил на вторую катушку — ту, которую следовало огласить во время судебного заседания, — но только говорит иначе, сумбурно, сбивчиво, без всякой подготовки. Все погубила!..

Или не погубила?

Слушая дальше, он понял, что импровизированное эмоциональное выступление звучит в высшей степени искренне. Жена опасается за судьбу мужа, призывая друзей, которые сейчас ее слышат, в критический момент прийти ему на помощь. В сверкающих глазах горит вера. Призыв адресован не только умам, но и душам, тем более что в данный момент она рискует собственной жизнью. Обращается к тронцам, а на самом деле к нему — к Питеру.

Когда Мора на секунду умолкла, прежде чем повторить обращение, Букер покосился на Ла Нага и пробасил:

— Где ты только такую нашел?..

Питер, не в силах вымолвить ни слова, отвернулся, побрел в дальний угол камеры, встал, вспоминая свои резкие возражения против присутствия Моры на Троне, холодный отказ от тепла, любви, поддержки, которые она предлагала. После тысяч мелких обид и ударов, нанесенных в последние месяцы, жена хранит ему верность и сильнее его самого предана их общей цели. Он стоял в углу, дожидаясь, пока выровняется дыхание, расслабит горло для членораздельной речи, на глазах высохнут слезы. Потом снова вернулся к решетке, глядя и слушая обращение Моры.

Хоть его и заперли в квартире, связь с внешним миром все-таки не отрезали. Он включил видео, интересуясь, что Сейерс сейчас скажет публике в специальном выпуске новостей о Робин Гуде, однако вместо известного репортера на экране возникла какая-то неизвестная женщина, представилась женой Робин Гуда и принялась призывать к революции. Хейуорт сразу же попытался связаться со студией, но центральный коммутатор не отвечал на звонки. Заглянув в специальную директорию, нашел секретный код контрольного компьютера в студии Сейерса.

На вызов ответил оператор. Вид у него был не особенно радостный. Дейро Хейурорта он мгновенно узнал, хотя звонок главного советника, кажется, не произвел на него сильного впечатления.

— Что там у вас происходит? Приказываю немедленно прекратить передачу! *Немедленно!* Слышите?

— Сэр... — Оператор максимально расширил кадр, в который попали стоявшие позади него полукругом фигуры с красными кружками на лбу, в черных плащах, сплошь опоясанные патронташами. — Видите, в каком я положении?

Флинтеры!.. Неужели Робин Гуд флинтер?

— Как они к вам попали?

Оператор недоуменно пожал плечами:

— Явились вместе с женщиной, откуда ни возьмись. По-моему, Рэдмон этого ждал.

Конечно, *Сейерс* соучастник!..

— А охрана? Никто не осмелился им воспрепятствовать?

Оператор глянул через плечо, потом вновь посмотрел на Хейурорта:

— А вы бы осмелились? Мы немедленно дали сигнал тревоги, до сих пор никого не дождались...

Тут кто-то из флинтеров протянул руку и выключил связь.

Дрожа всем телом, но не теряя дееспособности, Хейуорт поспешно набрал код Тинмера, главнокомандующего гарнизонами имперской охраны. Командующий лично ответил, хотя выражение его лица несколько не обнадеживало.

— Можете не говорить ничего, — буркнул он, только узнав собеседника. — С момента поступления сигнала тревоги я лично стараюсь отправить на станцию крупные силы.

— Следовало бы давным-давно это сделать!

— Возникли небольшие проблемы с дисциплиной. Люди недвусмысленно намекают, что не очень довольны в последнее время оплатой труда. Деньги идут с опозданием из-за технических трудностей на Монетном дворе, поэтому охрана решила, что если зарплата запаздывает, то и она имеет право запаздывать. — Тинмер вдруг невесело улыбнулся. — Не бойтесь. Проблема фактически не особо серьезная. Знакомая болтовня, лозунги — «даром никто защищать вас не станет» — и прочее.

— Что ж делает охрана, отказываясь повиноваться приказам?

Улыбка исчезла с лица главнокомандующего.

— Не выполнив приказание разойтись по машинам, почти все охранники сидят в казармах, глядя и слушая по видео ту самую суку. Не беспокойтесь. Мы поправим дело. Дайте еще чуть-чуть времени. Я...

Разъяренный Хейуорт со всего маху хватил кулаком по кнопке, прервав связь. Целенаправленный план полностью вырисовался перед глазами. Последние кусочки улеглись на места. Впрочем, чувствовалось не ожидавшееся победное торжество, а сокрушительное уныние. Не осталось ни единого способа спасти Империю и себя вместе с ней. Ни единого, кроме...

Эту мысль Хейуорт прогнал. Он на это не способен.

Тяжело навалилась тоска. Главный советник всю свою жизнь отдал Империи, верней, усилению ее власти и обращению этой власти в свою пользу. И вот она ускользает из рук. К концу дня он превратится в политический нуль, в ничтожество... Труды двух последних десятилетий погубил человек, назвавшийся Робин Гудом, который сейчас содержится в усиленно охраняемом блоке.

Теперь уже не имеет значения, действительно он Робин Гуд или нет. Сама Империя признала его Робин Гудом, чего вполне достаточно для народа. Люди определенно готовы за ним идти. Не имеет значения, самостоятельно ли он замыслил и устроил грандиозный заговор, свергнувший Империю в нынешнее жалкое состояние, или представляет собой всего-навсего подставное лицо, — народ его знает, он навсегда останется в измученных и озлобленных душах обитателей внешних миров живым Робин Гудом.

Или мертвым...

Отброшенная прежде мысль снова закралась в голову. Да, может быть, это выход. Если объявленный мессия умрет, черни не за кем будет следовать, некому будет ее направлять, исчезнет альтернатива Метепу, Империи... Конечно, известие о его гибели приведет народ в ярость, но он потеряет вождя... и можно будет снова взять его в руки.

Пожалуй, получится. Должно получиться.

Кто же его убьет? Ни один заслуживающий доверия человек близко к заключенному не подберется, а из тех, кто находится рядом с ним, ни один не заслуживает доверия. Остается сам Хейуорт. Тошнотворная мысль — не о самом убийстве, а о вынужденной необходимости реально совершить его собственными руками. Он привык отдавать распоряжения, предоставляя другим неприглядные мелочи. Проблема в том, что других у него не имеется.

Хейуорт направился к запертой нише в стене, набрал код, открыл дверцу. Поколебавшись лишь долю секунды, вытащил маленький бластер размером с ладонь, прикреплявшийся зажимом к запястью. Пришлось обзавестись оружием при угрозе общественных беспорядков, когда уличные банды вторглись в благополучные кварталы, не обращая внимания на авторитет и чины своих жертв. Никогда даже в голову не приходило использовать его с возникшей в данный момент целью.

Взвесив легкий бластер на ладони, чуть не сунул обратно в сейф. Убийство ему не по силам... Но все-таки... Хейуорт с силой захлопнул дверцу и прицепил оружие к правой руке.

Насколько можно судить, выбора не остается. Чтобы его жизнь имела какой-нибудь смысл, Робин Гуд должен умереть. Вдруг удастся убить незаметно... Прицелиться из крошечного бластера, делая вид, будто щеку почесываешь. При крайней осторожности и крупном везении, может быть, выйдет. В противном случае его уличат в убийстве и обязательно растерзают на месте.

Он пожал плечами перед самым собой. Стоит рискнуть.

Главная цель его жизни при живом Робин Гуде окажется безнадежно недостижимой. Убив Робин Гуда открыто и будучи пойманным, он лишится самой жизни. Неизвестно, что хуже.

Доведенный до конца план Робин Гуда положит конец всем трудам и стараниям. У него не будет ни власти, ни силы, которые требуются для строительства будущей цивилизации внешних миров, отвечающей его собственному представлению. Останешься не автором истории, а кратким примечанием к ней. Никем даже не избранный главный советник был основной движущей силой Империи... возможно, частично виновной в нынешней ситуации. Впрочем, дело наверняка можно поправить! Нужно только немного времени, чуть больше власти... и никаких Робин Гудов.

К Залу Свободы Ла Нага вел целый десяток охранников. Во главе конвоя он заметил Букера, в рядах — Стина, хоть была не его смена. По центральному коридору шли под единодушные ободряющие вопли заключенных. А также остальных охранников особого блока.

— Букер сказал, ты считаешь, что кто-то задумал убить тебя, — шепнул Стин на ходу в туннеле, который тянулся под комплексом к потайному входу в Зал. — По-моему, ты спятил, но я все-таки тоже собрался пойти. Нынче кругом полно чокнутых.

Ла Наг только молча кивнул. Вновь возникло фантастическое ощущение, что из Зала Свободы он живым не выйдет. Объяснил его паникой в последний момент — не помогло. Никак невозможно от него отделаться, даже категорически не веря в предчувствия.

Эскорт остановился в маленьком вестибюле, который открывался на сцену в конце огромного зала. Посреди сцены стоял традиционный трон Метепы — похожее на диадему сооружение с центральным столбом высотой в шесть метров. Внизу полукругом стояли пять кресел. Справа, ближе к Ла Нагу, был сооружен импровизированный помост, словно для виселицы.

Все для меня, подумал он.

За головами охранников удавалось лишь мельком разглядеть толпу, которая очень интересовала его. Много людей. Очень много. Даже не верится, что Зал Свободы вместил столько народу. За сценой плещется море людей. Похоже, за стенами зала собрались еще тысячи, тоже стараясь прорваться. И все без конца распевали на разные голоса, с разным акцентом, на разный лад, издавая в конечном итоге неописуемый рев, повторявшийся снова и снова:

— СВОБОДУ РОБИНУ!.. СВОБОДУ РОБИНУ!.. СВОБОДУ РОБИНУ!..

Явившиеся наконец члены Совета Пяти заметно опешили, глядя, как неуправляемая толпа накатывается на вооруженную до зубов имперскую охрану, расставленную кругом в три шеренги, отделяя советников от верноподданных. Последним вошел Хейуорт, причем Ла Нагу показалось, будто главный советник сам как бы находится под стражей. Опасается некой угрозы или хочет избежать публичного суда и свержения? Интересно...

При виде Совета в полном составе толпа удвоила усилия, и песня из двух слов, отражаясь от стен, заполнила зал. А когда торжественно вышел Метеп VII в лучшем церемониальном наряде, специально надетом для видеокамер, которые рассылали изображение миллионным зрителям, не имевшим возможности присутствовать в зале, и начал подниматься на троне, громкость хора утроилась.

Это явно тревожило всех шестерых руководителей Империи, но реагировали они по-разному. Члены Совета были откровенно испуганы, по всему судя страшно желая оказаться сейчас в любом другом месте. Раздраженный, сердитый Метеп VII держался с подобающим имперским величием, принимая крики за личное оскорбление. И был тут абсолютно прав.

Когда трон поднялся на вершину центрального столба, Метеп заговорил. Микрофоны автоматически нацелились на него, и усиленный голос загредел над несметным множеством людей в зале, над

окружавшими Зал Свободы толпами, разнесся по близлежащим улицам.

— Требую полной тишины во время судебного разбирательства, — провозгласил он уверенно, властно. Ожидая дальнейшего, люди смолкли. — Каждый присутствующий, неспособный вести себя соответственно важности вставшей перед нами задачи, будет удален из зала. — Метеп бросил грозный взгляд влево. — Введите арестованного.

Как только Ла Нага вывели на помост, толпа заплескалась, накатываясь, словно волны залива под внезапным порывом ветра. Люди протискивались вперед, вытягивали шеи, влезали друг другу на плечи, чтобы взглянуть на человека, проливавшего денежные дожди. Даже державшие в руках оружие имперские охранники, которым было приказано сдерживать массы, умудрялись глянуть через плечо на сцену.

Прозвучали немногочисленные приветственные возгласы, разрозненные требования «свободу Робину», но в основном слышались тихие благоговейные вздохи. Глядя на море лиц, Ла Наг вдруг испытал жуткое экстатическое ликование. Понятно — толпа на его стороне. Но она слишком сильная, неуправляемая... Выйдя из-под контроля, натворит много бед. Отныне все зависит от чистой удачи.

— Арестованный Питер Ла Наг добровольно признал себя преступником, известным под прозвищем Робин Гуд. Сегодня мы его судим за вооруженные ограбления, подстрекательство к бунту и прочие тяжкие государственные преступления.

Толпа отреагировала самопроизвольно: многочисленные крики быстро слились в одно долгое оглушительное «НЕ-Е-ЕТ!».

Огорошенный таким ответом Метеп лишь укоризненно покачал головой, запнувшись только на первом слове:

— Поскольку речь идет об экстраординарных преступлениях, слушания проводит не обычный суд, а трибунал в составе Метеп VII и членов Совета Пяти, которые по имперским законам в кризисных ситуациях обладают особыми чрезвычайными полномочиями.

— НЕ-Е-ЕТ!

В воздух взметнулись сжатые кулаки.

Метеп вскочил с трона. Ла Наг со своего помоста видел, что правитель пришел в дикую ярость, царственное обличье треснуло, облупилось, слетело.

— Обожаєте Робин Гуда? — вскричал он дрожащим от злости голосом. — Подождите! Чуть-чуть подождите! На сегодняшнем заседании будут представлены неопровержимые доказательства, что так называемый Робин Гуд — агент Земли, враг каждого лояльного жителя внешних миров!

— Не-е-ет! — крикнул зал чуть потише; не потому, что толпа усомнилась, а потому, что многие расхохотались.

— А это, — в голосе Метеп послышалась истерическая нотка, тон поднялся до визга; чувствуя это, люди сразу притихли, — карается смертью!

Если Метеп VII ожидал, что после сего заявления установится тишина, его ждало горькое разочарование. В ответ грянуло «НЕ-Е-ЕТ!» громче и дольше прежнего. И на сей раз народ не ограничился словесным протестом, а двинулся к сцене единой гигантской массой протоплазмы, впервые выбирающейся из первичного океана, скандируя:

— СВОБОДУ РОБИНУ!.. СВОБОДУ РОБИНУ!..

Имперская охрана могла лишь достойно уступить дорогу, размахивая прикладами бластерных ружей перед немыслимой волной людей, непреклонно движущейся вперед, несмотря на всякое сопротивление.

— Призываю к порядку! — завопил Метеп со своего столба. — К порядку! Я прикажу охране стрелять в первого, кто ступит на сцену!

Слыша это, один из охранников попятился к трону над диадемой, взглянул вверх на Метепу, потом на толпу. С откровенным негодованием поднял над головой бластерное ружье, секунду помедлил, а потом швырнул его на пол прямо перед собой.

И тут началось. Словно прорвалась плотина. Через долю секунды другие охранники побросали оружие, не оставив преграды между людьми и сценой. Почти все вместе с прочими тоже пошли вперед, крича: «СВОБОДУ РОБИНУ!»

Толпа вдруг разделилась — одни ринулись к трону Метепу, другие бросились к Ла Нагу. Конечно, на выручку, только он все равно испугался. Дикая, бешеная волна вполне могла нечаянно сбить его с ног, раздавить насмерть.

Однако ничего подобного не случилось. Помост окружили смеющиеся лица, люди, выкрикивая его имя, голыми руками сломали решетки, стащили с эшафота Робин Гуда, вскинули себе на плечи.

В центре сцены разыгрывался гораздо более мрачный спектакль. Другая — рассерженная — половина толпы штурмовала трон. Сами того не заметив, члены Совета Пяти были расшвыряны в разные стороны. Собравшимся нужен был только символ Империи — Метеп VII. Видя, как приближаются обозленные верноподданные, Метеп предусмотрительно заблокировал трон наверху. Попытки спустить его не имели успеха, пока кому-то не пришло в голову расшатать столб.

Конструкция трона была очень прочной, массивной, толпа — сильной, решительной. Столб начали попеременно толкать с одной стороны и тянуть на себя с другой, но кресло практически не двигалось. Впрочем, вскоре сооружение зашаталось вместе с Метепом VII, который, утратив всякое достоинство, отчаянно вцепился в сиденье под аккомпанемент жуткого хохота окружающих. Когда он все-таки решил спуститься, было уже поздно. Руки его вдруг разжались, он с воплем полетел вниз в поджидавшее людское море. Поднялся оглушительный рев.

Ла Наг больше всего боялся, как бы толпа безжалостно не забила правителя. К счастью, этого не случилось. Тщетные попытки Метепу удержаться на падавшем троне были настолько комичны, что общее настроение его мучителей переменялось, они не стали устраивать безобразную склоку. Схватили за руки, за ноги, бросили на помост, только что освобожденный прежним арестованным, а Ла Нага понесли на плечах к опустевшему трону, который к тому времени спустился на сцену. Усадили его в кресло, кто-то нажал кнопку, и трон вновь пошел вверх, на этот раз с новым сидельцем. Пока он поднимался на вершину столба, внизу снова послышался хор:

— МЕТЕП ВОСЬМОЙ! МЕТЕП ВОСЬМОЙ! МЕТЕП ВОСЬМОЙ!

Ла Наг проигнорировал крики, ожидая подобной реакции — наивной, недальновидной и совершенно типичной. Именно поэтому история повторяется снова и снова. Чего он никак не ожидал, так это подъема на дурацком троне. Чувствовал себя смешным, выставленным напоказ, огромной мишенью для бластера. Вновь вернулось предчувствие смерти.

Он вновь от него отмахнулся. От Каньи никаких известий, значит, Брунин еще на свободе с пусковым устройством, приводящим в действие большой ящик Барского. Что сулит мгновенную гибель Ла Нагу и всем остальным.

Он оглядел сверху бурлившую массу радостных лиц, полных несказанной надежды, понимающих свою роль акушерки, которая помогает рождению новой жизни. Неизвестно, какой она будет, но обязательно лучше той, какой они жили в последнее время.

Впрочем, ликовали не все. Ла Наг заметил, что Хейуорт смотрит на него снизу вверх, приложив к виску правую руку — не пострадал ли в давке? — причем смотрит очень сосредоточенно, закрыв левый глаз. Люди вроде не обращали на него внимания, несмотря на необычную чужеземную внешность. Метеп носит титул, а значит, с общей точки зрения ему и принадлежит власть в Империи. Мало кто знает, что фактически все решения принимал Хейуорт.

Ла Наг перевел взгляд с главного советника на бушующую толпу, заполнявшую Зал Свободы до самых дверей и кипевшую за ними. Поворачивая голову, мельком взглянул на запястье Хейурорта и понял, что тот собирается сделать.

Махнув рукой вниз, Ла Наг вскочил и крикнул:

— Дейро Хейуорт!

Микрофоны с дистанционным управлением автоматически нацеливались на трон, кто б на нем ни сидел, и усиленный призыв «ДЕЙРО ХЕЙУОРТ!» прогремел в стенах зала.

В Зале Свободы воцарилась тишина, словно его вдруг накрыли плотным плащом, и знакомые личности средних лет мигом подхватили Хейурорта за руки.

— Отпустите его, — сказал Ла Наг в микрофон не так громко, почти обычным тоном. — Отойти те подальше.

Присутствующие не хотели или не могли оставить в покое главного советника, хватая и *толкая его*.

— Отойдите от него, пожалуйста, — повторил Ла Наг, буквально висая над сценой.

Толпа не послушалась. Тогда он кивнул мужчине средних лет, который сразу же схватился за пояс. Голографический костюм выключился, и в(сразу увидели рядом с Хейуортом флинтерку в полном боевом снаряжении. Люди попятились, вокруг советника мигом образовалось пустое пространство. Канья вернулась.

— Ну, мистер Хейуорт, — тихо проговорил Ла Наг, которого было слышно в самом дальнем конце Зала Свободы, — убейте меня. Вы ведь убийств задумали, правда? Давайте. Только вытащите свой бластер, чтобы все видели. По завершении жульнического суда, который объявил бы меня виновным — в приговоре нет ни малейших сомнений, я был бы казнен. Однако вы собирались расправиться со мной чужими руками. Теперь нет такс необходимости. Удовольствие принадлежит лично вам. Действуйте.

С кружившейся на шестиметровой высоте голе вой Ла Наг смотрел, как мужчина с искусственны загаром и набело вытравленными волосами выхватил из рукава бластер, прицелился. Несмотря на головокружение, он быстро встал, надеясь, что Хейуорт промахнется, если все-таки решится на выстрел ил Канья успеет подтолкнуть его под руку. Первым де лом необходимо выставить его на потеху. Эта сцена идет сейчас на экране каждого видеоприемника на планете, записывается для трансляции во внешних мирах. Беспомощный и огорошенный Метеп на помосте для обвиняемых уже глупо выглядит. Остается один Хейуорт, которого следует запугать, опозорить, чтобы он не стал знаменем немногочисленных роялистов, выплывших на волне революции.

На лице Хейурорта отражался такой же страх, какой Ла Наг переживал в душе. Подняв бластер, он не целился в намеченную жертву, а вертелся на месте между настоящей флинтеркой из плоти и крови и окружавшими его молчаливыми испуганными враждебными людьми.

Ла Наг гулко шепнул:

— Стреляйте, мистер Хейуорт. *Немедленно...* Или бросьте оружие.

Со страдальческим стоном, в котором страх поровну смешивался с отчаянием, главный советник

поднес дуло к собственному виску. Люди у него за спиной сморгнули, присели, наверняка ожидая, что в них сейчас брызнут осколки черепа. Хейуорт быстро огляделся вокруг, видя, что в пределах досягаемости стоит только Канья. Она с легкостью успела бы выхватить у него бластер, не дав выстрелить, но даже не шевельнулась.

Сам он тоже застыл. Никто не пытается удержать его от самоубийства. Ему предоставлена полная свобода действий. Никто не собирается вместо него спустить курок, никто не собирается ему в этом препятствовать. Главный герой трагической сцены, которую видят все тронцы — и которую скоро увидят все жители внешних миров, — стоит голый, лишенный всякого достоинства, вспоротый от гортани до паха, с выставленными на всеобщее обозрение дымящимися вонючими внутренностями.

Издав горестный безнадежный вздох, Хейуорт опустил руку, выронив неиспользованный бластер. Канья мигом перехватила оружие. Когда она уводила бывшего советника, зал снова заголосил:

— МЕТЕП ВОСЬМОЙ! МЕТЕП ВОСЬМОЙ! МЕТЕП ВОСЬМОЙ!

Ла Наг тяжело рухнул в кресло — ноги вдруг перестали держать. Собираясь с мыслями и с силами, в надежде, что сегодня он в последний раз смотрел смерти в глаза, вдруг услышал, что песня запнулась. Подняв глаза, увидел, как толпа расступилась посередине. Дюжина флинтеров прокладывала дорогу к сцене, клином прорезаясь сквозь толпу, словно вибронож сквозь кусок сырого мяса. Присмотревшись, он понял, кого они прикрывают, — Мору.

Узнав ее, он тут же пустил трон вниз. Уже поджидавшая на сцене Мора вскочила на ручку кресла, которое снова начало подниматься.

По этому поводу толпы внутри и вокруг Зала Свободы пришли в такой безумный восторг, на какой Ла Наг близко даже не рассчитывал, старательно завоевывая симпатии населения Трона. Все видели выступление Мору по видео, почти все откликнулись на призыв. Теперь видели ее своими глазами вместе с мужем, чувствуя себя причастными к радостной встрече, прославляя себя, Робин Гуда, его отважную жену.

— Люблю тебя, — шепнул Ла Наг ей на ухо. — Всегда любил. Просто... на время отошел в сторону.

— Знаю, — мягко сказала она, прильнув к нему столь же мягким телом. — Хорошо, что вернулся.

Отдельные крики слились в оглушительный хор:

— МЕТЕП ВОСЬМОЙ! МЕТЕП ВОСЬМОЙ! МЕТЕП ВОСЬМОЙ!..

Неужели никогда не устанут звать очередного Метеп? Видя внизу тысячи полных надежды глаз, тысячи радостных лиц, полных веры, Ла Наг знал, что пять прошедших лет были только прелюдией. Теперь начнется *настоящая* работа. Надо полностью избавить народы от пережитых кошмаров, внушить им, что беда вполне может, но не должна повториться, что есть другой путь... гораздо лучше. Сделать это труднее, чем совершить революцию.

Надо убедить добрых честных людей, что он вовсе не новый Метеп. Больше того — убедить, что новый Метеп им не нужен. И больше никогда не понадобится.

Эпилог

*Еще одно, сограждане: мудрое и заботливое правительство,
призванное удерживать людей от причинения вреда друг
другу, должно разрешить им свободно преследовать свои
деловые и личные цели, не лишая заработанного хлеба. Вот в
чем суть хорошего правительства.*

Томас Джефферсон

Ла Наг сердито с размаху швырнул одежду в дорожный сундук. Не будь она тряпичной, разлетелась бы вдребезги по всей комнате. Прошел целый стандартный год с момента его заключения в Имперском комплексе, где он по своей воле остался после революции. А теперь покидает. Собственно, вообще покидает Трон. Навсегда.

Ствол Пьеро у окна меняется медленно, неуверенно. Деревце выглядит вполне здоровым, среди старых темных побегов пробиваются новые, светло-зеленые. В данный момент ствол принял нейтральную позу, соответственно настроению Ла Нага, в душе которого радостное предвкушение возвращения на Толиву омрачалось только что полученными неприятными известиями.

Прошлый год был долгим и крайне огорчительным. А ведь как удачно начинался в Зале Свободы... Собравшиеся там массы и миллионы зрителей у видео охотно согласились, что новый Метеп не решает проблему. Империя умерла — будем надеяться, навсегда. Приветственный радостный хор снова встретил Ла Нага, изложившего свою идею объединения внешних миров в принципиально новую уникальную структуру с множеством дверей и без крыши — в союз, который позволил бы каждой планете идти своим путем туда, куда пожелают ее обитатели, и одновременно чувствовать связь с человечеством в целом.

К братским внешним мирам обратились с посланием: Империя погибла, отправляйте к нам доверенных авторитетных людей для создания новой организации, нового союза — Федерации.

В ожидании инопланетных представителей тройский народ принялся решать задачу восстановления общественного и экономического порядка.

Физическую силу обеспечивала планета Флинт. В первый и, безусловно, в последний раз флинтеры стали обычным явлением на улицах чужой планеты. Особенно часто мелькали они в Примус-Сити. А если никого из них видно не было, значит, вооруженный флинтер, всегда готовый отразить нападение и прекратить любое безобразие, скорее всего, скрывался под голографической маской безобидного гражданина.

Необходимость продиктовала подобную тактику. Во времена хаоса образовалось слишком много уличных банд, слишком многие рыскавшие по улицам хулиганы считали городские кварталы личными охотничьими угодьями, привыкнув по собственному желанию брать все, что им нужно. Порой с ними приходилось обращаться... покруче. Члены банд либо усваивали, что насилие на Троне ничего больше не даст, либо гибли, пытаясь доказать обратное. Был провозглашен лозунг: мир или пеняй на себя.

Вскоре воцарился мир.

Одновременно с действиями флинтеров Толива начала решительную борьбу с экономическим хаосом, породившим общественные беспорядки. Грузовые корабли доставляли на Трон отчеканенные на Толиве золотые и серебряные монеты с отштампованной звездой, вписанной в греческую букву «омега» — символ ома, единицы сопротивления, — хорошо всем знакомой по выпускам «Хрестоматии Робин Гуда». Установили курс обмена новых монет на ничего не стоящие бумажные марки, наводнившие экономику.

Толивианцы надеялись на хотя бы частичное возмещение долга со временем. Однако никаких надежд на полную отдачу никогда не питали. Но готовы были заплатить эту цену, фактически покупая для себя надежное будущее. По их мнению, деньги тратились с пользой.

Введение новых твердых платежных средств принесло почти волшебные результаты. Через несколько дней транспортные профсоюзы вернулись к работе, на производство стало доставляться сырье, в города хлынули товары первой необходимости. Прекратились требования выплачивать жалование ежедневно и даже дважды в день, исчезло опасливое стремление немедленно тратить все деньги, пришедшие в руки, люди перестали делать запасы. Открывались старые предприятия, возникло несколько новых, всем требовались работники. Во время катастрофы не было смысла производить и пускать на продажу продукцию — если ее сразу не разворовывали, вырученные деньги так быстро теряли покупательную способность, что ни о какой коммерции нечего было и думать. Теперь все переменялось.

Возродившиеся надежды и доверие к твердой валюте вернули со временем ощущение нормальной жизни. Завтрашний день уже не пугал, уверенно просматривался. Хотя решения еще требовали мириады проблем. Несмотря на восстановление промышленной деятельности, оставалась масса безработных, среди них множество бывших имперских служащих. Для них временно сохранялось пособие, трудоспособных ставили на расчистку обломков крушения. Появились новые органы, занимавшиеся задачами, которыми прежде ведали бесчисленные имперские управления, так что бывшие правительственные чиновники постепенно пристраивались на работу.

Трон удивительным образом преобразился. Каждый получил ответы, каждый был занят ответственным делом, все должно было кончиться хорошо. Люди были готовы идти за Робин Гудом куда угодно, делать все, что он скажет, только бы снова не пережить тот же самый кошмар. Слепая преданность не радовала Ла Нага. Будь он другим человеком, вполне мог бы установить во внешних мирах такой тоталитарный режим, какого никогда не знала история человечества. Тронцы столь болезненно переживали последствия катастрофы, что исполнили бы любую его просьбу, лишь бы на полках стояли продукты, а монарельс ходил по расписанию. Прискорбно. И страшно.

Наконец начали прибывать представители других миров, сперва тонкой прерывистой струйкой, потом широким бесконечным потоком. Собрав всех в Зале Свободы, Ла Наг представил проект нового союза и устав сообщества планет, который должен послужить основой для формулировки целей и выражения общих интересов его членов, однако не затрагивать внутри- и межпланетные дела, пока речь не идет об агрессии против них. Федерация внешних миров, как назвал ее Ла Наг, должна стать главным образом миротворческой силой в жестких рамках устава — документа, который писали, переписывали и уточняли представители многих поколений семейства Ла Наг.

Любая планета, применившая силу против другой планеты, рискует немедленным наказанием со стороны федерального Министерства обороны. Федерация — добровольная организация; вошедшие в нее планеты обязательно платят налоги, имея право голоса в федеральной политике — едва слышного голоса, ибо устав строго ограничивает деятельность организации. За это Министерство обороны обеспечивает им полную и всестороннюю защиту. Не желающие присоединяться вольны идти своим путем, только пусть никогда не рассчитывают ни на какую помощь Федерации.

Каждой планете предъявляется лишь одно требование: всем ее обитателям, за исключением преследуемых законом, должно быть предоставлено право на свободную эмиграцию по своей собственной воле. Въезд можно регламентировать как угодно, но свободный выезд вместе со всем законно приобретенным имуществом остается абсолютным условием членства. Наказание за нарушение этого правила варьируется от штрафа до исключения.

Кроме сдерживания агрессивных наклонностей наиболее склонных к авантюризму членов и

обеспечения свободной торговли между всеми планетами, находящимися в юрисдикции Федерации, устав практически не наделял ее другими полномочиями. Когда речь не идет о насильственных действиях против входящей в нее планеты и ее граждан, ей предписано просто стоять рядом, наблюдая, как человечество делает свое дело.

Многих представителей глубоко озадачила столь радикальная концепция невмешательства. Они никогда не видели ничего подобного ни на опыте, ни в учебниках. Идея казалась совершенно чуждой, как тарки, когда было объявлено об их существовании. По мнению многих планетарных представителей, формы правления, описанной в уставе Ла Нага, попросту недостаточно. Фактически Федерация вообще ничем не будет управлять!

Тут и возникли трудности.

Теперь ясно, что их надо было предвидеть. Даже Брунин предвидел, когда Ла Наг навел его в больницу, где тот оправлялся от почти, но не совсем смертельных побоев, нанесенных Каньей. Прочитав проект устава, он презрительно расхохотался:

— Я всегда называл тебя фантазером, Ла Наг! Как только ты повернешься спиной, твою бумажонку сразу же на клочки искромсают. Примутся переписывать по кусочкам, пока ты ее сам не узнаешь. Не удержатся!

Ла Наг в тот момент не поверил, твердо думая, что внешние миры усвоили преподнесенный урок. И ошибся. Немалый процент с виду умных и образованных планетарных представителей оказался не поддающимся обучению некоторым жизненно важным предметам. До конца года тянулась ожесточенная борьба между пуристами, желавшими принять устав в оригинальном виде, реакционерами, желавшими его существенно изменить, и центристами, предлагавшими следующий компромисс. Устав принимается в изначальном варианте, но с добавлением чрезвычайной статьи, которая вводится в действие исключительно в кризисные моменты, наделяя Федерацию особыми полномочиями для решения неожиданных проблем, представляющих серьезную угрозу для членов.

Не один месяц Ла Наг умолял, соблазнял, угрожал, просил, предупреждал и сейчас получил известие, что устав принят... с непременно включением чрезвычайной статьи по требованию подавляющего большинства представителей. Родилась Федерация внешних миров, как теперь многие называют Федерацию Ла Нага. Трон переименован в Центр Федерации, для внешних миров началась новая эра.

Питер Ла Наг продолжал собираться. Гнев сменился унынием. Направил планетарным представителям заявление с требованием полностью выбросить его имя из искаженного устава. Он отрекается от него, от самой Федерации, больше никогда не собирается видеть и слышать любого имеющего к ней отношение. Новый председатель Верховного Совета выразил сожаление, но заметил, что каждый по-прежнему будет считать злополучный документ Уставом Ла Нага.

В душе он знал, что когда-нибудь, может быть, передумает, а сейчас слишком зол, слишком обескуражен. Столько лет... столько трудов потрачено напрасно. Чрезвычайная статья — тикающая бомба, заложенная в устав и в организацию, постоянное искушение для всех будущих дейро хейуортов и метепов.

Загудел видеофон. Без бороды Брунин был почти красивым, лицо портил лишь треугольный шрам на щеке и кривая ухмылка.

— Только что слышал новость. Похоже, уже исковеркали твою маленькую мечту. Что теперь собираешься делать?

— Уезжаю. Следом за тобой.

— Да, я точно уезжаю, — сердито прищурился он. — Однако не думай, будто стану просто сидеть и

толстеть на Нолеветоле. Соберу людей, которые думают так же, как я, и, когда твоя Федерация, — выплюнул он это слово, — сойдет с пути, буду готов хорошенько попортить ей жизнь!

— На здоровье, — устало буркнул Ла Наг. — Я не буду. С меня хватит. — И на том прервал связь.

Брунину разрешили остаться на Троне до выздоровления под присмотром Ла Нага и флинтеров. Канья переломала ему почти все кости, и, хотя они срослись полностью, он до конца жизни будет испытывать боль и хромать. С отъездом Ла Нага его депортируют на родной Нолеветол.

А Ла Нага ждет свой родной мир и все, что в нем есть. После революции они с Морой ненадолго съездили на Толиву. До сих пор невозможно привыкнуть к выросшей, изменившейся Лайне. Пробыв дома несколько недель, вновь познакомившись с женой и дочерью, он опять их покинул, улетев на Трон. Теперь вернется навсегда.

Он подошел к окну, глядя на тихий зеленый Имперский парк, гадая, как его собираются переименовать. Только бы не в парк Ла Нага... Солнечный свет, играющие дети, пары, медленно прогуливающиеся в обнимку, строя планы, несколько облегчили душу.

Может, он чересчур строг к собратьям из внешних миров. Может, чрезвычайной статьей никогда не воспользуются. Может, внешние миры действительно уяснили урок. Будем надеяться. Он дал им шанс. Остальное зависит от них и от их детей.

Питер Ла Наг возвращается домой.

Примечания

1

Мизес Людвиг фон 1881–1973) — американский экономист, считавший государственное вмешательство в хозяйственную жизнь нарушением естественного процесса экономического развития. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

В Веймарской буржуазно-демократической республике, образовавшейся в Германии в 1919 г. после поражения в Первой мировой войне, стоимость денежной единицы — марки — упала в миллиард раз, на чем сумели сыграть фашисты в борьбе за власть.

3

Мировоззрение *(нем.)*.

4

«Гномами» называют теневых финансистов, оказывающих влияние на политику.

5

Мукополисахариды — желеподобные вещества, служащие природным смазочным материалом в

организме животных и человека.

6

Болезнь Рейно — симметричные спазмы артерий кистей рук и стоп.

7

Монтрезор, герой рассказа Эдгара По «Бочонок амонтильядо», замуровал в стене своего обидчика Фортунато.

8

Налоговые удержания — подоходный налог, взимаемый путем регулярных вычетов из зарплаты.

9

По определенным индуистским праздникам статуи бога Кришны — Джаггернаута — вывозились на огромных колесницах, под колеса которых бросались истово верующие.

10

Сантаяна Джордж (1863–1952) — американский философ и поэт испанского происхождения, выступавший, частности, против демократии, социализма, научно-технического прогресса, за возврат к «естественному» аристократическому обществу Древней Греции.